НАУКИ РУССКОГО МИРА

научный журнал

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

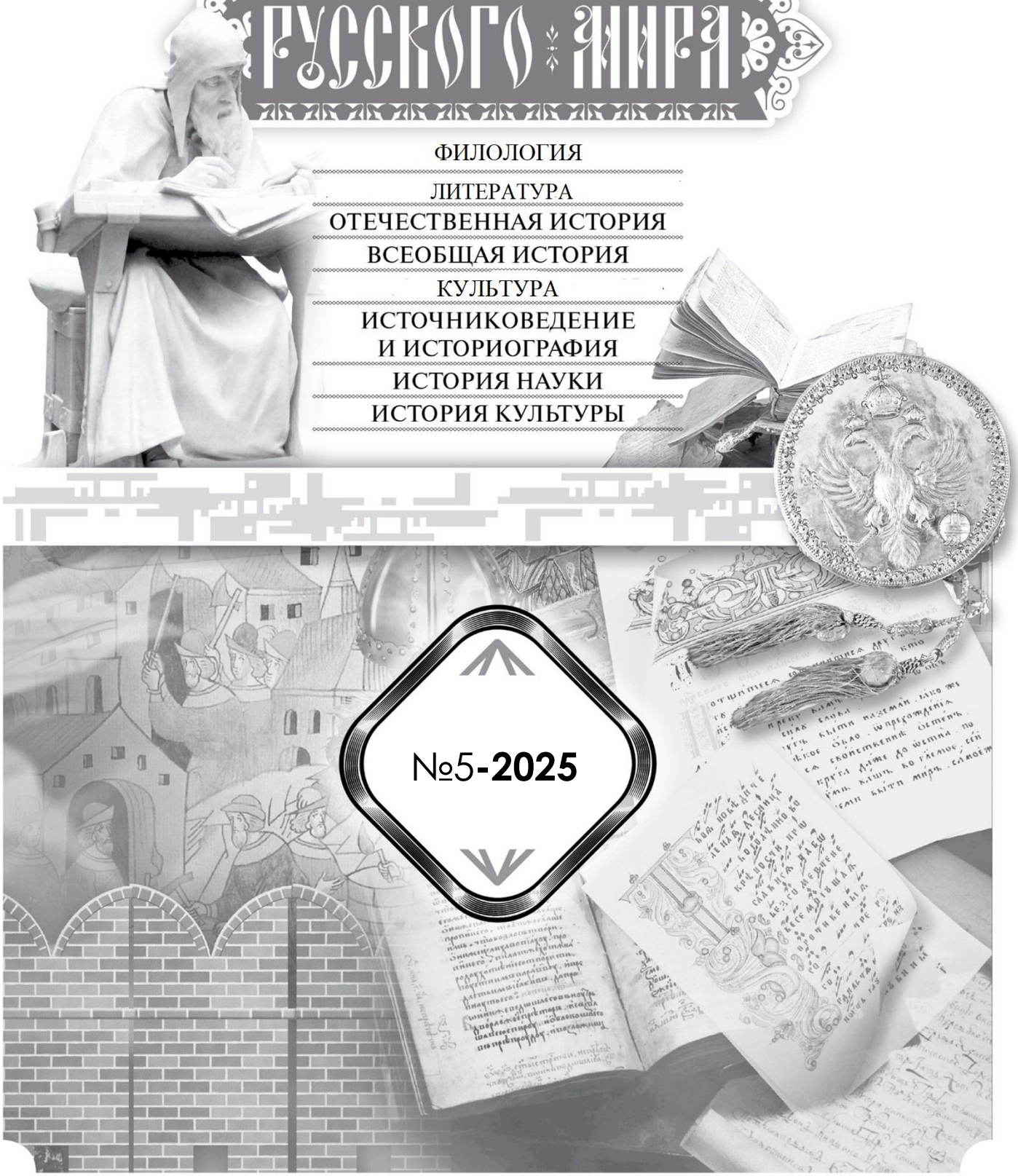
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

КУЛЬТУРА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ



№5-2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: ВОСЕМЬ раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Дударева Марианна Андреевна,
доктор культурологии, доктор филологических наук, профессор РГПУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)

Мапельман Валентина Михайловна

Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Dudareva Marianna Andreevna
Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philology, Professor of the Kosygin Russian State Pedagogical University (Technology. Design. Art)

Zyablova Olga Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical

University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna

Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna

Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Media Communications, Northwestern Institute of Managemen

Mapelman Valentina Mikhailovna

Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Pokhilko Alexander Dmitrievich

Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich

Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

Новожилов Дмитрий Михайлович, Кашина Алёна Романовна
ОБРАЗ ДОМА КАК ХРАНИТЕЛЯ ТРАДИЦИОННОГО МИРА: ФИЛОСОФИЯ УТРАТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ Г. ПЕТРОВИЧА «ШЕСТЬ ЛИСТИКОВ БЕССМЕРТНИКА» **13**

Таирова Ирина Александровна
ОБРАЗЫ «РУССКОЙ ПЕЧАЛИ» И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ МОТИВОВ В ЛИРИКЕ СЕРГЕЯ ПОТЕХИНА **19**

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Киселёва Анастасия Михайловна
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АНТРОПОМОРФНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ МАКРОМЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МУЖ **25**

Лукина Маргарита Николаевна
О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА С ОПОРОЙ НА РОДНОЙ ЯЗЫК **36**

Манерко Константин Вячеславович
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ **44**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Демкина Яна Юрьевна
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНАУГУРАЛЬНЫХ РЕЧЕЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ДЖОЗЕФА БАЙДЕНА **51**

Сикацкая Полина Алексеевна
МЕТРИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ С АНГЛИЙСКОГО И ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ **58**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ерженинова Снежана Васильевна, Толоконникова Ольга Александровна
ОБУЧЕНИЕ ВОЕННЫМ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА **66**

Глазырина Елена Сергеевна, Брагина Оксана Александровна
ФРАЗЕОЛОГИЯ РАДИООБМЕНА КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА **75**

Зяблова Ольга Александровна
СПЕЦИФИКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ КОНФРОНТАЦИИ-СОПЕРНИЧЕСТВА **83**

Милованова Марина Васильевна
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ **88**

Таджик Нафисе, Мадаени-Аввал Али, Захраи Сейед Хасан
ПЕРЕВОД РУССКИХ ЭТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ДЕАДЪЕКТИВОВ С СУФФИКСОМ *-ОТ(А)* НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ С РЕЗУЛЬТАТАМИ GPT-4o **95**

ИСТОРИЯ

Кушнерёв Валерий Владимирович, Третьяченко Дмитрий Сергеевич
ЗАБЫТОЕ НАЧАЛО К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ АВИАЦИОННЫХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В КРАСНОДАРЕ **104**

*****

CONTENT

LITERATURE

Novozhilov Dmitry Mikhailovich, Kashina Alyona Romanovna
THE IMAGE OF THE HOUSE AS THE GUARDIAN OF THE TRADITIONAL WORLD: THE PHILOSOPHY OF IDENTITY LOSS IN THE SHORT STORY BY G. N. PETROVICH "SIX LEAVES OF THE IMMORTELLE" **13**

Tairova Irina Alexandrovna
IMAGES OF "RUSSIAN SADNESS " AND EXISTENTIAL MOTIFS IN SERGEY POTEKHIN'S LYRICS **19**

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Kiseleva Anastasia Mikhailovna
FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF ANTHROPOMORPHIC SOCIAL FEATURES OF A HUSBAND'S MACROMENTAL EDUCATION **25**

Lukina Margarita Nikolaevna
ABOUT SOME METHODS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE BASED ON THE NATIVE LANGUAGE **36**

Konstantin Vyacheslav Manerko
THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF A. N. P. N. CHEKHOV'S SHORT STORIES IN THE FORMATION OF INTERPERSONAL VALUES IN TEACHING RUSSIAN AS A NON-NATIVE LANGUAGE **44**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Demkina Yana Yurievna
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INAUGURAL SPEECHES OF DONALD TRUMP AND JOSEPH BIDEN **51**

Sikatskaya Polina Alekseevna
THE METRICAL EQUIVALENCE OF RUSSIAN POETIC TRANSLATIONS FROM ENGLISH AND LATIN IN A COMPARATIVE ASPECT **58**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUIST

Yerzheninova Snezhana Vasilyevna, Tolokonnikova Olga Alexandrovna
TEACHING MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLAS **66**

Glazyrina Elena Sergeevna, Bragina Oksana Alexandrovna
PHRASEOLOGY OF RADIO EXCHANGE AS A MEANS OF PROFESSIONAL COMMUNICATION FROM THE POINT OF VIEW OF A COGNITIVE-DISCURSIVE APPROAC **75**

Zyablova Olga Alexandrovna
THE SPECIFICS OF DIPLOMATIC DISCURSIVE PRACTICE IN THE CONTEXT OF CONFRONTATION AND RIVALRY **83**

Milovanova Marina Vasilyevna
SELECTED ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODELS IN THE TRANSLATION OF POETIC TEXTS **88**

Tajik Nafise, Madaeni-Awwal Ali, Zahrai Seyed Hassan
TRANSLATION OF RUSSIAN ETHICALLY MARKED DEADJECTIVES WITH THE SUFFIX-FROM (A) INTO PERSIAN: CASE STUDY AND COMPARISON WITH THE RESULTS OF GPT-4o **95**

History

Kushnerev Valery Vladimirovich, Tretyachenko Dmitry Sergeevich
A FORGOTTEN BEGINNING TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF AVIATION MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN KRASNODAR **104**

*****

ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.16

ОБРАЗ ДОМА КАК ХРАНИТЕЛЯ ТРАДИЦИОННОГО МИРА: ФИЛОСОФИЯ УТРАТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ Г. ПЕТРОВИЧА «ШЕСТЬ ЛИСТИКОВ БЕССМЕРТНИКА»

Новожилов Дмитрий Михайлович
Кандидат филол. наук,
РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
SPIN-код: 7995-9248

Кашина Алёна Романовна
Студент Института славянской культуры РГУ им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

В статье исследуется рассказ Г. Петровича «Шесть листиков бессмертника» в контексте балканского постмодернизма и магического реализма. Особое внимание уделяется символике Дома как художественной репрезентации национальной и культурной идентичности сербского народа. Через архетипические образы, фольклорные коды, мотивы дуальности, оппозицию «свой – чужой» автор раскрывает напряженные процессы самоопределения, обусловленные трагическими событиями сербской истории и последующим кризисом ценностей. Рассказ рассматривается как попытка поэтического осмысления традиции и сакрализации концепта памяти в условиях утраты устойчивых ориентиров. Результаты исследования могут быть интересны и филологам, и культурологам, помещающим литературу в пространство большого диалога культур.

Ключевые слова: балканский постмодернизм, магический реализм, национальная идентичность, культурная память, символика Дома, мифопоэтика, сербская культура, традиции, символика узоров.

THE IMAGE OF THE HOUSE AS A GUARDIAN OF THE TRADITIONAL WORLD: THE PHILOSOPHY OF IDENTITY LOSS IN G. PETROVIĆ'S SIX LEAVES OF THE IMMORTELLE

Novozhilov Dmitry Mikhailovich
PhD in Philology, Associate Professor, Department of General and Slavic Philology,
Kosygin Russian State University (Moscow)
SPIN-код: 7995-9248

Kashina Alena Romanovna
Kosygin Russian State University (Moscow)

The article examines G. Petrović's work *Six Leaves of the Immortelle* in the context of Balkan postmodernism and magical realism. Special attention is given to the symbolism of the House as an artistic representation of the national and cultural identity of the Serbian people. Through archetypal imagery, folkloric codes, motifs of duality, and the opposition between "self" and "other", the author reveals the tense processes of self-identification

shaped by the tragic events of Serbian history and the subsequent crisis of values. The work is interpreted as a poetic attempt to reframe tradition and to sacralize the concept of memory in a world where stable reference points have been lost. The results of the study may be of interest to both philologists and cultural scientists who place literature in the space of a large dialogue of cultures.

Keywords: Balkan postmodernism, magical realism, national identity, cultural memory, symbolism of the House, mythopoetics, Serbian culture, traditions, symbolism of patterns.

*****

Г. Петрович (1961-2024 гг.) – современный сербский автор, представляющий постмодернистскую эпоху. Он воплощает в своем творчестве характерные черты балканского варианта постмодернизма, специфика которого во многом детерминирована глубокими социальными и политическими трансформациями 1990-х гг. Эти процессы оказали значительное влияние на изменение аксиологической системы, инициировав ее переосмысление и перестройку. В первую очередь это проявилось в состоянии экзистенциальной и мировоззренческой дезориентации, которая и была обусловлена ранее упомянутым кризисом [1, С. 187]. Именно это ощущение утраты опор вызвало потребность в формировании новых идейных и эмоциональных ориентиров, что стало одним из ключевых импульсов для художественного поиска в рамках постмодернистской парадигмы.

Однако, следует подчеркнуть, что, несмотря на очевидную сопричастность к общим постмодернистским тенденциям поэтики Г. Петровича, его произведения в значительной степени обращены к традиционной культуре. На это же указывает в своей работе Г. Ю. Завгородная, подчеркивая, что у сербского автора «нет деконструкции смыслов, их уравнивания, напротив, есть обретение новых» [1, С. 188]. Подобная направленность, по-видимому, обусловлена тяготением Г. Петровича к руслу магического реализма.

Прежде чем перейти к анализу отобранного материала, необходимо кратко обозначить теоретические сложности, связанные с понятием «магический реализм». Этот термин не имеет четко оформленной дефиниции, поскольку в разные периоды применялся как к литературным, так и к живописным произведениям, получая при этом разнообразные интерпретации [2]. Тем не менее, в большинстве случаев магический реализм предполагает наличие двойной реальности, первичной, доступной наивному взгляду непосвященного зрителя, и скрытой, в суть которого способен проникнуть только художник и, соответственно, провести за собой внимательного наблюдателя, также обладающего духовным зрением. Подобную трактовку поддерживает и О. Л. Шаланова, вслед за которой здесь будет пониматься данный термин: «магический (мистический) реализм – художественный метод, в котором магические (мистические) элементы включены в реалистическую картину мира» [3, С. 54].

Таким образом, сербский автор поэтически и даже в некоторой степени сюрреалистически переосмысляет повседневную жизнь, наполняя ее фантастическим содержанием, играя не только с временными пластами, но и загробной реальностью. Художественное пространство строится на постоянном сближении символов иной действительности, доступных прежде всего тем героям, которые внутренне сопричастны традиционной культуре. В связи с этим, анализируя образ Дома в рассказе Г. Петровича «Шесть листиков бессмертника» (1996 г.), мы будем обращать внимание именно на те элементы, которые содержат следы традиционной культуры сербского народа.

Прежде всего следует подчеркнуть, что дуальность, выступающая в качестве художественной доминанты магического реализма, легла в основу поэтики данного рассказа. В рамках этого принципа можно выделить три ключевых уровня

противопоставлений. Первым их них представляется классическая для культурологии оппозиция «свой-чужой», задающая основу для интерпретации основного конфликта.

Действие разворачивается вокруг обычной сербской семьи, где под одной крышей сельского дома мирно живут сразу три поколения. Г. Петрович сознательно не называет имен и не дает никаких четких географических координат, что подчеркивает типичность изображаемых событий. Повседневность героев организована вокруг традиционного уклада, сложившегося в ходе многовекового историко-культурного развития. Знание этих устоявшихся бытовых практик (как, например, расчесывание густых солнечных лучей для защиты сада от чрезмерно агрессивного света) становится маркером принадлежности к «своим» и в то же время классифицирующим признаком, на основании которого герои распознают в пришедшем человеке «чужака».

Важно отметить еще одну принципиально значимую для художественного пространства рассказа оппозицию: путь к дому героев пролегает по «узкому бревну над ручьем» – препятствию, которое, по замечанию Г. Петровича, способны преодолеть только местные. Этот мотив обладает архетипическим характером и отсылает к традиционным мифологическим представлениям о реке как о границе между мирами – живым и мертвым. Таким образом, пространство, в котором обитают герои, маркируется как иная, трансцендентная реальность, отграниченная от повседневной действительности. При этом персонажи стремятся сохранить автономию своего сакрализованного мира, защищаясь от разрушительного воздействия унылой реальности, воплощенной в фигуре чужака, грубо нарушающего установившийся порядок.

Противопоставление гостя героям дома акцентируется Г. Петровичем на всех языковых уровнях, но ярче всего это выражает лексический пласт. Его фигура подчеркнуто обезличена: «чужак», «незнакомец», «пришелец», «запыхавшийся мужчина» до конца рассказа не обретает имени. Он носит «невнятно однотонный <…> скучный костюм», обмахивается «чудовищным», по мнению старшего поколения, «приспособлением» (т.е. пластмассовым веером») и торгует планами «унылых домов». А именно, коммивояжер предлагает обменять узоры «на полотенцах, рубахах, дверных косяках, платках, прялке, безрукавках – да на чем угодно!» на «план большого дома, этажа на три, с несколькими балконами, с аккуратными медными водостоками».

В данном случае Г. Петрович искусно соединяет два важных фольклорных мотива. С одной стороны, он обращается к дихотомии «свой – чужой», где последний в рамках традиционной славянской культуры воспринимается как элемент иной реальности, неизменно сопряженный с областью зла и смерти [4, С. 52]. С другой – вводит орнамент как важный маркер этнической идентичности, тем самым закрепляя культурные границы через визуальные коды. Помимо принадлежности к тому или иному типу культуры узор, как отмечает А. А. Михайлова, говорил о социальном и имущественном статусе человека, оберегал от воздействия темных сил и вместе с тем указывал на «назначение самого предмета, которое могло быть праздничным, повседневным, обрядовым, траурным и др.» [4, С. 59]. Таким образом, чужак, постепенно присваивая семейные орнаменты героев, лишает их не только связи с культурно-историческим наследием, но и основы собственной самоидентичности.

Следует подчеркнуть, что этническое самосознание в сербской культуре является одним из ключевых и одновременно наиболее болезненных вопросов. Историческая травмированность, связанная еще с событиями XIV в. (а именно, феноменом Косовской битвы 1389 г.), до сих пор вызывает острый эмоциональный отклик. В связи с этим любые посягательства на символы этничности воспринимаются как угроза самому существованию общности.

Прежде чем продолжить непосредственный анализ художественного материала, важно отметить, что в антропологии выделяется два основных вида самоопределения: примордиальный или традиционный (старейший образец самосознания, опирается на общность происхождения и культуры) и либеральный

(универсальный или гражданский), который в свою очередь основывается на искусственно созданных институтах (государство, право и территория) [5, С. 71]. Сербская национальная идентичность, в качестве осознанного концепта возникшая в начале XIX в., относится к примордиальному типу, для которого характерен весьма разнообразный набор признаков: язык, конфессия, единый исторический процесс и судьба, обычаи, принадлежность к роду (включающая национальность родителей), культурное достояние, общие легенды и мифы [6, С. 29].

Таким образом, возвращаясь к рассказу Г. Петровича, следует отметить, что все перечисленные аспекты национальной идентичности находят в его тексте символическое и метафорическое выражение. Через художественное переосмысление автор не только демонстрирует уязвимость этнической принадлежности, но и воспроизводит напряженные процессы самоопределения, которые исторически сопровождали сербский народ.

Именно эти процессы находят отражение в судьбе семьи главных героев, которую справедливо будет разделить на два поколение и выстроить следующую оппозицию. Старшее поколение, к которому принадлежат бабушка и дедушка, становятся хранителями традиционной культуры, тогда как второе – младшее (мать и отец) – легко поддается на уговоры «чужака» и соглашается на губительную сделку. Тут важно отметить, что в художественном пространстве произведения есть и третья сторона – мальчик, от лица которого ведется повествование. Он не включен в данную оппозицию, поскольку его характер не получает развития, а лишь выполняет нарративную функцию – передает события через призму своего детского наивного восприятия.

Автор неизменно подчеркивает приверженность старшего поколения к традиционной и христианской культуре: во-первых, продажа узоров была сразу воспринята ими как утрата наследственной ценности; во-вторых, следует обратить внимание на речевую характеристику и их бытовые практики: бабушка и дедушка часто используют классические обороты, как «боже милостивый», крестятся, пытаясь спасти положение, собирают остатки солнечного света с гор, потому что на опустелый двор легла устрашающая тень недостроенного «домищи» и, наконец, отмечают, что готовы использовать только одну лестницу («ту, что ведет к вратам нашего доброго Господа»). Мировоззрение старшего поколения в целом ориентировано на мир небесный, что также является характерной чертой сербской литературы. Корни этой оппозиции («царство небесное и земное») также соотносится с феноменом Косовского мифа, который стал центральным элементом этнического самосознания. В нем земная победа уступает место небесному выбору, духовной стойкости и жертве по имя веры и народы. Именно такая установка – приоритет духовного над материальным – демонстрируют представители старшего поколения в рассказе. Их нежелание принимать новый «домище» связано не столько с бытовой замкнутостью, сколько с глубоким внутренним убеждением в ценности старых сакральных ориентиров.

На этом основании следует согласиться с утверждением Г. Ю. Завгородной, что Дом в художественном пространстве Г. Петровича выступает «вневременной ценностью, и материальной, и духовной, средоточием человеческого мира» [1, С. 195]. Здесь стоит указать на архетипическое значение Дома, как особого космоса, и в русской художественной культуре. Об этом подробно писал С. А. Есенин в трактате «Ключи Марии», в котором, по наблюдению современного культуролога М. А. Дударевой, проявился *избяной русский космос*, выраженный в орнаменте, вышивке [7]. Эта традиция сакрального отношения к Дому получила свое художественное воплощение и у писателей-«деревенщиков», В. Распутина, которого тоже сегодня сопоставляют с С. А. Есениным [8], поскольку сам писатель указывал на *есенинские следы* в своем творчестве, имея в виду рассказ поэта «У белой воды» [9].

В заключение необходимо раскрыть заглавие рассказа, а в частности – символическое значение бессмертника в контексте славянской культурной традиции. Семантика этого растения *(Helichrysum arenarium)* изначально

соотносится с двумя важными мифологическими константами ('helios' – солнце и 'chrysos' – золотой) и в народной культуре ассоциируется с вечной жизнью и загробным миром, а потому часто используется в обрядовых практиках поминовения предков и помещается на могилы как знак неувядающей памяти. А. Н. Афанасьев в своем фундаментальном труде подчеркивает, что бессмертник и другие ритуальные растения нередко выступают символами перехода между миром земным и небесным, а также выражают идею бессмертия души [10, С. 214]. Сходные наблюдения можно найти в исследованиях В. Н. Топорова, где указывается ритуальная функция растений в славянской мифологической системе. Он отмечает, что такие образы служат кодами коллективной идентичности, вбирающими в себя идею преемственности и сакральной ориентации культуры [11, С. 89]. Таким образом, фигура бессмертника в заглавии рассказа отражает центральный конфликт произведения: между переходящим и вечным, между поколениями, по-разному воспринимающими ценность памяти, веры и культурного наследия.

Лишь в шестой части рассказа младшее поколение понимает, что «чужак» обманул их, оставив после себя «унылые дома» с «унылыми жизнями» и «холодную, пустую бессонницу». Стараясь утешить мать мальчика, бабушка как носитель живой традиции протягивает ей единственный сохраненный платок с «вышитыми листочками бессмертника». По совету дедушки герой относит его в сундук, набитый безликими предметами быта, и кладет наверх шесть листов белой бумаги.

Число шесть в данном эпизоде также несёт в себе глубинную символику. Г. Петрович апеллирует к кодам христианской культуры, где шесть соответствует числу творения, и одновременно с тем к символам славянской мифологии, где эта цифра соотносится с фигурой солнца, жизненным циклом и возрождением [12, С. 130]. В этом контексте «шесть» становится не только структурным принципом композиции рассказа (состоящей из шести частей), но и знаком надежды, обновления и неувядающей живой памяти.

Таким образом, в рассказе Г. Петровича образ Дома репрезентируется как метафора устойчивого мира, основанного на традиции, памяти и духовной преемственности. Он функционирует не только как пространственная категория, но и как символ культурной идентичности, вписанной в сакральную и историческую ткань народного быта. В этом контексте именно старшее поколение выступает выразителями архетипической функции Дома: они не просто охраняют материальное благосостояние очага, но и выступают носителями и трансляторами живой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завгородная Г. Ю. Дом – космос – тело: мифопоэтика славянской прозы 1990-х гг. (О. Токарчук и Г. Петрович) // Вестник славянских культур. 2018. №49. С. 185-195.

2. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. 1 изд. М.: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. С. 117.

3. Шаланова О. Л. Магический реализм как художественный метод // Вестник науки. 2018. №9 (9). С. 54-57.

4. Михайлова А. А. Феномен сглаза и обережные мотивы в сербской традиционной вышивке: поиск актуального подхода к изучению этномузеологического наследия // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. №2. С. 47-64.

5. Ерохина Е. А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен // Новые исследования Тувы. 2017. №3. С. 66-83.

6. Матич П. Национальное самосознание в эпоху глобализации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №5. С. 28-32.

7. Дударева М. А. Культурно-цивилизационный феномен русской интеллигенции: от фольклора к литературе (на примере трактата С. Есенина «Ключи

Марии») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2020. Т. 72, № 22. С. 67-71.

8. Галиева М. А. «Власть земли». Фольклорная традиция в творчестве С.А. Есенина и В.Г. Распутина // Традиционная культура: науч. альм. 2014. № 3. С. 28-37.

9. Дударева М. А. Парадоксы художественного пространства в рассказе С. А. Есенина «У белой воды»: культурологическое расследование // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Познание. 2020. № 3. С. 12-15.

10. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Ладомир, 1995. 832 с.

11. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. 560 с.

12. Бесогонова С. А., Потёмкина Ю. С. Мифология южных славян как основа поэтики Горана Петровича // Филологические чтения ЯРГУ им. П. Г. Демидова. 2017. С. 126-130.

УДК 821.161.1

ОБРАЗЫ «РУССКОЙ ПЕЧАЛИ» И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ МОТИВОВ В ЛИРИКЕ СЕРГЕЯ ПОТЕХИНА

Таирова Ирина Александровна
Доцент кафедры русского языка и издательского дела,
кандидат филологических наук,
Российский новый университет,
Москва, Россия
SPIN-код: 8333-2079

Исследуется символический язык лирики современного костромского поэта. Определяется преемственность и новаторство в художественном мире С.А.Потехина. Рассматриваются устоявшиеся русские символы, их новые смыслы в его восприятии. Анализируются социально-психологические и религиозные мотивы, а также бытовые символы (бигуди, булочка с изюмом, нора, храм), которые в творчестве поэта обретают новые смыслы. Рассматривается трансформация классических архетипов, связанных с концептом «русской печали», в контексте постсоветской действительности. Выявляется, как Потехин через метафоры, персонификации (ночь-невеста) и образы, связанные с жизненными циклами и человеческим бытом, создает многомерное отражение русского национального самосознания, переходя от личного переживания к философской рефлексии над смыслом бытия. Особое внимание уделяется взаимодействию культурных и исторических контекстов, формируя уникальный эстетический код лирики автора.

Ключевые слова: С. А. Потехин, русская печаль, экзистенциальные мотивы, лирика, быт, национальное самосознание

FIGURATIVE REPRESENTATIONS OF 'RUSSIAN MELANCHOLY' A ND EXISTENTIAL THEMES IN SERGEY POTEKHIN'S POETRY

Tairova Irina Aleksandrovna
Associate Professor of the Department of Russian Language and Publishing,
Candidate of Philological Sciences,
Russian New University, Moscow, Russia
SPIN-code: 8333-2079

The symbolic language of lyrics by a contemporary poet from Kostoma is investigated. The continuity and innovation in S.A. Potekhin's artistic world are determined. Established Russian symbols and their new meanings in his perception are examined. Socio-psychological and religious motifs are analyzed, along with domestic symbols (hair curlers, raisin bun, burrow, temple), which acquire new meanings in the poet's work. The transformation of classical archetypes associated with the concept of "Russian melancholy" is considered in the context of post-Soviet reality. It is revealed how Potekhin, through metaphors, personifications (night-bride) and images related to life cycles and human everyday life, creates a multidimensional reflection of Russian national consciousness, moving from personal experience to philosophical reflection on the meaning of existence. Particular attention is paid to the interaction of cultural and historical contexts, forming a unique aesthetic code of the author's lyrics.

Keywords: S. A. Potekhin, Russian melancholy, existential motifs, lyrics, everyday life, national consciousness.

*****

Изучение художественного наследия Сергея Александровича Потехина представляет значительный интерес для понимания трансформации русской литературной традиции рубежа XX-XXI веков. Его поэзия отражает сложные процессы переосмысления национальной идентичности, духовных ценностей и экзистенциальных переживаний человека в период социокультурных изменений постсоветской России.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе поэтической системы автора, выявлении особенностей его индивидуального стиля, механизмов трансформации традиционных художественных образов и мотивов.

Цель исследования: комплексный анализ художественного мира С.А. Потехина, выявление трансформации традиционных русских символов и экзистенциальных мотивов в его лирике, а также раскрытие специфики авторского восприятия национальной идентичности через призму «русской печали» в контексте постсоветской действительности.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью изучения творчества современных поэтов, отражающих в своих произведениях специфику национальной идентичности и духовных поисков в условиях постсоветской России. Анализ лирики С.А. Потехина позволяет выявить, как традиционные русские символы и экзистенциальные мотивы трансформируются и обретают новые смыслы, способствуя более глубокому пониманию современного русского национального самосознания.

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования послужили стихотворения из сборников С.А. Потехина «Молодой бобыль» (1993) и «А музыка народная…» (2001), а также его письма и воспоминания о нем. В работе применялись культурологический, сравнительно-исторический и герменевтический методы анализа, а также элементы биографического метода для понимания связи творчества с жизненным путем поэта.

Результаты исследования и их обсуждение. Погружаться в поэтические строки Сергея Александровича Потехина (род. в 1951 г.) особенно интересно, если брать во внимание стиль его жизни – необычайную историю духовно-поэтического пути. Родом поэт из Костромской области, из села Костома Галичского района. Родители его были простыми людьми: отец, Александр Михайлович Потехин, вернувшись с фронта Великой Отечественной войны, работал в колхозе, а мать поэта, Тамара Михайловна, – в санэпидемстанции, больнице, столовой. Она же была первым учителем для своих детей – учила их писать печатными буквами, читала им вслух книги и письма от родственников. В Воспитании будущего поэта принимала участие часто вспоминающаяся поэту Аграфена Ивановна, тётя матери. Подобно пушкинской няне Арине Родионовне, она рассказывала сказки, знала много прибауток, часто использовала в своей речи рифму. Конечно, это не могло не наложить отпечаток на будущее поэтическое кредо молодого Сергея Александровича. После окончания школы он поступил в Галичское педагогическое училище, которое по разным причинам не окончил. В родных краях С.А.Потехин зарабатывал на жизнь то скотником, то пастухом. Не удалась ему и служба в армии – за свои нестандартные выходки он был досрочно демобилизован. Вдобавок ко всему – несчастная любовь. Если верить поэтическим откровениям, то можно предположить, что поэт тяжело пережил расставание с возлюбленной, которая «за другого замуж вышла» [1, С. 34]. И, закусив яд разлуки рябиной, превратился, как следует из стихотворения («Встало солнышко над фермой…»), в «одичалого коня» [1, С. 34]. С тех пор так и живёт один то в летнем шалаше возле перелеска, то в доме на окраине деревни. В одном из писем к М.Базанкову он признавался, что какое-то время питался подножным кормом [2]. В результате «подземельного выживания» [2] в землянке, которую поэт вырыл за своим домом, и соорудил «буржуйку» из бочки для спасения от холодов [3, С. 3], стал инвалидом по зрению, но не потерял своего поэтического дара. Сегодня его быт налажен. Как рассказывает прозаик Татьяна Николаевна Марьина, нашлись люди, которые пришли к нему на помощь – провели электричество и утеплили его дом, выпустили сборники его стихотворений [4].

Первые стихи Сергей Александрович начал публиковать сразу после службы в армии. Его разрозненные произведения выходили в периодических изданиях области. А в 1992 г. Сергей Александрович стал членом Союза Писателей России. Лирика С.А.Потехина полюбилась музыкантам. На стихи этого поэта написали песни И.Любинский, И.Вдовин. Среди известных исполнителей – Лев Лещенко.

На сегодняшний день творчество поэта костромского края насчитывает десять поэтических сборников. На примере стихотворений из двух его сборников, изданных в Костроме, – «Молодой бобыль» (1993) и «А музыка народная…» (2001) – рассмотрим преемственность и инновации в художественном мире поэта, образно-метафорический ряд его лирики. И постараемся выявить культурологический контекст, повлиявший на выбор художественных средств, сформировавших основные особенности поэтики С.А.Потехина, связанные с «русской печалью», которую литературовед С.В.Перевезенцев справедливо определил как постоянно составляющую черту русского народного характера. Исследователь заметил, что русская история на протяжении веков всегда придерживалась духовных ориентиров. До начала XX века она опиралась на христианскую православную традицию. Позже, правда, появились нехристианские, и даже противоречащие христианской морали формы мирочувствования [5, С. 163–164]. Как метко выразился советский, русский и американский литературный критик М.Н.Эпштейн, «в открывающейся пустоте вырастали те детали и архетипы, которым, вероятно, предстоит жизнь в следующем столетии» [6, С. 17]. В русской философичной литературе это печаль родины, природы, девушки, изгнанника и так далее. Образы печали в лирике С.А.Потехина обрастают своеобразными философскими взглядами.

Центральное место в лирике Сергея Потехина занимают образы, раскрывающие глубину переживаний лирического героя, его внутреннюю борьбу и ощущение печали, которое поэт тесно связывает с национальным самосознанием. Эти мотивы проявляются как в абстрактных понятиях, так и в конкретных бытовых деталях. Привычные символы у него обретают новые значения в связи с социальными и культурными изменениями постсоветского времени. Любопытно обратить внимание, как он адаптирует русскую символику к изменяющимся условиям жизни и интерпретирует её, влияя особым образом на читательское восприятие. Его метафоры не только выражают индивидуальный опыт, вызывают ассоциации с традиционно русскими ценностями, но несут собой нечто большее, выходящее на мировое мысленное пространство.

Меланхолические настроения вызывает у поэта ночь. Воспевая её, он не только описывает тьму. Этот образ у него ассоциируется с пустотой, страхом, чувством безнадёжности и одиночества. Яркий пример – стихотворение «Темнота. Огонь погас…» [7, С. 5]. В нём лирический герой играет со своей подругой в «жмурки». Образы темноты и вьюги за окном навевают лирическое состояние грусти. Но вот возлюбленные «нашли друг друга» [7, С. 5], последовал первый поцелуй, появился свет в виде несгоревшего уголька – а с ним надежда. Да только в последнем стихе мы понимаем, что мечты лирического героя не осуществились. Снова печаль, но она у него «чистая», добрая, наивная: «Этот вечер так далёк, / Как он будет снится» [7, С. 5]. Русский человек готов ждать всю жизнь, даже если знает, что никогда не достигнет своей цели. Здесь и мотив сна – как продолжение «русской печали». А печаль всегда наступает, когда отсутствует надежда. Даже когда исчезают малейшие ожидания лучшего, лирический герой начинает чувствовать свою безысходность, в его внутреннем мире наступает кризис.

Если в стихотворении «Темнота. Огнь погас…» [7, С. 5] надежда ещё теплилась, пусть даже во сне лирического героя, то в другом тексте поэт прямо выражает своё чувство отчаяния. В стихотворении «Никакой надежды нет…» [1, С. 80] он так описывает печальное чувство: «Пустота и темнота / Дышит за калиткою» [1, С. 80]. Здесь наблюдаем игру света и темени. Когда возлюбленная была рядом, поэту грезился «мятежный белый свет», «пела рожь / И ручьи весенние» [1, С. 80]. Произошла разлука – и уже «Ослепительная мга, / Стужа разъярённая» [1, С. 80]. Но даже при таком высоко эмоциональном отклике на неблагоприятные события герой понимает, что

свидания с любимой ничего не сулят и, тем не менее, продолжает мысленно обращаться к подруге, называя её ласково – «птаха несмышлёная» [1, С. 80].

Иначе потерю надежды на взаимное чувство любви С.А.Потехин воспевает в стихотворении «Остановись на кромке…»: «Во мраке подземелья / Не снятся мне пока / Ни траурные пенья, / Ни тонкая рука» [1, С. 37]. Стихотворение автобиографическое. Вспомним, как Сергей Александрович вынужден был греться в своей землянке, когда в его доме отсутствовало тепло и свет. Лирический герой слышит шаги незнакомки, но уже настолько он отчаялся, что не желает увидеть её, себя называя «смешным человечком» [1, С. 37]. Таким образом, в этом стихотворении стирается грань между внешним миром и внутренним, усиливая чувство фатального одиночества. В стихотворении «В переулке, где длинные лужи…» [1, С. 36] он откровенно констатирует: «Ночь – моя дорогая невеста» [1, С. 36] Лирический герой готов доверять абстракции, не человеку.

С помощью метафор, выражающих глубокое переживание, буквально застой души поэт показывает движение чувств от переживания грусти до полного отчаяния. В стихотворении «В тихом омуте черти водятся…» [7, С. 9] он говорит о сердце, которое у него «тиною обросло» [7, С. 9], да так, что «вода в реке – сажа чёрная / Отражается в ней беда» [7, С. 9]. В душе стало пусто, эмоции исчерпаны, «Слёзы выплакал, глазоньки сухи» («Не гонялся за синею птицей…») [7, С. 20], – пишет поэт и заключает: «Оттого и не хочется жить» («Я уйду из подлунного мира…») [7, с.36].

Неисцеляемая печаль передаётся поэтом в стихотворении «На губах травинка слаще мёды…» [7, С. 16]. Такие мелочи, как «потерянные бигуди» («До предела болт закручен…») [7, С. 49] – здесь своеобразная метафора накопленной боли и грусти.

В стихотворении «Не разорила осень гнёзда…» лирическому герою хочется найти причину для скорби (вот она «русская печаль»!): «Кому бы сердцем сострадать?» [1, С. 81].

Довольно часто в лирике С.А.Потехина повторяется тема земного и, шире, – Вселенского круговорота. Так, в стихотворении «Аминь, Любовь моя, Аминь…» жизнь человека поэт называет «каруселью», намекая на круговорот суетливых событий. О земной жизни в связи с кончиной лирической героини по имени Любовь говорится «Остановилась карусель» [1, С. 18]. И в качестве контраста поэт выступает как пророк, напоминая библейскую истину, что «есть вращения иные» [1, С. 18], что земной смертью жизнь души не заканчивается. Понимание смерти как инобытия не чуждо русской культуре. Это часто встречающийся в русской литературе «экзистенциальный момент» [8, С. 132].

Лирический герой мысленно прослеживает путь души возлюбленной по звёздам. И вот уже «рычат взлохмаченные псы / Перед последними вратами» [1, С. 18] – в этом стихе олицетворяются звёзды из созвездия Гончих псов в северном полушарии неба, и раз у провожаемой героини чистая душа, возможно, речь идёт о вратах, которые открывают ей путь в рай. И вот уже «Тепло развеяно по свету» [1, С. 18]. Метаморфозы свершились. Звёзд почти не видно, только «течёт заоблачная синь / По ледяному амулету» [1, С. 18].

Как интересно С.А.Потехин вкрапляет в стихотворения народные поверья, в том числе основанные на религиозных догматах, как, например, веру людей в то, что их умершие предки, находясь на небесах, продолжают оказывать содействие своим ближним в земной жизни. «Ты – вечный страж моей пустыни» [1, С. 19] – обращается лирический герой к душе усопшей Любови, эпитетом «вечный» обозначив её нынешний статус и «пустыней» назвав свою земную жизнь. Ведь именно в пустыню отправлялись библейские пророки постигать истину, в малоплодородную, с тяжёлыми погодными условиями часть земли. Таким образом, всего лишь одним штрихом он подчеркнул мысль о том, что земная жизнь для человека, подобно выживанию в пустыне, – испытание.

Вообще, образ уходящего из мира человека обычно символизирует желание уйти от страданий – крайней формы печали и усталости от жизни, её суеты и боли. У С.А.Потехина это снова не совсем так. В стихотворении «Я уйду из подлунного мира…» он не столько говорит о смерти, сколько о любви. Лирический герой

размышляет о своей смерти в качестве объяснения любви к некой «хорошенькой девочке Ире» [1, С. 140], которая не догадывается о его чувствах. «Ничего для неё я не значу» [1, С. 140] – откровенничает поэт, оттого ему видится, что только смертью он сможет «любовь доказать» [1, С. 140]. Он рыдает, плачет и по-юношески максимально выражает свои эмоции: «Оттого и не хочется жить» [1, С. 140]. Но, дочитывая стихотворение, мы понимаем, что смертью его печаль не заканчивается. Конечно, перед нами чувство безответной любви. Но использования сниженной лексики (в последнем катрене поэт поясняет, что «можно было б грубее сказать» [1, С. 140]) возникает ощущение, что это печальное состояние герой переживёт.

Тот же приём – смешение высокого и низкого стилей (по стилистической теории М.В.Ломоносова [9, С. 7]) – С.А.Потехин использует в стихотворении «В мире страстном и безумном…» [1, С. 38]. В нём он более конкретно говорит всё о том же круговороте в Космосе и в природе, выделяя образы-архетипы «Жизнь» и «Смерть» прописной буквой, но тут же противопоставляет высоким материям жизненную реальность: «В мире страстном и безумном / Где кружатся Жизнь и Смерть / Каждый булочку с изюмом / Хочет к завтраку иметь» [1, С. 38].

Жилище своё лирический герой называет «норой», выстраивая собственный ассоциативный ряд, опровергая возвышенный образ, возникший в воображении его подруги, что его дом не храм («Ты нашла мою нору / И сказала: «Это храм!») [1, С. 119]). Он уточняет, что это именно «нора», а «не кумирня и не склеп» [1, С. 119]. Нора может ассоциироваться с желанием защиты от мнимой уязвимости, в данном случае это своеобразная зона комфорта. О своём жилище лирический герой говорит прямо, что это место для его работы – «место, где концом пера добываю чёрный хлеб» [1, С. 119] – единственного ему доступного способа выживания в этой жизни.

Выводы. Как видим, С.А. Потехин создаёт богатую палитру настроений печали, переходящих от субъективного ощущения одиночества к общей философской тоске и экзистенциональному отчаянию. Печальные образы поддерживают и усиливают глубину поэзии автора. Кроме того, как верно отметил литературный критик М.Базанков, лирику С.А.Потехина отличает «…космизм приземлённой бытовой конкретности, смысловая и эмоциональная многомерность „затёртых“ слов и понятий» [10, С. 123-125.].

Двойной смысл обрели у него элементы космоса. Как символы надежды, судьбы и вечности они одновременно получили приземистое толкование, как, например, в образе светлой звезды у поэта возлюбленная, а падучая звезда олицетворяет Смерть.

Объекты, связанные с домом, комфортом, бытом и русскими традициями (бигуди, ложки, булочка с изюмом, нора) отражают ощущение временного счастья лирических героев и обычно используются поэтом наряду с высокими образами (храм), создавая новый и подчас непривычный ассоциативный ряд.

Эмоциональный фон большинства стихотворений составляют чувства (любовь, разлука, желание смерти) и персонификации (ночь-невеста), через которые внутренний мир поэта преображается, выходя за пределы субъективного восприятия времени и пространства.

Таким образом, С.А.Потехин удивительным образом соединяет традиционные ценности с реалиями современного мира, абстрактные понятия – с бытовыми народными словечками. Образы и метафоры С.А.Потехина стали своего рода медиаторами историко-культурной преемственности. Сблизив классику и современность, С.А.Потехин создал собственную палитру традиционных образов и мотивов русской жизни, помещая их в культурную область постсоветского пространства. Ему удалось трансформировать образы «русской печали» и экзистенциальные мотивы от бытовой конкретики к философской рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потехин С.А. А музыка народная…: избранная лирика. – Кострома: Костромская областная писательская организация, 2001. – 152 с.

2. Базанков М. «Праведный путь знаком» (О поэзии Сергея Потехина) // Сибирские огни. – 2008. – № 1. – С. 123-125.

3. Тишинков Д.Г. Аура Потехина: Поэт, который прячется от своей славы // АиФ Кострома. – 2013. – № 46. – С. 3.

4. Марьина Т. Жизнетворчество поэта Сергея Потехина из Галичского района Костромской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Жизнетворчество поэта Сергея Потехина из Галичского района Костромской области | Sos-реализм: ПРОЗА, ПОЭЗИЯ... ЖИЗНЬ | Дзен.

5. Перевезенцев С.В. Феномен «русской печали» // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодёжи: Коллективная монография / Под ред. С.В.Перевезенцева, А.В. Селезнёвой. – М.: Квадрига, 2024. – С. 163–183.

6. Эпштейн М.Н. Все эссе: В 2 т. Т.1: В России. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. –544 с.

7. Потехин С.А. Молодой бобыль: Избранное / Под общ. ред. М.Базанкова. – Кострома: Литературная Кострома, 1993. – 62 с.

8. Кибальник С.А. Экзистенциализм в русской литературе // Литературоведческий журнал. – 2005. – № 19. – С. 131–139.

9. Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В.Ломоносова и теория трёх стилей. М.: Издательство Московского университета, 1970. – 209 с.

10. Базанков М. Потехин Сергей Александрович // Русская провинция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Потехин Сергей Александрович.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АНТРОПОМОРФНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ МАКРОМЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МУЖ

Киселёва Анастасия Михайловна
Преподаватель, кандидат филологических наук
Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева,
г. Санкт-Петербург, Россия
SPIN-код: 7127-0820

Данная статья освящает некоторые результаты исследования макроментального образования *муж*. Использованы описательный, интерпретативный и концептуальный методы анализа фактического материала. Являясь одним из ключевых для русской лингвокультуры, данный концепт демонстрирует обогащенную структуру с широким спектром признаков и субпризнаков. Формирование ментального образования детерминируется эволюцией мотивирующего признака *человек*, сквозь призму которого рассматриваются группы антропоморфных субпризнаков. Ввиду ограниченности объема статьи рассматриваются только собственно-социальные признаки. Высокую частотность употребления в языковом материале проявили признаки ‘национальность’ (23,51%) и ‘состоятельный/ несостоятельный’ (22,59%). Среднюю частотность демонстрируют два признака: ‘осужденный’ (13,61%) и ‘аристократ’ (10,44%). Признаки ‘состоятельный’, ‘национальность’, ‘партийная принадлежность’ и ‘аристократ’ реализованы посредством субпризнаков. Отмеченные особенности коррелируют с историко-культурной эволюцией этноса, отражают внутренний мир: ощущения, чувства и переживания русского человека.

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвокультурология, ментальность, языковая картина мира, концептуальный анализ, макроментальное образование, антропоморфные признаки.

SIGNS OF THE IMPLEMENTATION OF ANTHROPOMORPHIC SOCIAL FEATURES OF MACROMENTAL FORMATION MUZH (HUSBAND)

Kiseleva Anastasia Mikhailovna
Teacher, Candidate of Philology
Military Academy of Logistic Support
named after General of the Army A.V. Khrulev,
Saint Petersburg, Russia

This article highlights some of the results of the study of the macro-mental formation of the man. Descriptive, interpretative, and conceptual methods of analyzing factual material are used. As one of the key concepts in Russian linguoculture, this concept demonstrates a rich structure with a wide range of signs and sub-signs. The development of the mental formation is determined by the evolution of the motivating sign of the man, through which groups of anthropomorphic sub-signs are viewed. Due to the limited scope

of the article, only the social signs are considered. The signs 'nationality' (23.51%) and 'wealthy/unwealthy' (22.59%) showed a high frequency of occurrence in the linguistic material. Two signs show an average frequency of occurrence: 'convicted' (13.61%) and 'aristocrat' (10.44%). The signs 'wealthy', 'nationality', 'party affiliation', and 'aristocrat' are implemented through sub-signs. The noted signs correlate with the historical and cultural evolution of the ethnic group, and reflect the inner world: the sensations, feelings, and experiences of the Russian people.

Keywords: anthropocentrism, linguoculturology, mentality, linguistic worldview, conceptual analysis, macro-mental education, anthropomorphic features.

*****

Новейшие исследования по проблемам «язык – культура – этнос» касаются таких вопросов, как лингвистические и социокультурные дифференциации, лингвоэтнические общности, социально-этнические нормы, лежащие в основе коммуникации, функциональное взаимодействие языка и культуры в ходе исторической эволюции этноса. На современном этапе развития лингвистики все языковые исследования осуществляются в рамках антропоцентрической парадигмы. Полипарадигмальность современной науки в лингвистике проявляется взаимосвязями между экспансионизмом, экспланаторностью и антропоцентризмом. Стремление объяснить языковые феномены привело к использованию не только конвенциональных лингвистических подходов, но и методов исследования, заимствованных у смежных наук. Являясь объектом анализа для психологии и биологии, речевоспроизведение как отличительная черта человека предполагает изучение языка сквозь призму сознания носителя.

Являясь отличительной чертой человека как вида, язык не существует без человека, равно как и человек без языка. Об этом в своих трудах говорили В. фон Гумбольдт и Э. Бенвенист [1], [2], [3]. Развитие данных идей находим в работах отечественных лингвистов и лингвокультурологов – В.Н. Телия (1988) [4], Ю.С. Степанова (1991) [5], Е.С. Кубряковой (1994) [6], А.В. Кравченко (1996) [7], Н.Д. Арутюновой (1999) [8], С.Г. Воркачева (2001) [9], В.А. Масловой (2012) [10]: «Лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [3, С. 15].

Антропоцентризм можно охарактеризовать как установку на всестороннее изучение проблемы «человек в языке», как акцент на том, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [11, С. 27]. Данная тенденция выражается в формировании комплексного междисциплинарного подхода к лингвистическим исследованиям. Описание языковой личности как объекта изучения в антропоцентрической лингвистике предполагает и реконструкцию языковой модели мира, которую также называют языковой картиной мира.

Истоки интереса к проблеме языковой картины мира уходят своими корнями к таким выдающимся теоретикам языкознания, как В. фон Гумбольдт [1], [2], Л. Вайсгербер [12], А.А. Потебня [13], Э. Сепир [14], Б.Л. Уорф [14]. Выражаемые в языке значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [15, С. 39]. Фрагменты знаний о предметах объективной действительности и о мире в целом формируют концептуальную картину мира, неотъемлемой частью которой выступает языковая картина мира. Эти знания и представления в современной лингвистике описываются в виде соответствующих концептов.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии проблема концептов как единиц этносознания остаётся весьма актуальной. Принципы категоризации явлений в аспекте языковой картины мира становятся фокусом научных интересов многих лингвокогнитологов. Каждый язык отражает основные параметры мира (цвет, время и пространство, количество, качество, измерение), восприятие объектов окружающего мира, их оценку, то есть

универсальные свойства картины мира в виде категорий и семантики единиц. При этом национальную картину мира отличает степень и уровень отражения основополагающих категорий бытия.

Современное языкознание подхватило идеи теоретиков, воплощая их в теории ментальности. Дух народа есть ментальность – «это миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [16, С. 14-15].

Современная лингвистика обращается к проблеме гендерных исследований. Изменения в обществе приводят к изменению в концептуальной системе. Так, в русском языке *мужчина, женщина, человек* – три разных слова, для первых двух дифференциальным признаком выступает 'пол', третье слово является родовым понятием для первых двух (гиперонимом). XIX век отличился тем, что *женщина* к этому гипероним могла и не относиться, судя по пословице: *Курица не птица, а баба не человек*. В английском языке (как и во многих других европейских языках) слово *man* (нем. *Mann*) обозначает и «человека», и «мужчину». Синкретизм "полового" и "общечеловеческого" значений слова *man* на волне феминистского движения подвергается существенным измененям. Тенденции развития русского концепта *человек* следующие: 1. Стало неактуальным значение «слуга, официант»; 2. Произошло усиление признаков 'homo sapiens', 'свойства личности' и 'социальное существо'. Кроме того, стало возможным придание слову *идентичность* нового значения под влиянием англ. identity – «самосознание, самоопределение личности» [17]. Такие макроконцепты, как *человек, семья,* и формирующие их концепты *сын, дочь, родители, мать, отец, муж, жена* не изучены детально с позиций реконструкции их структур. Концепт *муж* был описан только в четырех статьях: О.В. Гофман (1999) [18], А.В. Сергеева (2005) [19], Е.А. Сокур и А.А. Адзиновой (2018) [20] и А.Б. Куанышевой (2015) [21].

Ведущим методом лингвистических исследований последних лет выступает концептуальный анализ (автор метода М.В. Пименова), предполагающий рассмотрение концепта как многомерного разноаспектного ментального образования с определенной иерархией первичных и вторичных признаков в его структуре. В настоящей работе руководящей принята методика Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований [22], [23]. В России успешно развиваются несколько лингвокультурологических школ, их научные подходы и терминологический аппарат разнится, поэтому необходимо внести уточнения. Под *макроментальным образованием* понимается «структурно-смысловой феномен, репрезентация факта действительности с точки зрения коллективного сознания, представляющий собой совокупность связанных различными отношениями символических концептов, концептов-стереотипов, национально-маркированных концептов и их признаков, макроконцептов и ментальных образований, сквозь призму которых реализуется ментальность более чем одной этнической культуры. Формирование обогащенной структуры макроментального образования происходит поэтапно, определяется историческим периодом; отправной точкой эволюции выступает концепт» [24].

Описание всех композитов структуры макроментального образования *муж* приведено в диссертации А.М. Киселевой [25]. Фактическим материалом для анализа послужили конструкции с включенным репрезентантом лексемой *муж,* полученные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Исследование охватило более 13000 конструкций и позволило выявить группы первичных – мотивирующих и понятийных признаков, категориальных, вторичных – образных и символических признаков, а также широкий спектр групп субпризнаков. В русской лингвокультуре структура представляет собой совокупность 56665 подтвержденных объективациями признаков. Формирование обогащенной структуры ментального образования детерминируется эволюцией мотивирующего

признака *человек*, сквозь призму которого рассматриваются группы антропоморфных субпризнаков.

Под антропоморфными признаками понимаются все значения, связанные с существованием человека как вида, с его жизнедеятельностью. Согласно кодам лингвокультуры, широкий спектр признаков данной группы подразделяется на подгруппы субпризнаков (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Антропоморфные признаки

Антропоморфные признаки									
Индивидуальные – признаки, которыми присущи любому представителю человечества как вида						Социальные – признаки, объективирующие различные типы отношений и связей, возникающих в процессе жизнедеятельности человека			
Эмотивные	Признаки характера	Волеизъявления	Ментальные	Признаки занятий	Признаки культуры	Этические	Религиозные	Интерперсональные	Собственно-социальные

Источник: составлено автором на основании [22], [23]

Социальные антропоморфные признаки в структуре макроментального образования *муж* представлены четырьмя группами – этические, религиозные, интерперсональные, собственно-социальные. Все группы демонстрируют широкий спектр признаков разной степени частотности использования. В рамках данной статьи приведен анализ группы собственно-социальных антропоморфных признаков.

Социальный статус – это место, которое занимает человек в обществе. Статус определяется несколькими факторами: занимаемыми должностями; положением в обществе. Женщина реализует себя в семье как жена, мать, поэтому статус замужней женщины воспринимается обществом как маркер успеха (*Женщины любят своих мужей, которые приносят деньги в семью, помогают воспитывать детей и вообще обеспечивают женщине социальный статус*. Г. Садулаев. Бич Божий). Патриархальный уклад общества до XIX века определяет свои гендерные правила: нормой для человека считается быть в браке (*И брак нужен ей прежде всего для самоутверждения: «Пусть плохонький, но муж, какая-никакая, но семья»*. Т. Рощина. Я у себя одна). Отсутствие мужа предполагает низкое положение женщины в обществе (*Оттого, что отсутствие мужа ощущается как отход от нормы. Женщина зависима, у нее низкий статус в сообществе, если муж отсутствует*… Н. Козлова. Логика Жизни). Место жены в русской лингвокультуре обозначается пространственными показателями, вербализованными предложно-падежными конструкциями – *за-мужем* или *при муже* (*Надо надеяться, что медвежинские дамы, тоже участвовавшие в оскорблении, живут всегда при мужьях, равно как и мужья их живут при женах*. Н. Михайловский. Литературные воспоминания). Для горской женщины жить *без мужа* означает «быть обездоленной» (*В худшем она оставалась вообще без мужа: для горской девушки участь незавидная*. В. Дегоев. Мирянин).

В обществе есть закрепленные за мужчинами гендерно обусловленные сферы деятельности: правительственные структуры (*В 37-м разом полетели мужья правительственных дам, в том числе и брат «того» Канторовича*. Д. Самойлов. Общий дневник), партийные структуры (*Муж ходил по квартире совсем как чужой, казалось попав туда случайно, был сух, отстранен, партиен*. А. Цветаева. Верочка Молчановская), советские партийно-государственные структуры (*Характерно*

умолчаніе корреспондента «Правды» о чинѣ и званіи мужа Краснокутской, котораго предлагали на собраніи посадить на пять лѣтъ, очевидно, онъ и аппаратчикъ и стопроцентный коммунистъ. <…> «Личныя трагедіи», заставившія плакать на собраніи Краснокутскую и другихъ женщинъ, сорвавшихъ собраніе, конечно, не только побои мужей, а всѣ муки, среди которыхъ проходитъ совѣтская жизнь молодой женщины, имѣвшей несчастье сочетаться «краснымъ» бракомъ съ какимъ нибудь партійцемъ или комсомольцемъ. В. Левитскій. Красная власть и Бѣлая Россія: объ эволюціи Сталина), сферы производства (*У меня уж пятидневка кончалась, я пришла дела сдавать да домой скорей, муж-то в лесу. Тихой был, дак завсе в лес гоняли, все красный ударник*. В. Личутин. Вдова Нюра). Объективация признака ‘партийная принадлежность’ реализуется десятью субпризнаками (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Признак ‘партийная принадлежность

№	Признак	Количество
	‘коммунист’	13
	‘комсомолец’	6
	‘большевик’	5
	‘партийный’	8
	‘анархист’	1
	‘демократ-гайдаровец’	1
	‘национал-социалист’	4
	‘социал-демократ’	2
	‘социал-революционер’	1
	‘троцкист’	3
	Итого:	44

Источник: составлено автором на основании [25]

Высокое положение в обществе занимают богатые и состоятельные люди, знать (*Ростов недоброжелательно смотрел на Пьера, во-первых, потому, что Пьер в его гусарских глазах был штатский богач, муж красавицы*… Л. Толстой. Война и мир). В России существовали сословия, определявшиеся по признакам: ‘аристократ’ (*Представь себе, аристократический тон во всем: муж – страшный богач*… А. Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына), ‘купец’ (*Муж ее довольно достаточный купец, выстроил себе новый дом*… Н. Бестужев. Шлиссельбургская станция). Низшим сословием в России до отмены крепостного права в1861году были крепостные или холопы. Архаичный признак ‘крепостной/ холоп’ (*Муж и родился его холопом, а когда я за Янко замуж вышла, то и сама стала крепостной пана*. Е. Салиас. Фрейлина императрицы) встречается в метафорическом переосмыслении, где *крепостной* обозначает бесправный. Признаком ‘раб’ выражаются метафоры любовного преклонения мужа перед женой (*Марья Ивановна и без уверений мужа знала, что влюбленный в нее простодушный и простоватый Василий Михайлович делал все, что только она хотела, и был покорнейшим ее рабом, ни разу в течение десятилетнего супружества и не помышлявшим о свержении ига своей красивой жены*. К. Станюкович. Нянька).

Антропоморфный социальный признак ‘аристократ’ восходит к мотивирующему ‘приближенный царя/ знать’ и вербализуется в языковом материале посредством симиляров, обозначающих аристократию и дворянское сословие: ‘князь’ (*Сей великий князь муж был ростом велик, вельми толст, власов мало на главе имел, брада широкая, очи немалые, нос долгий*. В. Татищев. История российская в семи томах), ‘граф’ (*Именно здесь в 1801 году после тайного венчания некоторое время жили граф Николай Петрович Шереметев и его молодая жена Прасковья Ивановна, его бывшая крепостная, знаменитая певица* … И. Архипова. Музыка жизни), ‘барон’ (*В 1812 году два человека спаслись к нам от гонений мучителя Германии: знаменитый государственный муж барон Штейн и столь же известный профессор и писатель Арндт*. Ф. Вигель. Записки), ‘герцог’ (*Она сама добра и*

добродетельна, но ее муж, герцог Мекленбургский, зол и сумасброден. Ф. Зарин-Несвицкий. Борьба у престола), ‘дворянин’ (*Сей славной Италїанской дворянинъ, пятидесятилѣтнїй мужъ, издавна уже подагрикъ, путешествуя чрезъ Германїю, коварствомъ нѣкотораго Маркиза, который его сильно ненавидѣлъ, поиманъ былъ, и вверженъ въ весьма гнусную темницу*. П. Погоретский. Опытъ о пользѣ трезвыя жизни). Объективация признака ‘аристократ’ реализуется десятью субпризнаками (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Признак ‘аристократ

№	Признак	Количество
	‘аристократ’:	17
	‘принц’	3
	‘царь’	10
	‘барон’	8
	‘баронет’	1
	‘лорд’	2
	‘князь’	47
	‘герцог’	9
	‘граф’	37
	‘маркграф’	1
	Итого:	135

Источник: составлено автором на основании [25]

Богатый – это *господин*, владеющий имением с угодьями, мельницей (*Это ее покойный муж. Он оставил ей теперь очень запутанное именье, из которого она желала бы продать лес и мельницу*… А. Писемский. Старческий грех), обладающий громким именем и внушительным домом (*У Мессалины, правда, есть муж, коего громкое имя она носит, и есть дом, великолепный, с целою когортою ливрейных лакеев на мраморной лестнице*. К. Победоносцев. Московский сборник). В фактическом материале были выявлены актуальные для русской лингвокультуры 26 субпризнаков, объективирующих признак ‘состоятельный’ (см. таблицу 4).

Таблица 4 – Признак ‘состоятельный

№	Признак	Количество
	‘лошадь’	4
	‘владения’	6
	‘деньги’	14
	‘сад’	3
	‘комната’	7
	‘кабинет’	6
	‘плантации’	2
	‘угодья’	3
	‘сбережения’	2
	‘лавка’	5
	‘дача’	9
	‘машина’	14
	‘мельница’	3
	‘деревня’	15
	‘дворец’	7
	‘жилище’	6
	‘предприятие’	3
	‘имущество’	19
	‘изба’	4

	‘квартира’	13
	‘недвижимость’	5
	‘дом’	47
	‘состоятельный/несостоятельный’	45
	‘имение’	39
	‘библиотека’	5
	‘экипаж’	6
	Итого:	292

Источник: составлено автором на основании [25]

Богатый муж – мечта девиц на выданье (*Будущий муж Аглаи должен был быть обладателемвсех совершенств и успехов, не говоря уже о богатстве*. Ф. Достоевский. Идиот). Богатство обеспечивается капиталом (…*Молодая жена сумеет прибрать к рукам старика-мужа с его капиталами*. Н. Гейнце. Самозванец), деньгами (*Муж ее, со своей стороны, несет куда не следует свои деньги*… А. Никитенко. Дневник), владениями (…*Сему достопочтенному мужу за услуги к Отечеству пожалованы деревни, состоящие в 160 душах, в вечное владение* … А. Нартов. Рассказы о Петре Великом), имуществом (*Из Лондона сообщают: «Частые случаи запойного пьянства женщин, которые закладывают и пропивают имущество мужей, побудило филантропов образовать общество защиты мужей*. Статья без названия). Богатство часто достигалось браком с обеспеченным мужем (*Киевлянка, разведенная жена офицера, не теряя надежды на счастье, жду обеспеченного мужа-друга*. Объявления // «Брачная газета»; Говорят, что прежде Перебоченская была богата по мужу... Г. Данилевский. Воля).

Сфера низкого положения в обществе и соответствующих социальных ролей, исполняемых мужьями, разнообразна. Муж может быть ‘осужденный’ (*Она, видимо, и сама это сознавала, потому что постоянно увязывалась за мужем на заседания клуба, а после конвоировала его до дому*. Л. Юзефович. Казароза). Признак ‘осужденный’ раскрывается посредством симиляров *каторжник* (*Ведь у нас по закону жена, если захочет, имеет право следовать за мужем в каторгу*. С. Ковалевская. Нигилистка), *сосланный в монастырь* (*Но не много успел сей разумный муж: ибо по некоторым клеветам он неповинно сослан был в заточениев монастырь*… Архиепископ Платон (Левшин). Увещание к раскольникам), *сосланный на поселение* (*Барин ее Мусин-Пушкин ссылал ее с мужем на поселение*… А. Герцен. Былое и думы), *политический ссыльный* (*Подлежащей высылке в одну из северных губерний: политический Д. Борусин обвенчан с Х. Гольцман, которая последует за мужем на место ссылки*. На лету по провинции // «Раннее утро»), *узник* (*Эти «хвосты» женщин были полны негодования против тех, кто запер их мужей, сыновей и братьев за крепкие тюремные стены*… П. Рассказов. Записки заключенного; *Мой муж в крепости*. С. Ковалевская. Нигилистка).

В русской традиции муж-воин является защитником интересов народа, спорит с властителями. Признак ‘мятежник’ (…*Иисуса Назорея, мужа мятежного, презрителя Кесаря, как-то доказано старейшинами народа, изведите посреди двух разбойников на обычное место казни и за поругание царского величия посреди двух разбойников, распните*. А. Селиванова. Пасха в Иерусалиме) вербализуется предикатами *бунтовать* (*На плоских здешних кровлях красавицы выставляют перед прохожими, свои нарумяненные лица, которые без того были бы гораздо красивее, и лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья бунтуют в Инвалиде*. А. Грибоедов. Письмо к издателю [«Сына Отечества»] из Тифлиса от 21 января 1819 г.), *восставать* (*Узнала она, что мужа ее притесняют за то, что он восстает против разных несправедливостей*. Ф. Решетников. Где лучше?).

Тема несогласия с властью в литературном дискурсе XX века отражается в структуре ментального образования признаками ‘революционер’ (*Младшая сестра моя Ольга, очень способная и энергичная, мало принимала участия в революционном движении; выйдя замуж за врача Флоровского, она последовала за ним в административную ссылку в Сибирь и вместе с мужем занималась культурно-*

просветительной деятельностью в Омске. В. Фигнер. Запечатленный труд), ‘репрессированный’ (*Первый муж Любови Петровны Андрей Берзин после многократных арестов в царское время впоследствии был репрессирован и большевиками*. А. Щеглов. Фаина Раневская; *Это был манящий и недоступный, сказочный мир умудренных жизнью государственных мужей, отмеченных высочайшими наградами военачальников, объехавших весь свет дипломатов. <…> Кто мог в те дни предположить, что прославленные маршалы, так же как и многие другие участники этих приемов, вскоре станут жертвами кровавых репрессий*... В. Бережков. Рядом со Сталиным), ‘реабилитированный’ (*Мужа выписывают как «полностью реабилитированного»*! Г. Николаев. Вещие сны тихого психа).

На статус человека указывает внешность, его поведение. У исследуемого концепта отмечены признаки ‘беженец’ (*В кухне появился ее муж Левка. Он был заспан и одет, как беженец*. В. Токарева. Пираты в далеких морях), ‘оборванец’ (*Зря машешь рукой, на девушку эту мне плевать. Просто не хочу, чтобы мой муж выглядел оборванцем*. А. Щербаков. Пах антилопы), ‘бомж’ (*Муж – убогий, как бомж*. В. Токарева. Мой мастер), ‘деклассированный элемент’ (*И сразу – необъятные поля России, снежная круговерть и толпы, толпы каких-то деклассированных элементов, то есть оставленных женами мужей*... В. Слипенчук. Зинзивер).

В русской лингвокультуре любовь принято подменять жалостью (*Она долго ругала его, даже пыталась влепить ему затрещину, да рука не поднялась: жалость к мужу повисла на руке тяжелой гирей*. В. Шишков. Емельян Пугачев). Жалость выражается социальным признаком ‘бедный’ (*А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ*. А. Пушкин. Письмо Н.Н. Пушкиной).

В наивной картине мира человек рассматривается через ассоциации с различными локусами – предполагается, что географические пространства, такие как части света, материки и страны, оказывают влияние на характер индивида: в национальности отражен менталитет. Признаки стран и национальностей широко представлены в языковом материале (*Мама вышла замуж, будучи студенткой, за болгарина по имени Иван* ... Е. Топильская. Помни о смерти; *Забрали мужа-чеченца*. Г. Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны; *«Новый мировой рекорд по бракоразводным расходам – 6 500 000 долларов, полученных г-жой Сесиль Блэффер Гудзон, – зловещая весть для богатых американских мужей», – писала по этому поводу английская газета «Файнэншл таймс»*. Форум. Когда брак – коммерция; *У меня муж поляк*. В. Овчинников. Корни дуба; *Жила и работала в Братиславе, муж – словак*. В. Некрасов. Взгляд и Нечто; *Да и пригласили бы мы господ российских стихотворцев к сочинению надписей к личным изображениям российских ученых мужей и писателей, если бы не опасались мы их тем отвлечь от важнейших трудов*. Н. Новиков. О критическом рассмотрении издаваемых книг; *Муж мой, Гавриил Панкратыч Шарахневич, родом из Белоруссии*. В. Астафьев. Обертон; *Одни вступились за Бакона, другие за Локка, иные за Невтона, и сей последний имел превосходнейшее число защитников; почти все согласились почесть его героем всех мудрых мужей великой Британии*. Д. Фонвизин. Сидней и Силли, или благодеяние и благодарность; *Это слово обозначает и страх мужа-добуанца, живущего в деревне своей жены, и «одаривание с целью опозорить*… Т. Стефаненко. Этнопсихология; *Тебе нужен пожилой еврейский муж без недостатков*. А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания; *Въ ближней отъ Лейдена деревнѣ начальствующій нѣкій мужъ, ужасный изъ Голландцовъ винопійца, захвораль жестокою горячкою*. П. Погоретский. Опытъ о пользѣ трезвыя жизни). Встречается признак иностранный (*В жизни духа владеют ею: то Маркс, то Кант, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж*. Н. Бердяев. Душа России), также подчеркивающий иную ментальность. В фактическом материале были выявлены актуальные для русской лингвокультуры 65 субпризнаков, объективирующих признак ‘национальность’ (см. таблицу 5). Высокую продуктивность проявили субпризнаки ‘русский’, ‘француз’, ‘немец’, ‘американец’, ‘еврей’.

Таблица 5 – Признак ‘национальность’

ыыы ыыы	Признак	Количество	№	Признак	Количество
	Мужи Галилейские	2		‘русский’	27
	Мужи Иудейские	4		‘швейцарец’	1
	Мужи Израильские	1		‘дагестанец’	1
	Мужи Ахейские	10		‘добуанец’	1
	‘араб’	4		‘голландец’	3
	‘бельгиец’	1		‘грек’	5
	‘грузин’	5		‘мариец’	1
	‘француз’	19		‘монгол’	2
	‘словак’	2		‘молдаванин’	1
	‘саам’	1		‘немец’	17
	‘англичанин’	11		‘казак’	15
	‘американец’	23		‘кавказец’	1
	‘аргентинец’	1		‘кениец’	1
	‘австриец’	2		‘китаец’	1
	‘азербайджанец’	2		‘курляндец’	1
	‘поляк’	12		‘шотландец’	2
	‘помор’	1		‘чукча’	11
	‘финн’	4		‘чуваш’	2
	‘чеченец’	6		‘итальянец’	9
	‘черкес’	1		‘абхаз’	1
	‘болгарин’	5		‘цыган’	2
	‘латыш’	4		‘эстонец’	2
	‘литовец’	2		‘аварец’	1
	‘армянин’	7		‘кафр’	1
	‘японец’	2		‘ирландец’	1
	‘еврей’	33		‘венгр’	1
	‘татарин’	5		‘конголезец’	1
	‘туркмен’	2		‘таец’	1
	‘туранец’	1		‘боливиец’	1
	‘турок’	4		‘швед’	1
	‘румын’	1		‘черногорец’	1
	‘украинец’	7		‘перс’	1
	‘узбек’	3			
	Итого:				304

Источник: составлено автором на основании [25]

Политический деятель может быть реформатором (…*Лютер в шутку называл ее Herr Ketha, или Dominus Ketha, но это не мешало ей, по свидетельству самого реформатора, быть любящей, преданной женой*. Б. Порозовская. Мартин Лютер). Реформатором может стать ученый (*А тут, вполне у места, ваш Институт поместил этот памятник не воину или сенатору, но ученому мужу, великому реформатору-врачу*. Н. Федоровский. Гомеопатия и государство).

В XIX веке в России на положение и статус мужа влияла иностранная фамилия (*Сусанна блаженствовала: ее все называли теперь madame Beygouche; на визитных карточках, которые она поразвозила в несколько знакомых домов ее мужа, стояла даже красивая частица de*… В. Крестовский. Панургово стадо). Стереотипно достойный мужчина должен занимать высокое положение в обществе (*Она консервативна и прилично религиозна, <…> такая жена не заставит покраснеть мужа, какое бы положение он ни занял*. К Станюкович. Бесшабашный).

Таким образом, анализ языкового материала подтверждает актуальность для русской лингвокультуры собственно-социальных признаков в структуре

макроментального образования муж. Исследование позволило выявить 1293 объективации 25 признаков (см. таблицу 6).

Таблица 6 – Социальные признаки

№	Социальные признаки	Количество	%
	‘нищий’	31	2,4
	‘богатый’	81	6,26
	‘состоятельный/ несостоятельный’	292	22,59
	‘осужденный’	176	13,61
	‘репрессированный’	56	4,33
	‘реабилитированный’	12	0,93
	‘реформатор’	4	0,31
	‘статус’	26	2,01
	‘революционер’	12	0,93
	‘пленный’	8	0,62
	‘мятежник	11	0,85
	‘жалкий/бедный’	25	1,93
	‘новый русский’	4	0,31
	‘бомж’	2	0,15
	‘оборванец’	1	0,08
	‘беженец’	2	0,15
	‘национальность’	304	23,51
	‘партийная принадлежность’	44	3,4
	‘аристократ’:	135	10,44
	‘раб’	12	0,93
	‘дворянин’	18	1,39
	‘помещик’	15	1,16
	‘холоп/крепостной’	5	0,39
	‘купец’	16	1,24
	‘деклассированный’	1	0,08
	Итого:	1293	100%

Источник: составлено автором на основании [25]

Высокую частотность употребления в языковом материале проявили признаки ‘национальность’ (23,51%) и ‘состоятельный/ несостоятельный’ (22,59%). Среднюю частотность демонстрируют два признака: ‘осужденный’ (13,61%) и ‘аристократ’ (10,44%). Отмеченные особенности коррелируют с историко-культурной эволюцией этноса, отражают внутренний мир: ощущения, чувства и переживания русского человека. Антропоцентрическая парадигма предстает основанием для научных исследований в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. С точки зрения герменевтики, сферы деятельности человека необходимо анализировать сквозь призму продуцируемого текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон. Гумбольдт – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

2. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон. Гумбольдт – М.: Прогресс, 1985. – 450 с

3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

4. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 173-204.

5. Степанов, Ю.С. Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы / Ю.С. Степанов // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм: Материалы межведомственной научно-теоретической конференции Вып.1. – Харьков: ХИМЭСХ, 1991. – Ч.1. – С. 5-10.

6. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 3-15.

7. Кравченко, А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке / А.В. Кравченко // Известия РАН. Серия «Литература и языки». – 1996. – Т. 55. – № 3 – С. 3–24.

8. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

9. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

10. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Изд. 2-е. / В.А. Маслова. – Минск: «ТетраСистемс», 2012. – С. 6-67, 69-100.

11. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

12. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.

13. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

14. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.

15. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.

16. Колесов, В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В.В. Колесов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: ПГУ, 1995. – С. 13–24.

17. Шеина, И.М. Концепт «Человек» в русской и английской языковых картина мира / И.М. Шеина // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chelovek-v-russkoy-i-angliyskoy-yazykovyh-kartinah-mira (дата обращения 28.08.2020).

18. Гофман, О.В. Концепт «муж» в русской картине мира / О.В. Гофман // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме. Серия «Этногерменевтика и этнориторика»/ отв. сред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово, Landau: Кузбассвузиздат, Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – Вып. 4. – С. 25-29.

19. Сергеева, А.В. Муж и жена в семье: социальные роли / А.В. Сергеева // URL: http://www.mnogodetnaya-semya.ru (дата обращения 03.03.2020).

20. Сокур, Е.А., Адзинова, А.А. Микроконцепты «муж» и «жена» в русской лингвокультуре / Е.А. Сокур, А.А. Адзинова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – С. 110-115.

21. Kuanysheva, A.B. Parameterization of the concept «husband» in the Russian language picture of the world / A.B. Kuanysheva // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология». – 2015. – № 2(78). – С. 58-63.

22. Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М.В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2-2. – С. 127-131.

23. Маслова, В.А., Пименова, М.В. Коды лингвокультуры / В.А. Маслова, М.В. Пименова. – М.: Флинта, Наука, – 2016. – 180 с.

24. Рядчикова Е.Н., Киселева А.М. Соотношение понятий "концепт", "макроконцепт", "ментальное образование", "макроментальное образование" / Е.Н. Рядчикова, А.М. Киселева // Заметки ученого. 2022. – № 2. – С. 46-52

25. Киселева А.М. Макроментальное образование муж в русской лингвокультуре. Диахронический аспект: дис. … канд. филол. наук / А.М. Киселева. – Краснодар, 2024. – 223 с.

УДК 372.881:81'25

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА С ОПОРОЙ НА РОДНОЙ ЯЗЫК

Лукина Маргарита Николаевна
Старший преподаватель,
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Россия

В статье обосновывается эффективность сопоставительного метода изучения паремиологических единиц для повышения мотивации и результативности овладения студентами иностранным языком. Теоретическую основу исследования составляют принципы контрастивной лингвистики, концепция языкового переноса и положения лингвострановедения. Методологической базой работы выступает сопоставление французских, русских и якутских паремий с анализом их семантических соответствий и культурных коннотаций. Экспериментальная проверка методики проводилась с участием студентов, изучающих французский язык в условиях русско-якутского билингвизма. Результаты свидетельствуют о высоком дидактическом потенциале трехъязычного сопоставления для активизации лингвистического опыта обучающихся и формирования метаязыкового сознания. Полученные данные обосновывают целесообразность интеграции родного языка в процесс изучения иностранного и создают методологическую основу для разработки учебно-методических материалов в поликультурном образовательном контексте.

Ключевые слова: *сопоставительная лингводидактика, паремиология, родной язык как опора, межкультурная коммуникативная компетенция, многоязычное образование, языковой перенос, билингвальное обучение, лингвострановедение*

ON SOME METHODS OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING WITH NATIVE LANGUAGE SUPPORT

Lukina Margarita Nikolaevna,
Senior Lecturer, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

The article substantiates the effectiveness of the comparative method of studying paremiological units for enhancing motivation and improving students' foreign language acquisition outcomes. The theoretical foundation of the research comprises principles of contrastive linguistics, the concept of language transfer, and tenets of linguistic and cultural studies. The methodological framework of the study involves comparison of French, Russian, and Yakut proverbs with analysis of their semantic correspondences and cultural connotations. Experimental validation of the methodology was conducted with participation of students learning French in conditions of Russian-Yakut bilingualism. The findings demonstrate high didactic potential of trilingual comparison for activating learners' linguistic experience and developing metalinguistic awareness. The obtained data substantiate the feasibility of integrating native language into the foreign language learning process and establish a methodological foundation for developing educational materials in multicultural educational contexts.

Keywords: comparative linguodidactics, paremiology, native language as support, intercultural communicative competence, multilingual education, language transfer, bilingual education, linguistic and cultural studies.

*****

В условиях интенсивной глобализации и расширения межкультурных контактов проблема эффективного изучения иностранных языков приобретает особую актуальность. Традиционные подходы к языковому образованию, основанные на принципе монолингвального обучения, всё чаще подвергаются критическому переосмыслению в пользу методик, учитывающих лингвистический опыт обучающихся. Современная лингводидактика свидетельствует о возрастающем интересе к сопоставительным методам обучения, при которых родной язык рассматривается как важный ресурс для овладения иноязычной коммуникативной компетенцией [12; 15].

Цель предпринятого исследования – обосновать эффективность сопоставительного метода изучения паремиологических единиц для повышения мотивации и результативности овладения студентами иностранным языком.

Отечественная школа методики преподавания иностранных языков, представленная работами Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [2], С.Г. Тер-Минасовой [10], внесла значительный вклад в разработку теоретических основ интеграции родного языка в процесс изучения иностранного. Однако комплексный анализ методологических подходов, основанных на использовании родного языка как опоры при изучении иностранного, остаётся недостаточно систематизированным, что определяет актуальность настоящего исследования.

Методологическую основу сопоставительного подхода к изучению языков составляет контрастивная лингвистика, которая, по определению исследователей, изучает различия и сходства между языками с целью выявления специфических особенностей каждого из них. В российской лингвистической традиции сопоставительные исследования получили развитие в трудах В.Д. Аракина, В.Н. Ярцевой, Ю.А. Левицкого и других учёных.

Теоретические основы использования родного языка в процессе изучения иностранного восходят к концепции языкового переноса (language transfer), разработанной в рамках сопоставительного анализа. Согласно данной концепции, структуры родного языка могут как способствовать (положительный перенос), так и препятствовать (отрицательный перенос) усвоению иностранного языка. Современные исследования в области второго языка (SLA) показывают, что использование родного языка может значительно ускорить процесс овладения иностранным языком, особенно на начальных этапах обучения [15].

Особый интерес в контексте изучения языков с опорой на родной язык представляет паремиологический материал – пословицы, поговорки, фразеологические единицы, которые являются носителями национально-культурной информации. Г.Л. Пермяков, один из основоположников отечественной паремиологии, определял пословицы как «знаки ситуаций или определённых отношений между вещами» [8, с. 19]. Исследования в области паремиологии показывают, что сопоставительное изучение пословиц и поговорок различных языков позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические особенности языкового сознания, что имеет важное значение для формирования межкультурной компетенции обучающихся [11].

Концепция лингвострановедения, разработанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, представляет собой методический подход, направленный на формирование у изучающих язык представления о культуре и реалиях страны изучаемого языка через призму языковых явлений. Как отмечают авторы, «лингвострановедение подобно другим общественным наукам и вместе с ними не могло не пострадать в атмосфере застойного периода», однако в современных условиях данный подход «позволяет полностью раскрыть познавательный и воспитательный потенциал данного аспекта преподавания русского языка как иностранного» [2, с. 5].

Методологические принципы лингвострановедения основываются на признании социальной природы языка и его неразрывной связи с культурой. В рамках данного подхода особое внимание уделяется безэквивалентной лексике, фоновым знаниям, невербальным средствам общения и языковой афористике. Важным

компонентом лингвострановедческого подхода является сопоставительный анализ культурных реалий, который позволяет обучающимся не только усвоить языковые структуры, но и сформировать адекватное представление о культуре носителей изучаемого языка [13].

С.Г. Тер-Минасова в своей фундаментальной работе «Язык и межкультурная коммуникация» подчёркивает, что в условиях современного «мира без границ» особую актуальность приобретает «проблема взаимопонимания людей разных культур и традиций», а «воспитание терпимости к чужим культурам, пробуждение интереса и уважения к ним становится необходимостью для выживания человечества» [10, с. 15]. Автор обосновывает необходимость формирования межкультурной коммуникативной компетенции, которая включает не только владение языковыми средствами, но и понимание культурных особенностей коммуникативного поведения носителей языка.

Практическая реализация методов изучения иностранного языка с опорой на родной язык может осуществляться через различные виды учебной деятельности. Одним из наиболее эффективных подходов является использование паремиологического материала для формирования лингвокультурологической компетенции. Как показывают исследования в области паремиологии, пословицы и поговорки представляют собой «житейскую мудрость, духовное богатство и культурное наследие народа, проверенное на многовековом опыте» [6, с. 48].

Методические подходы к использованию паремиологического материала в обучении иностранному языку предполагают поэтапное введение пословиц и поговорок с обязательным сопоставлением их семантики и прагматики в родном и изучаемом языках. Сопоставительный анализ паремиологических единиц позволяет выявить как универсальные концепты, отражающие общечеловеческий опыт, так и культурно-специфические особенности мировосприятия. Рассмотрим примеры трёхъязычного сопоставления французских, русских и якутских паремий:

Французская пословица «L'enfer est pavé de bonnes intentions» (дословно: «Ад вымощен благими намерениями») находит семантическое соответствие в русской паремии «Благими намерениями ад вымощен» и якутской «Учугэйи онороору гыммытын куьаганнык тахсыан сеп» (благие намерения ведут в преисподнюю) [1]. Данный пример демонстрирует универсальность концепта предостережения против добрых намерений, не подкреплённых продуманными действиями.

Сопоставление французской паремии «Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es» (Скажи мне, с кем ты общаешься, и я скажу, кто ты), русской «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» и якутской «Миэхэ доорун кимин эт, оччого мин этиэм эн кимнин» (скажи мне, кто твой друг, тогда я скажу, кто ты) выявляет общность представлений о влиянии социального окружения на формирование личности. Однако тонкие различия в лексическом выражении (hanter – общаться vs. друг vs. доор – друг) отражают специфику социальных отношений в различных культурах.

Анализ французской пословицы «Chaque chose à son temps» (всему своё время), русской «Всякому овощу своё время» и якутской «Туох барыта бириэмэлээх буолар» (всё имеет своё время) демонстрирует различные способы языковой репрезентации концепта темпоральности. Французский вариант использует абстрактную лексему «chose» (вещь), русский – конкретную метафору «овощ», якутский – философски обобщённое выражение [1].

Таким образом, проведённый анализ теоретических основ сопоставительной лингводидактики свидетельствует о значительном потенциале использования родного языка как опоры при изучении иностранного. Особую перспективность демонстрирует паремиологический материал, который позволяет одновременно решать задачи языкового образования и формирования межкультурной компетенции. Учитывая выявленные преимущества сопоставительного подхода и необходимость его экспериментального обоснования, была разработана и апробирована специальная методика обучения французскому языку на основе трёхъязычного сопоставления паремий.

Экспериментальная проверка эффективности сопоставительного метода изучения паремиологических единиц была проведена в рамках курса французского языка как дисциплины общего гуманитарного и социально-экономического цикла.

Участники эксперимента были разделены на две группы: экспериментальную, изучавшую французские паремии с систематическим сопоставлением с русскими и якутскими аналогами, и контрольную, изучавшую тот же материал традиционным методом без использования межъязыкового сопоставления. Все участники имели начальный уровень владения французским языком (A1-A1+ по шкале CEFR) и были носителями русского языка, при этом 42% участников экспериментальной группы и 39% контрольной группы также владели якутским языком как родным, что обусловлено региональной спецификой образовательного учреждения.

Для систематизации паремиологического материала была разработана сопоставительная таблица, демонстрирующая семантические соответствия между французскими, русскими и якутскими пословицами [1; 3; 5; 16]:

Таблица 1 – Сопоставление семантики французских, русских и якутских паремий

Французский	Русский	Якутский
Au dernier les bons morceaux	Остатки – сладки	Саамай учугэйэ бутэьигэр сытар
L'enfer est pavé de bonnes intentions	Благими намерениями ад вымощен	Учугэйи онороору гыммытын куьаганнык тахсыан сеп
Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es	Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты	Миэхэ доорун кимин эт, оччого мин этиэм эн кимнин
Deux avis valent mieux qu'un	Один ум хорошо, а два лучше	Биир ей учугэй, икки ессе учугэй
Chaque chose à son temps	Всякому овощу своё время	Туох барыта бириэмэлээх буолар
Bon fruit vient de bonne semence	Что посеешь, то и пожнёшь	Тугу онорогун да, онно эппиэттиигин
Au besoin on connaît l'ami	Друг познается в беде	Атах туьугар атах тостор

Данная таблица использовалась в экспериментальной группе как основной дидактический материал для сопоставительного анализа. Каждая паремиологическая единица рассматривалась с точки зрения её семантической структуры, культурных коннотаций и прагматических особенностей употребления в различных коммуникативных ситуациях.

Методика экспериментального обучения включала четыре основных этапа работы с паремиологическим материалом. На этапе учебного общения осуществлялось предъявление французских пословиц в упрощённом формате с последующим анализом их основного смысла и поиском функциональных эквивалентов в родных языках студентов. Особое внимание уделялось мотивационному аспекту обучения и демонстрации практической применимости изучаемого материала в профессиональном контексте. Этап имитативного общения предполагал воспроизведение базовых коммуникативных ситуаций с использованием изученных паремий в контексте будущей профессиональной деятельности студентов технических специальностей. Симулятивное общение включало адаптированные ролевые упражнения и проектные задания с применением паремиологических единиц для выражения профессионально значимых концептов (работа в команде, надёжность, качество, инновации). Аутентичное общение реализовывалось через создание мини-презентаций о культурных особенностях франкоязычных стран с использованием паремиологического материала.

Для оценки эффективности экспериментальной методики использовалась комплексная система измерительных процедур. Предэкспериментальное тестирование включало оценку знания французских паремий, понимания их семантики и способности к межкультурной интерпретации. Промежуточный контроль проводился через 7 недель обучения, постэкспериментальное тестирование – по завершении курса. Дополнительно использовались методы анкетирования для выявления субъективной оценки студентами эффективности применяемых методических приёмов.

Результаты экспериментального исследования демонстрируют статистически значимые различия в показателях экспериментальной и контрольной групп: в экспериментальной группе уровень запоминания французских паремий увеличился на 68% по сравнению с исходным уровнем, в то время как в контрольной группе прирост составил 34%. Качество понимания основного смысла паремиологических единиц в экспериментальной группе улучшилось на 72%, в контрольной – на 41%. Наиболее существенные различия выявлены в области формирования мотивации к изучению французского языка и межкультурной осведомлённости: экспериментальная группа показала прирост 79%, контрольная – 28%.

Анкетирование участников эксперимента выявило положительную оценку сопоставительного метода обучения. 74% студентов экспериментальной группы отметили, что сравнение пословиц разных языков делает изучение французского языка более интересным и доступным. 68% участников указали на повышение мотивации к языковому образованию благодаря возможности использовать знания родного языка. 71% респондентов выразили мнение о том, что сопоставительный анализ паремий способствует лучшему пониманию важности межкультурной коммуникации в профессиональной деятельности.

Статистический анализ данных с использованием t-критерия Стьюдента подтвердил значимость различий между группами на уровне $p<0,05$. Коэффициент корреляции между использованием сопоставительного метода и эффективностью усвоения паремиологического материала составил $r=0,64$, что свидетельствует о умеренной положительной связи между исследуемыми переменными.

Качественный анализ результатов эксперимента позволил выявить специфические механизмы воздействия сопоставительного метода на процесс языкового обучения студентов. Участники экспериментальной группы демонстрировали повышенную мотивацию к изучению французского языка, более устойчивое запоминание лексических единиц и способность к элементарной культурной интерпретации паремий. Особенно значительные результаты показали студенты-билингвы (владеющие якутским языком), что подтверждает гипотезу о положительном влиянии многоязычного опыта на эффективность сопоставительного обучения даже в условиях ограниченного времени, отводимого на изучение иностранного языка.

Современные исследования показывают, что эффективность использования родного языка как опоры при изучении иностранного зависит от целого ряда факторов, включая типологическую близость языков, уровень владения родным языком, возраст обучающихся и специфику образовательного контекста [15]. Результаты проведённого эксперимента подтверждают данные положения и демонстрируют возможность успешного применения сопоставительного метода при работе с типологически различными языками (индоевропейские и алтайские языковые семьи).

В контексте преподавания иностранных языков в многонациональной образовательной среде особую значимость приобретает учёт лингвистического разнообразия обучающихся. Как отмечается в исследованиях, опубликованных в сборнике «Паремиология в дискурсе», «актуальные проблемы общей и славянской паремиологии, вопросы взаимосвязи пословицы и языковой картины мира на материале славянских, германских и балтийских языков» требуют комплексного междисциплинарного подхода [6, с. 49].

Методы изучения иностранного языка с опорой на родной язык включают различные формы организации учебной деятельности. Учебное общение предполагает систематическое предъявление и анализ новых языковых явлений с обязательным сопоставлением с аналогичными явлениями родного языка [12]. На данном этапе особое внимание уделяется выявлению межъязыковых соответствий и различий, что способствует формированию лингвистической осознанности обучающихся [14].

Имитативное общение характеризуется воспроизведением определённых актов коммуникации с использованием сопоставительного анализа коммуникативных стратегий и тактик в родном и изучаемом языках [4]. Данный вид деятельности позволяет обучающимся осознать культурную обусловленность коммуникативного поведения и сформировать адекватные модели речевого взаимодействия.

Симулятивное общение предполагает создание проблемных ситуаций, требующих от обучающихся самостоятельного выбора языковых и речевых средств на основе сопоставления коммуникативных норм родной и изучаемой культур. Характерными особенностями данного типа общения являются импровизационность и творческий подход к решению коммуникативных задач.

Аутентичное общение представляет собой высший уровень владения иностранным языком, при котором обучающиеся способны осуществлять спонтанную коммуникацию с носителями языка, адекватно учитывая культурные особенности коммуникативного поведения [9]. На данном этапе роль родного языка минимизируется, однако сопоставительная лингвокультурологическая компетенция остаётся важным фактором успешности межкультурной коммуникации.

Особую роль в процессе изучения иностранного языка с опорой на родной язык играет формирование метаязыкового сознания обучающихся. Как отмечается в современных исследованиях билингвального образования, использование родного языка способствует более эффективному усвоению иностранного языка. Сопоставительный анализ языковых явлений способствует развитию способности к рефлексии над языковыми процессами, что, в свою очередь, повышает эффективность усвоения иноязычного материала [15]. Исследования показывают, что осознанное сопоставление языковых структур активизирует процессы анализа и синтеза, способствует формированию устойчивых ассоциативных связей между элементами родного и изучаемого языков [14].

Важным аспектом использования родного языка как опоры при изучении иностранного является учёт психолингвистических особенностей языкового развития личности. Современные исследования билингвального образования демонстрируют положительное влияние стратегического использования родного языка на академические достижения обучающихся. Родной язык выступает не только как средство коммуникации, но и как инструмент познания, мышления и формирования личности [7]. В этой связи методы обучения иностранному языку должны учитывать сложившиеся в родном языке когнитивные схемы и концептуальные структуры, используя их как основу для построения новых знаний.

Межкультурная компетенция, формируемая в процессе сопоставительного изучения языков, включает несколько взаимосвязанных компонентов. Исследования в области паремиологии показывают, что пословицы и поговорки являются эффективным средством развития межкультурного понимания. Когнитивный компонент предполагает знание культурных реалий, традиций, обычаев и особенностей мировосприятия народов-носителей изучаемого языка. Аффективный компонент связан с формированием толерантного отношения к культурным различиям, развитием эмпатии и способности к децентрации. Поведенческий компонент включает владение стратегиями межкультурного взаимодействия, умение адаптировать своё коммуникативное поведение в соответствии с культурными нормами изучаемого языка [13].

Современные технологии обучения иностранным языкам предоставляют широкие возможности для реализации сопоставительного подхода.

Мультимедийные ресурсы, корпусные технологии, онлайн-платформы для языкового обмена позволяют создавать богатую информационно-образовательную среду, способствующую эффективному формированию двуязычной и поликультурной компетенции обучающихся. Использование аутентичных материалов, представляющих различные типы дискурса, обеспечивает комплексное развитие языковых навыков и культурной осведомлённости.

Оценка эффективности методов изучения иностранного языка с опорой на родной язык требует разработки специальных критериев и процедур. Традиционные методы оценки языковой компетенции, ориентированные на измерение отдельных языковых навыков, оказываются недостаточными для комплексной оценки межкультурной коммуникативной компетенции. Необходимы интегративные подходы к оцениванию, учитывающие способность обучающихся к эффективному межкультурному взаимодействию, их лингвокультурологическую осведомлённость и способность к языковой рефлексии.

Перспективы развития методов изучения иностранного языка с опорой на родной язык связаны с дальнейшим развитием сопоставительных исследований, совершенствованием технологий обучения и расширением международного сотрудничества в области языкового образования.

Важным направлением развития является также разработка специализированных учебных материалов и методических пособий, ориентированных на конкретные пары языков и учитывающих их типологические особенности. Создание корпусов паремиологических единиц различных языков, их лингвокультурологический анализ и методическая интерпретация могут существенно обогатить арсенал средств формирования межкультурной компетенции.

Таким образом, методы изучения иностранного языка с опорой на родной язык представляют собой перспективное направление современной лингводидактики, основанное на глубоком понимании взаимосвязи языка, мышления и культуры. Эффективность данного подхода обусловлена его способностью активизировать имеющийся у обучающихся лингвистический опыт, способствовать формированию метаязыкового сознания и межкультурной компетенции.

Проведённый анализ теоретических основ и практических аспектов применения родного языка как опоры при изучении иностранного позволяет сделать вывод о высоком потенциале данного подхода в контексте современных задач языкового образования. Использование сопоставительных методов, интеграция паремиологического материала, формирование лингвокультурологической компетенции представляют собой взаимосвязанные компоненты целостной педагогической системы, направленной на подготовку компетентных участников межкультурной коммуникации.

Результаты исследований в области паремиологии, лингвострановедения и межкультурной коммуникации убедительно свидетельствуют о том, что родной язык может и должен выступать не как препятствие, а как важный ресурс в процессе овладения иностранным языком. Стратегическое использование этого ресурса, основанное на научно обоснованных принципах и методах, способствует не только повышению эффективности языкового образования, но и формированию поликультурной личности, способной к конструктивному диалогу в условиях культурного многообразия современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов В. П. Краткий французско-якутский словарь / В. П. Артамонов, Н. Н. Гаврильев. – М., 1997. – 544 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Гаврильев Н. Н. Краткий якутско-французский словарь / Н. Н. Гаврильев, В. П. Артамонов. – Якутск, 2002. – 363 с.

4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: учеб. пособие / Н.Д. Гальскова. – Москва: Аркти, 2003. – 192 с.

5. Григорьев Н. С. Саха тылын сомого домогун тылдыта / Н. С. Григорьев. – Якутск, 1974.

6. Иванов Е. Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд / Е. Е. Иванов // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – С. 48-66.

7. Мезинова О. В. Формирование мотивации изучения иностранного (английского) языка с опорой на региональный компонент содержания обучения иностранному языку на неязыковых факультетах вуза / О. В. Мезинова // Проектирование. Опыт. Результат. – 2024. – № 6. – С. 113-119.

8. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

9. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам базовый курс: пособие для студентов педагогических вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – Москва: АСТ, Астрель, 2008. – 238 с.

10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

11. Хайруллина Д.Д. Отражение менталитета и национального характера англичан в пословицах и поговорках / Д. Д. Хайруллина, А. М. Айдарова, Л. В. Базарова, Э. Н. Гилязева // Казанская наука. – 2021. – № 10. – С. 169-172.

12. Щукин А.Н., Фролова Г.М. Методика преподавания иностранных языков: учебник для студ. учреждений высш. образования. – М: Академия, 2015. – 288 с.

13. Hrisztova-Gotthardt H. Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies / H. Hrisztova-Gotthardt, M. Aleksa Varga. – Berlin: De Gruyter Open, 2015. – 384 p.

14. Pérez-Cañado M.L. A systematic review of bilingual education teachers' professional competence / M.L. Pérez-Cañado // System. – Amsterdam, 2020. – No. 95. – P. 102364.

15. Reljić G. A Meta-Analysis on the Effectiveness of Bilingual Programs in Europe / G. Reljić, D. Ferring, R. Martin // Review of Educational Research. – Washington, 2015. – No. 85(1). – P. 92-128.

16. Petit dictionnaire français. – Paris: Larousse, 2008. – 929 p.

УДК 811.161.1'34

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ

Манерко Константин Вячеславович
Преподаватель кафедры филологического образования Государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена исследованию методических подходов к реализации воспитательного потенциала рассказов А. П. Чехова при формировании межличностных ценностей в процессе обучения русскому языку как неродному на уровнях А2-В2. Методологическую основу составляют принципы аксиологического подхода в лингводидактике, компетентностный подход, сравнительный анализ. Анализ текстоцентрического, коммуникативно-деятельностного и лингвокультурологического подходов выявил их специфические возможности и ограничения; установлено, что изолированное применение каждого не обеспечивает комплексной реализации аксиологических задач. Практическим результатом стала разработка упражнений и практических рекомендаций, структурированных по уровням владения языком и типам ценностных задач. Определены критерии отбора художественных текстов и алгоритм учебной деятельности, направленной на воспитание сочувствия, справедливости и уважения к человеческому достоинству.

Ключевые слова: *аксиологический компонент, воспитательный потенциал, межличностные ценности, русский язык как неродной, А.П. Чехов, методические подходы, художественный текст, уровни А2-В2, лингводидактика, ценностные ориентации.*

THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF A.P. CHEKHOV'S SHORT STORIES IN FORMING INTERPERSONAL VALUES WHEN TEACHING RUSSIAN AS A NON-NATIVE LANGUAGE

Manerko Konstantin Vyahceslavovich
Lecturer at the Department of Philological Education at the State Budgetary Institution of Additional Professional Education, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky, St. Petersburg

The article is devoted to the study of methodological approaches to realizing the educational potential of A.P. Chekhov's short stories in forming interpersonal values in the process of teaching Russian as a non-native language at A2-B2 levels. The methodological foundation consists of the principles of axiological approach in language didactics, competency-based approach, comparative analysis. Analysis of text-centric, communicative-activity, and linguoculturological approaches revealed their specific possibilities and limitations; it was established that isolated application of each does not ensure comprehensive implementation of axiological tasks. The practical result was the development of exercises and practical recommendations structured according to language proficiency levels and types of value-oriented tasks. Criteria for selecting literary texts and an algorithm for educational activities aimed at fostering empathy, justice, and respect for human dignity have been defined.

Keywords: axiological component, educational potential, interpersonal values, Russian as a non-native language, A.P. Chekhov, methodological approaches, literary text, A2-B2 levels, linguodidactics, value orientations.

*****

Современное преподавание русского языка как неродного (РКН) на уровнях А2-В2 всё чаще ориентируется не только на развитие языковых и коммуникативных компетенций, но и на формирование ценностной сферы учащихся. Однако на практике аксиологический компонент остаётся на периферии учебного процесса: преобладает формальное освоение лексико-грамматического материала без обращения к ценностному содержанию. Между тем именно художественный текст способен стать эффективным инструментом формирования базовых ценностей межличностных отношений – уважения, сочувствия, доброжелательности, нравственного выбора.

Рассказы А.П. Чехова, отличающиеся лаконичностью формы и смысловой насыщенностью, легко адаптируются к различным уровням владения языком. Универсальные ситуации межличностного взаимодействия, представленные в них, доступны для эмоционального отклика и интерпретации даже на ранних этапах обучения.

Проблема исследования состоит в том, что при работе с художественными текстами на уроках РКН преподаватели не располагают конкретными методическими инструментами для целенаправленного формирования ценностных представлений о межличностных отношениях, что приводит к фрагментарному использованию воспитательного потенциала литературы.

Проблема аксиологической направленности обучения РКН освещается в научной литературе преимущественно в общетеоретическом ключе. Н.В. Кулибина обосновывает значимость интеграции художественного текста в языковой курс для формирования эмоционально-ценностной картины мира, настаивая на системном, а не эпизодическом использовании литературы [6]. А.Д. Дейкина формулирует основания аксиологической методики РКН, акцентируя роль интерпретации текста в освоении культурных ценностей, однако её концепция ориентирована на высокие уровни (В2-С1) [5].

Л.А. Чижова рассматривает межличностные отношения как компонент национальной картины мира, что позволяет осмыслить культурно-ценностное содержание текста [11]. Исследования Ф.И. Панкова, Ю.А. Мареевой, М.Ю. Сидоровой также подчёркивают необходимость интеграции ценностного компонента в преподавание [8; 10].

Практико-ориентированные работы описывают конкретные занятия с использованием рассказов А.П. Чехова, однако носят локальный характер [1; 7]. Таким образом, в научной литературе отсутствует система методических подходов к целенаправленному формированию межличностных ценностей средствами чеховской прозы на уровнях А2-В2.

Цель исследования – сравнительный анализ методических подходов к формированию ценностей межличностных отношений средствами рассказов А.П. Чехова при обучении РКН на уровнях А2-В2 и выработка практических рекомендаций, направленных на реализацию аксиологического потенциала художественного текста. В контексте данной работы термин «русский как неродной» (РКН) используется как обобщающий для обозначения изучения русского языка лицами, для которых он не является родным, включая как иностранных граждан, так и представителей национальных меньшинств России [3].

Научная новизна исследования состоит в: выявлении специфических возможностей трех методических подходов для работы с ценностным содержанием чеховской прозы; теоретическом обосновании принципов интеграции различных методических подходов в зависимости от уровня языковой подготовки; определении

универсального алгоритма работы с художественным текстом в аксиологическом аспекте обучения РКН.

Практическая значимость определяется возможностью применения результатов в практике преподавания РКН, создании учебных материалов и подготовке преподавателей.

Методологическую основу составляют принципы аксиологического подхода в лингводидактике, компетентностного подхода, сравнительно-сопоставительный анализ методических концепций.

Овладение языком в условиях межкультурной коммуникации предполагает не только освоение языковой системы, но и включение в ценностно-смысловую сферу культуры [5]. В рамках аксиологического подхода язык рассматривается как культурный феномен, освоение которого требует не только когнитивной, но и ценностной активности обучающегося. Художественный текст при этом создаёт пространство моделирования этически значимых ситуаций, выступая средством актуализации нравственного сознания [6]. Формирование коммуникативной компетенции неразрывно связано с развитием способности к моральной рефлексии, что обеспечивает более глубокое погружение в культурное пространство изучаемого языка.

Под межличностными ценностями в данном исследовании, опираясь на теорию базовых ценностей Ш. Шварца [12], понимаются универсальные ценности, регулирующие социальное взаимодействие: доброжелательность (benevolence) – забота о благополучии близких людей, универсализм (universalism) – понимание, терпимость и защита благополучия всех людей. Межличностные отношения в этом контексте рассматриваются как культурно обусловленные формы взаимодействия, основанные на этических представлениях о достоинстве, такте, сочувствии, уважении к другому. В русской культурной традиции данные отношения пронизаны нравственной нагрузкой и раскрываются через систему смыслов, закодированных в языке [2]. Универсальные ценности – доброжелательность, эмпатия, честность, деликатность – получают в русском языке специфическую конкретизацию. Как отмечают исследователи, категории общения в русской культуре традиционно сопровождаются установкой на искренность, эмоциональную открытость, сочувствие к собеседнику [11]. Художественный текст отражает типологию межличностных взаимодействий, выражая их в сюжетных конфликтах, речевых формах и авторских оценках.

Особое место в этом процессе занимает рассказ как жанр, поскольку компактность повествования, ограниченное число персонажей и чёткая композиция делают его продуктивным для работы на уровнях A2-B2. Данный диапазон уровней представляет оптимальную зону для аксиологической работы по нескольким причинам. На уровне A2 учащиеся уже способны понимать основное содержание адаптированных текстов, следить за развитием сюжета и выражать элементарные оценочные суждения, что создаёт базу для первичной ценностной рефлексии. Уровень B1 позволяет работать с частично адаптированными текстами, анализировать мотивы поведения персонажей и сопоставлять культурные модели поведения. На уровне B2 становится возможным полноценный анализ неадаптированных текстов с пониманием подтекста, иронии и культурно-специфических смыслов, что обеспечивает глубокую интерпретацию ценностного содержания. Такая поэтапность создаёт условия для систематического воспитательного воздействия: художественный текст эволюционирует от упрощённого учебного материала до аутентичного культурного артефакта, последовательно развивая способность к моральной рефлексии и межкультурному диалогу. При этом важно отметить, что формирование ценностных ориентаций не привязано жёстко к возрасту обучающихся – взрослые студенты на данных уровнях владения языком также открыты к осмыслению новых культурных моделей межличностного взаимодействия через призму изучаемого языка.

Произведения А.П. Чехова обладают уникальными методическими характеристиками, обусловленными спецификой авторской поэтики. Конфликты в

чеховских рассказах носят внутренне-нравственный, а не внешне-сюжетный характер, при этом систематически представлены мотивы межличностных отношений: внимание и безразличие, доброта и равнодушие, деликатность и неловкость. Отсутствие прямой морализации создаёт условия для самостоятельной интерпретации и развития рефлексивных способностей учащихся.

С языковой точки зрения смысловая плотность чеховского текста сочетается с лаконичностью формы, диалоги сохраняют живость интонации и ситуативную достоверность, а использование бытовой лексики и эмоционально окрашенных выражений облегчает понимание. Методическую ценность усиливает универсальность психологических ситуаций – одиночество, неловкость, обида, которые обеспечивают эмоциональную идентификацию читателя с героями даже при ограниченных языковых ресурсах учащихся. Высокая интерпретативная ёмкость позволяет работать с ограниченным словарным запасом, а возможность адаптации к различным уровням владения языком делает чеховскую прозу методически целесообразной для использования в обучении РКН. Указанные характеристики позволяют организовать учебную работу как поэтапное движение от эмоционального восприятия текста к анализу языковых средств выражения межличностных отношений и формированию собственной ценностной позиции. Таким образом, чеховские тексты выполняют функцию медиатора между речевой практикой и этическим восприятием действительности, создавая условия для осознанного восприятия языка как формы выражения человеческих отношений.

Анализ основных методических подходов к использованию художественного текста в обучении РКН с позиции формирования межличностных ценностей выявляет их специфические возможности и ограничения. Первый из рассматриваемых – текстоцентрический подход, получивший развитие в работах Н.В. Кулибиной [6], опирается на представление о художественном произведении как системном объекте, несущем языковую, культурную и мировоззренческую информацию. Установка данного подхода заключается в ориентации на текст как цель, а не средство обучения, при этом смысловая работа направлена на воссоздание целостного значения художественной формы. Рассказ А.П. Чехова «Ванька» демонстрирует эффективность данного подхода на уровне А2, поскольку монологическое письмо ребёнка, наполненное отчаянием и надеждой, вызывает непосредственный эмоциональный отклик учащихся. Работа с текстом включает предтекстовую мотивацию через обсуждение одиночества ребёнка, поэтапное чтение с комментированием, выявление структурных особенностей письма и интерпретацию мотивов обращения Ваньки к деду. К безусловным достоинствам подхода относится содержательная глубина и формирование эмпатийной позиции, однако методика предъявляет высокие требования к языковому уровню обучающихся и создаёт риск смещения акцента с коммуникативной практики на аналитические задания.

Альтернативную стратегию работы с художественным текстом предлагает коммуникативно-деятельностный подход, теоретически обоснованный в трудах Е.И. Пассова [9]. В отличие от текстоцентрической методики, данный подход ориентирован на моделирование речевой деятельности в условиях, максимально приближенных к реальному взаимодействию. Основная идея заключается в освоении языка через выполнение коммуникативных задач, предполагающих речевое и эмоциональное участие обучающегося, при этом художественный текст выступает стимулом к речевой активности. Рассказ «Толстый и тонкий» эффективно используется в рамках данного подхода на уровне В1 для моделирования социальных ролей и ситуаций, связанных с вежливостью и социальной дистанцией. Методическая работа предполагает предварительное обсуждение ситуации встречи с другом, инсценировку возможных сценариев диалога, а после прочтения – реконструкцию сюжета и анализ причин изменения тона общения. Преимущества подхода проявляются в активизации речевого поведения учащихся, повышении мотивации и формировании прагматических навыков, однако существенным ограничением является склонность к воспроизведению поверхностных смыслов

текста, что создаёт риск нивелирования ценностного содержания в пользу ситуационного моделирования.

Третий из анализируемых подходов – лингвокультурологический, развиваемый в исследованиях Л.А. Чижовой [11] и других авторов, базируется на представлении о языке как форме существования культуры. Центральная задача состоит в освоении культурно маркированных языковых единиц и моделей поведения, через которые транслируются национально-специфические представления о человеке и мире [4]. Художественное произведение в данной парадигме рассматривается как культурно-языковая модель, требующая интерпретации глубинных смыслов, обусловленных культурным контекстом. Рассказ «Дама с собачкой» позволяет реализовать данные принципы на уровне B2 через выявление национально специфических реалий, сопоставление речевого поведения героев с привычными учащемуся моделями и обсуждение представлений о нравственном выборе в русской и родной культуре обучающегося. Достоинства подхода заключаются в развитии ценностного восприятия и освоении национально обусловленных моделей поведения, однако высокая семантическая плотность текста делает материал труднодоступным для неподготовленной аудитории и создаёт возможность искажений в восприятии без специальной методической поддержки.

Проведённый сравнительный анализ показывает, что каждый подход имеет специфические преимущества и ограничения в контексте формирования межличностных ценностей. Текстоцентрический подход обеспечивает глубину смысловой работы, но слабо развивает коммуникативную активность; коммуникативно-деятельностный способствует речевой практике, однако нередко редуцирует ценностное содержание; лингвокультурологический открывает возможности для развития межкультурной компетенции, но требует высокой интерпретационной подготовленности учащихся. Ни один из подходов в изолированном виде не обеспечивает комплексной реализации аксиологического компонента обучения, что указывает на необходимость разработки практических решений, сочетающих элементы различных методических систем.

Исходя из выявленных ограничений существующих подходов, комплекс упражнений для формирования ценностей межличностных отношений должен структурироваться с учётом уровня языковой подготовки учащихся и специфики методических подходов. Отбор рассказов А.П. Чехова основывается на содержательных критериях, включающих наличие этически значимых ситуаций межличностного взаимодействия и универсальность психологических состояний, языковых критериях, предполагающих соответствие лексического материала уровню владения языком, и методических критериях, учитывающих компактность формы и высокую интерпретативную ёмкость при языковой доступности.

На уровне A2 ведущая роль принадлежит текстоцентрическому подходу с элементами коммуникативно-деятельностного. Рассказ «Ванька» используется для формирования сочувствия к одинокому ребёнку через эмоциональную идентификацию, при этом аксиологическая задача заключается в развитии способности к сопереживанию. Типы упражнений включают: 1) эмоционально-аналитические («Что чувствует Ванька? Найдите в тексте слова, которые показывают его грусть»), 2) ролевые мини-диалоги («Представьте, что вы встретили Ваньку. Что бы вы ему сказали? Разыграйте диалог в парах»), 3) творческие письменные задания («Напишите короткое письмо Ваньке от лица его друга. Используйте слова поддержки: не грусти, всё будет хорошо, я понимаю»). Такая последовательность обеспечивает переход от понимания эмоций к их вербализации и практическому применению. Аналогичным образом работа с рассказом «Хамелеон» способствует осмыслению справедливости и честности в общении через анализ поведения персонажей и моделирование альтернативных сценариев («Как должен был поступить Очумелов? Разыграйте честный разговор»).

При переходе к более высокому уровню владения языком (B1) доминирует сочетание всех трёх подходов с акцентом на лингвокультурологическом анализе. Рассказ «Толстый и тонкий» используется для понимания человеческого достоинства

и уважения к личности, при этом аксиологическая задача состоит в осмыслении социальной иерархии и её влияния на межличностные отношения. Упражнения включают культурное сопоставление («Сравните нормы общения в вашей культуре»), дискуссию о понятии достоинства («Что значит "потерять достоинство"?») и ролевое моделирование альтернативных сценариев встречи.

На продвинутом уровне (B2) возможна работа с неадаптированными текстами в полном объеме их художественной сложности. Рассказ «Дама с собачкой» позволяет исследовать эволюцию внутреннего мира героев, анализировать несовпадение внешнего поведения и подлинных чувств. Упражнения включают: 1) анализ психологического подтекста через языковые маркеры; 2) сопоставительный анализ концептов «любовь», «долг», «счастье» в русской и родной культурах; 3) написание эссе-рассуждения о моральном выборе героев; 4) организацию дебатов о соотношении личного счастья и социальных обязательств.

Методические рекомендации, вытекающие из представленного комплекса упражнений, предполагают дифференцированный подход к организации учебной деятельности, основанный на принципе интеграции методических стратегий. На уровне A2 доминирует текстоцентрический подход с элементами коммуникативного: акцент делается на эмоциональном восприятии адаптированных текстов и элементарных речевых реакциях. Используются приёмы персонификации («Что бы вы сказали Ваньке?»), визуализации эмоций и ситуативные вопросы с опорой на речевые клише, что формирует начальный опыт сопереживания и осмысление языка как средства выражения чувств. На уровне B1 происходит сбалансированная интеграция всех трёх подходов: сохраняется эмоциональная вовлечённость, активизируется коммуникативная деятельность через ролевые задания и дискуссии, вводятся элементы культурологического анализа. Учащиеся переходят от идентификации эмоций к анализу мотивов поведения персонажей, сопоставлению культурных моделей общения и выработке аргументированной позиции. На уровне B2 приоритет отдаётся лингвокультурологическому подходу при сохранении коммуникативной активности: работа с неадаптированными текстами позволяет анализировать языковые средства создания подтекста, исследовать культурно-специфические концепты, интерпретировать авторскую иронию. Дискуссии и письменные работы приобретают характер межкультурного диалога о универсальных и национально-специфических ценностях.

Универсальный алгоритм работы с художественным текстом включает этапы: 1) мотивации и прогнозирования (активизация личного опыта); 2) первичного восприятия (эмоциональный отклик); 3) языкового анализа (от лексики эмоций на A2 до стилистических средств на B2); 4) ценностной интерпретации (от простых оценок до философской рефлексии); 5) творческого применения (от письма-поддержки до эссе-размышления). Такая структура обеспечивает поэтапное движение от эмоционально-личностного восприятия через языковой анализ к ценностному осмыслению и творческому присвоению культурных смыслов.

Оценка сформированности ценностных ориентаций осуществляется через анализ трёх компонентов: когнитивного (способность объяснить мотивы поведения персонажей, выявить этическую проблематику текста, сформулировать альтернативные решения), эмоционального (проявление сочувствия к героям, эмоциональная включённость в дискуссию, способность к сопереживанию) и поведенческого (использование этически окрашенной лексики в речи, выбор соответствующих стратегий общения, проявление уважительного отношения к участникам учебного процесса). Диагностика проводится через наблюдение за речевым поведением учащихся, анализ их письменных работ и участия в дискуссиях.

Исследование показало, что рассказы А. П. Чехова могут служить содержательной основой для формирования межличностных ценностей при обучении русскому языку как неродному. Сопоставительный анализ существующих методических подходов позволил уточнить ключевые понятия и выделить наиболее результативные способы работы с художественным текстом.

Проведенный анализ указывает на то, что потенциал художественного текста в формировании межличностных ценностей реализуется через специфическую организацию учебной деятельности. Предложенный алгоритм работы, основанный на поэтапном усложнении интерпретативных задач, теоретически обеспечивает условия для развития способности к этической рефлексии у изучающих русский язык как неродной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова В. С. Лингвокультурологический потенциал рассказов А. П. Чехова в преподавании русского языка как иностранного / В. С. Абрамова // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 3. – С. 42–47.

2. Буренкова О. М. Особенности функционирования концептов “kind” и «добрый» в английской и русской лингвокультурах (на материале фразеологических сочетаний) / О. М. Буренкова, Э. Н. Гилязева // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 6-5. – С. 39-43.

3. Закирьянов К. З. Русский язык как родной и как неродной: специфика обучения в русской и нерусских школах / К. З. Закирьянов // Образование: традиции и инновации. – 2018. – № 1(23). – С. 25-31.

4. Го Л. Концепт «мать» в русской лингвокультуре: национально-культурные стереотипы / Л. Го, С. Жун, С. Го // Начала Русского мира. – 2024. – № 6. – С. 73-78.

5. Дейкина А. Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка / А. Д. Дейкина. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. – 212 с.

6. Кулибина Н. В. Методика обучения чтению художественной литературы: монография / Н. В. Кулибина. – 2-е изд., стереотип. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 300 с.

7. Матюшенко А. Г. Произведения А. П. Чехова на занятиях по русскому языку с иностранными учащимися-филологами (анализ рассказа «Студент») / А. Г. Матюшенко // Мир русского слова. – 2010. – № 1. – С. 69–77.

8. Панков Ф. И. Предикативные наречия в русском и новогреческом языках: лингводидактический аспект / Ф. И. Панков, Ю. А. Мареева // Мир русского слова. – 2023. – № 3. – С. 4–10.

9. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М.: Русский язык, 1989. – 276 с.

10. Сидорова М. Ю. Языковое и когнитивное развитие студентов в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи»: 10 шагов к покорению сложных текстов / М. Ю. Сидорова // Мир русского слова. – 2024. – № 2. – С. 85-95.

11. Чижова Л. А. Изоморфизм и алломорфизм национальных картин мира билингвальной личности автора текста художественного произведения / Л. А. Чижова // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 1(296). – С. 90-100.

12. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values / S. H. Schwartz // Online Readings in Psychology and Culture. – 2012. – Vol. 2, No. 1.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 81'272

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНАУГУРАЛЬНЫХ РЕЧЕЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ДЖОЗЕФА БАЙДЕНА

Демкина Яна Юрьевна
Преподаватель английского языка,
кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет, Россия

Статья посвящена изучению когнитивно-дискурсивных особенностей политической речи Д. Трампа и Дж. Байдена. Актуальность работы связана с необходимостью изучения структуры текста, скрытых смыслов и приемов, используемых в речах политических лидеров. В данной статье используются такие методы исследования, как дискурс-анализ и когнитивный подход к изучению политического дискурса, которые представляют собой анализ языковых и синтаксических особенностей политических речей кандидатов в президенты США. Научная новизна работы отличается от других исследований тем, что в ней впервые анализируются инаугурационные речи кандидатов в президенты США с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода к анализу политической речи. Целью статьи является рассмотрение инаугурационных речей политических лидеров от Демократической и Республиканской партий, Д. Трампа и Дж. Байдена, с точки зрения когнитивно-дискурсивного анализа политической речи. В результате анализа инаугурационных речей Д. Трампа и Дж. Байдена выявлены лингвистические средства и стилистические фигуры политического дискурса, представленные в таблицах; алгоритм построения инаугурационной речи на примерах англоязычной коммуникации политических выступлений кандидатов в президенты США. В выводе представлены основные различия между инаугурационной речью Д. Трампа и Дж. Байдена, проанализированы коммуникативные стратегии и тактики, обозначены микророли, исполняемые политическими лидерами от Демократической и Республиканской партий, на каждом отрезке речи.

Ключевые слова: инаугурационная речь, лингво-синтаксические особенности, когнитивно-дискурсивные особенности, когнитивный анализ, анализ дискурса, анафора, эпифора, лексические повторы, эпитеты, метафоры.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INAUGURAL SPEECHES OF DONALD TRUMP AND JOSEPH BIDEN

Demkina Yana Yurievna
English teacher, PhD in Philology,
Saint-Petersburg State Electrotechnical University

The article is devoted to the study of the cognitive-discursive features of the political speech of D. Trump and J. Biden. The relevance of the work is associated with the need to study text structure, hidden meanings and techniques used in the speeches of political leaders. This article employs such research methods as discourse analysis and cognitive

approach to the study of political discourse, which involve the analysis of linguistic and syntactic features of political speeches by US presidential candidates. The scientific novelty of the work distinguishes it from other studies in that it is the first to analyze inaugural speeches of US presidential candidates from the perspective of a cognitive-discursive approach to political speech analysis. The purpose of this article is to examine the inaugural speeches of political leaders from the Democratic and Republican parties, D. Trump and J. Biden, from the perspective of cognitive-discursive analysis of political speech. As a result of analyzing the inaugural speeches of D. Trump and J. Biden, linguistic means and stylistic figures of political discourse have been identified and presented in tables; an algorithm for constructing inaugural speeches has been developed based on examples of English-language political speeches by US presidential candidates. The conclusion presents the main differences between the inaugural speeches of D. Trump and J. Biden, analyzes communication strategies and tactics, and identifies microroles performed by political leaders from the Democratic and Republican parties in each segment of their speeches.

Keywords: Inaugural speech, linguistic and syntactic features, cognitive-discursive features, cognitive analysis, discourse analysis, anaphora, epiphora, lexical repetitions, epithets, metaphors.

*****

The cognitive-discursive features of political speech of the U.S. presidential candidates, Donald Trump and Joseph Biden, are investigated in this research. It is explained that the type of discourse under examination has a special impact on the formation of public consciousness. Inaugural speeches of the leaders from the Democratic and Republican parties of the USA belong to the field of epideictic eloquence, so the genre itself dictates the features of the content and texts of presidents' speeches. The purpose of epideictic speech is to create a certain emotional mood in listeners and to express a positive or negative assessment of the events taking place [12, p. 24].

The relevance of the work is associated with the need to study the structure of the text, hidden meanings and techniques used in the speeches of the U.S. presidential candidates.

The scientific novelty of our work is distinguished by the fact that it analyzes for the first time the inaugural speeches of D. Trump and J. Biden from the point of view of a cognitive-discursive approach to the analysis of political speech.

The purpose of our work is to consider the inaugural speeches of the U.S. presidential candidates, D. Trump and J. Biden, from the point of view of cognitive and discursive analysis of political speech.

The intended goal implies the solution of the following tasks: to analyze theoretical sources and identify the main structural features of cognitive analysis and discourse analysis of political texts; identify the main features of the inaugural speech of the 45th President of the United States Donald Trump; characterize the cognitive-discursive analysis of the inaugural speech of the 46th President of the United States Joseph R. Biden; compare the features of the cognitive-discursive analysis of the inaugural speeches of the 45th and 46th presidents of the United States; summarize the information obtained and formulate the main conclusions.

The subject of the study is the inaugural speeches of US politicians.

The political discourse of inaugural speeches of the U.S. presidential candidates, presented as a corpus of texts, is characterized by deterministic models and their configurations [15, p. 209], conceptual dominants that have a certain value content and are represented by conceptual universals, namely, concepts, conceptual models, cognitive stereotypes contained in the history and ethics of this country [5, p. 113].

Discourse analysis of political texts is an analysis of the linguistic and syntactic features of the political speeches of the U.S. presidential candidates D. Trump and J. Biden.

One of the most effective methods of analyzing politicians' speech is the cognitive analysis of discourse. A feature of the cognitive aspect of the analysis of political texts is the possibility of considering the explicit and implicit intentions of a particular politician, revealing the main aspects of the linguistic and cognitive level of his linguistic personality.

Works of Russian and foreign researchers V.N. Bazylev [3], O.L. Mikhaleva [10],

D.V. Shapochkina [13], E.I. Sheigal [12], G. Lakoff [15], L. Talmy [16], etc. are devoted to the discourse analysis of political speech and have become the methodological basis of this study.

It is a well-known fact that discourse analysis was founded by the Dutch researcher T.A. van Dijk, whose work highlighted two aspects of speech analysis: contextual and textual [5, p. 99].

A great deal is being written and said about political discourse. The theories of political discourse are devoted to the works of A.G. Baranov (2004), V.N. Bazylev (2005), T.A. van Dijk (1989), V.I. Karasik (2018), O.L. Mikhaleva (2009), E.I. Sheigal (2000), etc.

In addition, we will briefly analyze the strategies and tactics used in the election debates of the U.S. presidential candidates D. Trump and J. Biden. The theoretical foundations of strategies and tactics of political texts were drawn from the theoretical works of P.S. Akinina [1], O.S. Issers [7], S.G. Kara-Murza [8], devoted to the speech impact of political action and the peculiarities of manipulating the consciousness of the people.

This work explores the structural features of the inaugural speeches of future US presidents in 2021. D. Trump and J. Biden are candidates of different political parties: the Republican Party and the Democratic Party, that's why, in this regard, presidents hold different views on foreign policy issues, which are certainly reflected in the language [1, p. 40].

The components of the election campaign speeches are an appeal to the addressee (in this case, the people of the United States), gratitude to the president's supporters, an assessment of the activities of the previous candidate, the definition of the course and the main points of the proposed development of the country, the main tasks of the government, the president's oath to fulfill his duty to the people, and the final part of the speech [5, p. 293].

The results of the research are the characteristics of both cognitive analysis and discourse analysis of the inaugural speech of D. Trump and his rival, J. Biden, before the presidential election, which took place on November 3, 2021; a comparison of the final debates of U.S. presidents before the November 3, 2021 vote as part of cognitive analysis and discourse analysis.

Furthermore, we compare the components of the inaugural speech of the leaders of the Democratic and Republican parties of the USA, D. Trump and J. Biden, when addressing the addressee, they use the personal pronoun of the second person "*you*" and its possessive form "*your*". In D. Trump's speech, this pronoun is used more often – 23 times, while in the speech of J. Biden – 20 times.

In addition, during the description of the value of democracy, the 46th president uses the form "*my friends*", which is one of the ways to keep and attract the attention of the interlocutor to the issue under consideration. In addition, during the description of the value of democracy, the 46th president uses the form "*my friends*", which is one of the ways to keep and attract the attention of the interlocutor to the issue under consideration.

The component "*gratitude of predecessors*" is implemented in the speech of the presidents with the help of the lexeme "*thank*", which in the speech of D. Trump is mentioned 1 time, and in the speech of J. Biden three times. Each of the presidents, when assessing the activities of predecessors, notes weaknesses: D. Trump highlights the ineffectiveness of the internal policy of the state with the help of allusion and homogeneous members of the proposal, and J. Biden believes that it is necessary to end the non-civil war, and to stop unemployment and violence. These theses are formulated by political leaders in the slogans: "*America first*" (D. Trump) [6] and "*America is the leading force for good in the world*" (J. Biden) [14]. This is confirmed by the aggressiveness of D. Trump's foreign policy and the attempt to rapprochement with other countries and the search for mutually beneficial cooperation by J. Biden.

At the same time, each president formulated the tasks of the board briefly and clearly: "*We will follow two simple rules: Buy American and Hire American*" [6] –

D. Trump; "*I will give my all in your service thinking not of power, but of possibilities*" [14] – J. Biden. J. Biden sees his goal in providing people with a good job, decent health care, eliminating racial injustice, and D. Trump thinks more globally – America needs to be elevated above other countries, so in his inaugural speech changes in foreign policy come to the fore [6].

These thoughts are confirmed by the oath of presidents: D. Trump swears that he will responsibly approach the choice of politicians and will contribute to the prosperity of America; J. Biden promises to protect the Constitution, democracy and America.

At the end of the inaugural speech, the presidents appeal to God with a request to distinguish America from the diversity of countries (D. Trump) [6], as well as to ensure America's freedom on the territory of their country and become an example for other states (J. Biden) [14].

We analyze the characteristics of the micro-roles of self-presentation of politicians. In D. Trump's speech, the micro-roles of "*elected official*" and "*responsible person*" merge: the president is aware of the importance and responsibility of his mission, and also finds solutions to current problems. J. Biden openly expresses gratitude for the fact that his candidacy in the elections was supported, so he will make informed decisions, since each person is responsible for his actions. In J. Biden's speech, the microroles [8, p. 57] "*elected person*" and "*responsible person*" differ in conscious actions.

The micro-role of "*fighter*" is characteristic of each of the presidents: D. Trump in his speech proposes to deal with the negative consequences of the rule of predecessors, and J. Biden aims to defeat the pandemic, protect the rights and freedoms of citizens, and also prevent the dissemination of false information.

The analysis of the micro-role "*reformer*" leads to the fact that in the speech of the presidents the inevitable political changes are announced in different ways: D. Trump considers it necessary to carry out reforms in the domestic and foreign policy of the United States, and J. Biden proposes to unite against the pandemic, violence and injustice and correct the mistakes of predecessors [7, p. 25].

Each of the presidents is a patriot of his country, so in their speech the use of the words "*America*" and "*American*" is frequent (Trump – 34 times, Biden – 38 times). At the same time, J. Biden said poetic lines dedicated to America, justified the need to unite the American people and choose their own path of development. US presidents demonstrate their piety in order to get closer to the inner world of people who share their views. D. Trump and J. Biden turn to God in different segments of the inaugural speech: during the president's oath, the request to protect and preserve the troops, at the end of the speech.

U.S. presidents choose the same communication tactics: solidarity tactics; tactics of illustrating negative emotions; tactics of illustrating positive emotions.

D. Trump uses solidarity tactics; to do it he turns to the pronoun "we" 49 times, calling on the citizens of the country to have common interests. J. Biden applies the same tactics and introduces the pronoun "*we*" 89 times to get closer to the people, to pronounce problems that need to be solved.

In D. Trump's speech the tactics of illustrating negative emotions are used to describe the inconsistency of domestic and foreign policy pursued by predecessors. J. Biden also mentions the mistakes of predecessors using the tactics of illustrating negative emotions and also concentrates on relevant information when characterizing the 2020 pandemic.

In the inaugural speech of D. Trump, the tactics of illustrating positive emotions are implemented when describing the goals and objectives facing the president. J. Biden, when describing the American way, concentrates on patriotic feelings, so these proposals are examples of positive emotions.

Analysis of the concepts is used in the speech of US Presidents D. Trump and J. Biden shows that the concepts of *America* (18 and 20), *American* (16 and 18), *nation* (11 and 14), *our* (48 and 43), *we* (49 and 89) are actively used in inaugural speeches.

In D. Trump's speech, there is also an implementation of the concept of "*country*" (12), which is synonymous with the lexeme "*America" and "nation*".

J. Biden's speech is saturated with the lexeme "*democracy*" (12), which is explained by the political party in which the president himself belongs. The concepts of "*must*" (10) and "*unity*" (9) are characterized by *duty, inseparability, unity and solidarity*. The purpose of the inaugural speech of J. Biden was trying to prove to the citizens of the country that it is necessary to unite in order to jointly solve all the accumulated problems and defeat the coronavirus COVID-19.

Additionally, we characterize the linguistic means that are used in the inaugural speech of D. Trump and J. Biden. In the speech of the 46th President of the United States, a greater number of allusions are used, since this is due to the description of the domestic and foreign policies of predecessors, which are not named, but when analyzing the context, it is understood who the author of the text means Biden.

In order to easily and easily convey information to the listener, presidents use anaphora and syntactic parallelism. In D. Trump's speech, anaphora is mainly used, while J. Biden prefers syntactic parallelism.

D. Trump's speech is more expressive, since it contains examples of the use of antithesis, hyperbole, polyunity, pleonasm [11, p. 34]. In the inaugural speech of J. Biden, parcellation is used – simple one-part sentences that include one complete thought. The imagery of the president's speech is given by the use of rhetorical questions that remain unanswered, as well as an epiphora. These techniques serve to attract and retain the attention of listeners [10, p. 194].

In the speech of D. Trump, several idioms are applied, which are necessary to give the statements a holistic indivisible image, as well as the ability to quote memorable expressions of the president. Mental objects, called concepts, reflect a single theme of inaugural speeches. Presidents talk about their country (*America, America, nation, country*), talk about ways to solve problems that arose at the beginning of the government (we, ours). In the speech of J. Biden, the terms "*unity*", "*democracy*", "*should*" are used, which is the basis of the president's political program.

In order to identify the main points, to consolidate ideas in the minds of listeners, presidents use parallel structures and correlate them with lexical repetition. With the help of such constructions, the presidents were able to tell about the main problems facing them at the beginning of their terms in office, about the ways to solve these problems and their attempts to describe their vision of the goals and objectives of the country's development [13, p. 141].

In the speech of D. Trump, slogans are actively used, thanks to which bright and formed thoughts remain in the subconscious of the electorate [6]. J. Biden also used the technique of creating slogans, but there were much fewer of them. At the same time, the slogan dedicated to the unity of the inhabitants of America was heard in the inaugural speech of J. Biden 9 times [14].

It should be noted that there is colorfulness in the inaugural speeches of D. Trump and J. Biden. Each of the presidents uses epithets and metaphors in his speech, while D. Trump characterizes most often the problems, the special role of America in the world, and J. Biden talks about the essence of a special American way.

It should be noted that the main feature of the inaugural speeches of D. Trump and J. Biden is the simplicity, accessibility and variety of linguistic means in the preparation of the speech. The main purpose of this genre is to convey to every resident of the country their reasoned position, so in the speech of the presidents there was no oversaturation with political terms, or the use of political slang [2, p. 87].

Thus, the main features of the inaugural speeches of the leaders from the Democratic and Republican parties of the USA, D. Trump and J. Biden, are determined in this research. The theoretical review of the literature devoted to the analysis of political speech is briefly highlighted, and the methodological basis of this study is presented.

The main differences between the inaugural speeches of D. Trump and J. Biden are presented, the main components of the speeches are discussed, communicative strategies and tactics are analyzed, and the micro-roles performed by the speakers at

each segment of the speech are outlined. We tried to pay special attention to the implementation of the concepts contained in the speeches of the presidents and to identify the main linguistic means necessary for the discourse analysis of political speech.

In this article a comparative description of the inaugural speeches is submitted to identify the characteristics of each president. It should be noted that D. Trump chose a more emotional strategy for presenting his speech, so in his speech we observe a greater number of slogans, epithets and metaphors, lexical repetitions and parallel structures.

J. Biden chose parcellation as the main syntactic means, so his speeches contain a large number of single-component sentences that express one complete thought. There is no polysyndeton in Biden's speech, and there are a small number of coordinated elements. The main purpose of the speech of the political leader is the desire to prove to the citizens of the country that there are problems that need to be solved. They can be overcome, but it is necessary to unite with each other. America, as a great nation, should be one and indivisible, an example of kindness for all countries of the world.

D. Trump pursued other goals in the preparation of the inaugural speech. It was necessary for him to convey to the audience that the previous administrations did not cope with the current tasks. Now it is necessary to distinguish America from the diversity of other countries [16, p. 163].

D. Trump, when choosing linguistic means, focuses on solving foreign policy problems, and J. Biden is more interested in the problems of domestic policy of the state (violence, unemployment, racial injustice). Cognitive analysis is illustrated by comparing the components of the inaugural speeches of D. Trump and J. Biden, micro-roles of self-presentation of political leaders, as well as communicative strategies and tactics.

Discourse analysis is a comparative characteristic of the linguistic means used by heads of state in inaugural speeches. This work can be supplemented by a more specific consideration of the selected concepts, detailed characterization and use of each mental object with examples from the inaugural speeches of the U.S. presidential candidates, D. Trump and J. Biden.

ЛИТЕРАТУРА

1. Akinina P. S. Linguo-pragmatic features of the American political discourse (on the material of the speeches of the President of the United States Barack Obama): dis. … cand. philol. sciences: 10.02.04 "Germanic languages" / Polina Sergeevna Akinina. – Vladimir, 2019. – 170 p. (in Russian).

2. Bozhenkova N. A., Stepykin N. I. General theory of discourse: methodical instructions for practical exercises and SRS. – Kursk: Yugo-Zapad State University Publ., 2018. – 106 p. (in Russian).

3. Bazylev V. N. Political discourse in Russia // Political linguistics. – 2005. – no. 3. – pp. 5-31. (in Russian).

4. Campbell K. K., Jamieson K. H. Inaugurating the Presidency // Presidential Studies Quarterly. – 1985. – Vol. 15, no. 2. – pp. 394-411.

5. Van Dijk T. A. Language. Cognition. Communication. – Moscow: Progress Publ., 1989. – pp. 99-113. (in Russian).

6. Inaugural speech of the 45th President of the United States Donald Trump. 2016. Available at: https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4910307.00.html (accessed: 17 November 2022).

7. Issers O. S. Speech impact. – Moscow: Flint; Nauka Publ., 2011. – 224 p. (in Russian).

8. Kara-Murza S. G. Manipulation of consciousness. – Moscow: Eksmo Publ., 2000. – 864 p. (in Russian).

9. Karasik V. I. Address specialization in public political discourse // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. – 2018. – no. 1. – pp. 32-49. (in Russian).

10. Mikhaleva O. L. Political discourse. Specificity of manipulative influence. – Moscow: Librokom Publ., 2009. – 256 p. (in Russian).

11. Political discourse: methods of analysis of thematic structure and metaphorics / ed. A. N. Baranov, O. V. Mikhailova, G. A. Satarov, E. A. Shipova. – Moscow: Fond INDEM Publ., 2004. – 94 p. (in Russian).

12. Sheigal E. I. Structure and boundaries of political discourse // Philologia – Philologica. – Krasnodar: Kuban State University Publ., 1998. – no. 14. – pp. 22-29. (in Russian).

13. Shapochkin D. V. Political discourse: cognitive aspect: monograph. – Tyumen: Tyumen State University Publ., 2012. – 260 p. (in Russian).

14. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. The White House. 20 January 2021. Available at: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr (accessed: 19 November 2022).

15. Lakoff G. Categories and Cognitive Models. Cognitive Science Report. – Berkeley: University of California Publ., 1982. – Vol. 2. – pp. 203-212.

16. Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition. In: Topics in Cognitive Linguistics / ed. by B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publ., 1988. – pp. 162-205.

УДК 811.124'25

МЕТРИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ С АНГЛИЙСКОГО И ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Сикацкая Полина Алексеевна
Аспирант,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
SPIN-код: 7979-4094

Данная статья посвящена исследованию оценки метрической эквивалентности русских поэтических переводов с английского и латинского языков. Цель исследования – разработать и апробировать методику количественной оценки метрической эквивалентности поэтического текста для более корректного и объективного сопоставления оригинальных и переводных текстов. Научная новизна работы заключается в разработке авторского подхода к анализу поэтической метрики, основанного на выполнении подсчётов по трём сопоставительным параметрам: числа строк, общего количества слогов, количества сильных слогов, а также обращением к материалу, не изученному в более ранних трудах с этой точки зрения: английскому стихотворению У. Блейка The Tyger и латинскому стихотворению Горация Ad Thaliarchum. Полученные результаты показали, что методика эффективно применима по отношению к многократно переведённым текстам: согласно посчитанным коэффициентам тексты делятся на пять групп по степени эквивалентности – от наиболее эквивалентных до наименее.

Ключевые слова: измерение переводческой эквивалентности, оценка переводческой эквивалентности, метрическая эквивалентность, формальная эквивалентность, эквивалентность поэтического текста, классические и современные подходы, античная метрика, античная поэзия, прикладное переводоведение, теория перевода.

METRIC EQUIVALENCE OF RUSSIAN POETIC TRANSLATIONS FROM ENGLISH AND LATIN LANGUAGES IN A COMPARATIVE ASPECT

Sikatskaya Polina Alexeevna
Postgraduate student,
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

This article is devoted to the study of the assessment of the metric equivalence of Russian poetic translations from English and Latin. The purpose of the study is to develop and test a method for measuring the metric equivalence of a poetic text for a more correct and objective comparison of original and multiple translated texts. The scientific novelty of the work lies in the development of the author's approach to the analysis of poetic metrics, based on calculations according to three comparative parameters: the number of lines, the total number of syllables, the number of strong syllables, as well as referring to material not studied in earlier works from this point of view: the English poem by W. Blake The Tyger and the Latin poem by Horace Ad Thaliarchum. The results showed that the technique is effectively applicable to repeatedly translated texts: according to the calculated coefficients, the texts are divided into five groups according to the degree of equivalence – from the most equivalent to the least.

Keywords: measurement of translation equivalence, assessment of translation equivalence, metric equivalence, formal equivalence, equivalence of poetic text,

classical and modern approaches, ancient metrics, ancient poetry, applied translation studies, theory of translation.

*****

Проблема достижения переводческой эквивалентности была поднята в 50-60-е годы XX века, когда это явление ещё не имело наименования и обозначалось как «точность перевода» [1]. Эквивалентности по сей день посвящается множество исследований, поскольку она считается неотъемлемой условной лингвистической характеристикой переведённого текста [2, с. 79]. Степень её достижимости выражается преимущественно в виде вербальной оценки, даже при использовании уровневых классификаций эквивалентности – среди признанных можем отметить классификации В. Н. Комиссарова [3] и В. Г. Гака [4]. Однако переводной текст (ПТ), как и любой другой, – многоаспектный конструкт и обладает прагматикой, семантикой, грамматикой, метрикой и иными аспектами, эквивалентность которых можно изучить и далее определить, в чём ПТ больше или меньше соответствует исходному тексту (ИТ).

Новизна данного исследования определяется, во-первых, авторским подходом к оценке метрической эквивалентности поэтических текстов, а во-вторых, обращением к не изученному ранее материалу – корпусам русских переводов двух текстов: с английского и латинского языков.

Целью исследования является апробация методики оценки метрической эквивалентности по авторской методике и последующее сопоставление результатов для выбранных языковых пар. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Собрать из всех доступных источников русские переводы стихотворения Горация Ad Thaliarchum и стихотворения Уильяма Блейка The Tyger.

2. Описать используемую методику измерения переводческой эквивалентности.

3. Произвести необходимые подсчёты в соответствии с методикой и сделать выводы о полученных коэффициентах.

4. Сгруппировать тексты в пять групп по степени эквивалентности в зависимости от значений коэффициентов.

5. Сравнить полученные результаты для переводов обоих текстов и охарактеризовать сходства и различия реализации работы с методикой для языковых пар «латинский – русский» и «английский – русский».

Материалом исследования послужили два исходных стихотворения:

латинское Ad Thaliarchum Квинта Горация Флакка (Bentlei, 1711, p. 29–30) и его 42 русских перевода, опубликованных на сайте horatius.ru;

английское The Tyger Уильяма Блейка (Songs of Innocence and of Experience, copy AA, 1826 (The Fitzwilliam Museum), object 24) и его 52 русских перевода, взятые с порталов Стихи.ру и ficbook.net.

Теоретическую базу исследования составили труды Г. Егера [5], А. Д. Швейцера [6], В. Н. Комиссарова [3], В. Г. Гака [4], Л. К. Латышева [7], Ю. Найды, К. Табера [8].

В качестве методов исследования были использованы: корпусный анализ (при работе с метрикой всех текстов), статистический метод (при выполнении необходимых подсчётов), метод обобщения (при формулировании выводов) и сравнительно-сопоставительный метод (при поиске сходств и различий в применении методики для обеих языковых пар).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения методики оценки метрической эквивалентности для поэтических текстов с целью изучения их соответствия оригиналам. Полученные сведения могут послужить для дальнейших переводоведческих изысканий, а также составления учебно-методической и хрестоматийной литературы. Также разработанная методика и её

результаты могут быть использованы на занятиях по теории перевода и переводоведению на лингвистических факультетах университетов.

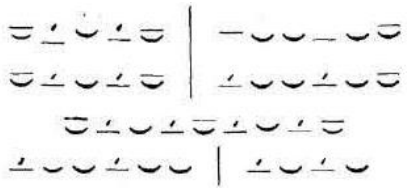
Авторская методика измерения метрической эквивалентности поэтического текста представляет собой систему вычислений на основе нескольких параметров. Гипотетически предполагалось, что в рамках оценки метрической эквивалентности анализируется один параметр – метр, однако при более подробном и детальном изучении ИТ и всех ПТ и при всех обнаруженных различиях оценка была сведена автором к трём основным параметрам, по которым системы стихосложения ИЯ и ПЯ сходны:

1) число строк (линеарность);
2) количество слогов в строке;
3) количество сильных слогов.

Каждый параметр является значимой частью системы оценки, однако высокое значение одного наряду с низкими значениями других двух всё ещё не может говорить даже о средней степени эквивалентности ПТ оригиналу. Например, отметим частую ситуацию в процессе оценки по параметру линеарности: длинные античные строки в переводах разбивают пополам по цезуре, образуя две строки, в результате ПТ будто имеет в два раза больше строк, чем ИТ – при оценке эквивалентности такие случаи стоит игнорировать, если сохранён метр, но строки разделены на двустишия. В любом случае наиболее точными для оценки метрической эквивалентности представляются слоговые параметры, чтобы, если число слогов значительно разнится, можно было отделить более близкие метрически тексты от неточных. Если переводчик близок по количеству слогов, значит, он постарался приблизительно сохранить объем текста, его динамику и ритмику, которые являются неотъемлемыми характеристиками поэтических произведений.

Вычисление коэффициента эквивалентности производится по трем вышеупомянутым параметрам и последующем подсчёте среднего арифметического их значений. На основе данных о количестве слогов в строках складывается общее количество слогов в тексте (за исключением случаев, когда количество слогов в строках отличается – в этом случае они подсчитываются построчно). Так же складывается и количество сильных слогов в тексте. Таким образом, у нас имеется три числа: число строк, общее число слогов в тексте, общее число сильных слогов в тексте. Значения оригинала принимаются за 100%, любые отклонения от оригинала уменьшают процентиль. Так, каждый ПТ имеет свои три значения, и на их основании выводится среднее арифметическое. Когда все тексты получают коэффициент метрической эквивалентности, мы составляем их рейтинг по убыванию. На основе коэффициентов все тексты группируются по степени метрической эквивалентности.

С точки зрения композиции стихотворение Ad Thaliarchum представляет собой шестистрофное произведение, каждая строфа которого состоит из четырех стихов, соответственно, всего в стихотворении 24 стиха (строки). Размер стихотворения – алкеева строфа.



Источник: Составлено автором на основании статьи М. Л. Гаспарова [9, с. 496]

Рисунок 1 – Схема алкеевой строфы

Как видно из схемы, в первом стихе одиннадцать слогов, во втором также одиннадцать, в третьем – девять и в четвертом – десять. Долготой обозначены сильные слоги (в русском им будут эквивалентны ударные слоги). В каждом стихе по четыре сильных слога, следовательно, во всем стихотворении 96 сильных слогов. Количество

слогов от строфы к строфе не меняется. Таким образом, во всем стихотворении 246 слогов. Именно эти параметры были приняты за 100%-ные, и показатели каждого ПТ сравнивались с ними.

На основе полученных результатов подсчёта ПТ стихотворения Ad Thaliarchum было сформировано пять групп (см. Таблицу 1). Тексты в третьей колонке расположены по убыванию коэффициентов в рамках группы.

Таблица 1 – Метрическая эквивалентность русских переводов стихотворения Ad Thaliarchum

Группа	Коэф-т	Тексты
Полностью эквивалентные тексты	100%	(9) З. Гиппиус (1908), А. Рогович (1915), А. П. Семёнов-Тян-Шанский (1916), Ю. Верховский (1948), М. К. Павлова (1986), Г. М. Север (2014), Ф. С. Корандей (2021), Т. Азаркович, В. В. Глусский
Высокоэквивалентные тексты	90 -99%	(18) В. П. Титов (1821, 1824), Д. Литвинов (2008), А. Д. Кантемир (1739), В. К. Кальян (1914), С. Л. Егоров (2018), А. П. Мерзляков (1826), Н. И. Шатерников (1935), М. Гофман (1910), С. В. Шервинский (1970), В. С. Филимонов (1858), Е. П. Люценко (1799), В. И. Орлов (1824), Н. Ф. Гарелин (1890), В. Л. Пушкин (1804), А. М. Пупышев (2010), А. Ю. Кокотов (2016), Н. С. Гинцбург (1910)
Умеренно эквивалентные тексты	80 -89%	(6) А. А. Фет (1856), П. Ф. Порфиров (1902), И. П. Крешев (1844, 1857), В. Вердеревский (1817), неизв. автор (1806)
Слабоэквивалентные тексты	60 -79%	(6) В. В. Капнист (1806), С. А. Тучков (1816), М. В. Милонов (1811), неизв. автор (1915), М. Н. Муравьёв (1776), М. Лущенко
Незначительно эквивалентные тексты	Менее 60%	(3) неизв. автор (1964), неизв. автор (2009), А. Родзянка (1816)

Источник: Составлено автором на основании проведённых подсчётов по описанному выше принципу

Особо стоит отметить тексты, коэффициент которых 100% – это тексты, которые метрически максимально приближены к ИТ, то есть алкеева строфа передана в них средствами русской системы стихосложения с соблюдением как общего количества слогов, так и количества и позиции сильных слогов.

Группой с преобладающим количеством текстов является группа высокоэквивалентных текстов – это такие ПТ, метрическая эквивалентность которых приближена к оригинальной, но не соблюдается количество слогов в строке (схема 11/11/9/10) или не совпадает число сильных слогов, хотя тонически текст звучит не менее динамично, чем оригинал. Особо в этом отношении можно отметить оба текста В. П. Титова (1821 г. и 1824 г.) и текст В. С. Филимонова (1858 г.).

Группы умеренно эквивалентных и слабоэквивалентных текстов насчитывают по шесть переводов. Метрическая эквивалентность этих текстов значительно ниже двух предыдущих групп, но их ритмический рисунок гораздо сложнее в художественном смысле. Например, стихотворение М. Лущенко кажется метрически организованным, но на самом деле оно организовано лишь строфически, а ритмом не обладает, отчего его построчная слоговая запись выглядит хаотично: (8+11+14+14) + (10+10+10+11) + (11+13+13+8) + (15+11+12+9) + (11+10+13+8) + (12+6+10+14).

Наконец незначительно метрически эквивалентные ПТ выглядят как метрический эксперимент. Во-первых, среди них два перевода, которые по количеству строк в два раза короче оригинала (стихотворения неизвестных авторов 1964 и 2009 г.), что, конечно, влияет и на общее количество слогов, и на количество сильных слогов. Помимо этого, они написаны в рамках русской силлаботонической системы стихосложения и обладают привычными нашему слуху размерами. Во-вторых, в эту группу входит и самый длинный текст, который по количеству строк превышает оригинал более чем в два раза. Это текст А. Родзянки (1816 г.), который содержит и самое большое количество слогов – 476. При этом содержательно он ничуть не уступает другим текстам.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство переводчиков склоняется по крайней мере к высокоэквивалентной передаче латинского метра в своих ПТ, стремясь передать размер и отказываясь при этом от рифмы. Это вовлекает читателя в литературный древнеримский дискурс. Однако имеет место и эксперимент над ритмом стихотворения, что снижает эквивалентность ПТ, но повышает удобовосприятие текста читателем.

Говоря о метрической эквивалентности переводов «Тигра», мы должны упомянуть не только ритмико-просодические параметры, но и важные средства выразительности, составляющие композицию текста. Метрический аспект в рамках нашей методики – это не просто ритм, метр и все, что с ними связано, но и другие формальные параметры, которые можно зафиксировать, добавив к метрическому аспекту необходимые подсчеты. Таким образом, помимо, числа строк, общего числа слогов и общего числа ударных слогов, рифмы и размера, будут учитываться такие важные для ИТ параметры, как:

кольцевая композиция – это первое, что бросается в глаза после прочтения: The Tyger начинается и заканчивается одной и той же строфой, что придает ИТ смысловую цельность. Во многих литературоведческих работах указывается, что кольцевая композиция – это часто главная мысль текста, постулируемая в начале и конце. Если применить это предположение к стихотворению У. Блейка, то мы можем отметить, что главные моменты идеи стихотворения действительно отражены в этой повторяющейся строфе: указана тема текста (в данном случае это тигр), есть риторический вопрос "What immortal hand or eye / Could frame thy fearful symmetry?" («Какая бессмертная рука или взор / Могли создать твою страшную симметрию?»), соотносимый с главным вопросом стихотворения – «кто твой Создатель?» Поскольку кольцевая композиция имеет влияние на структуру текста и даже – косвенно – на содержание, мы сочли важным учесть ее наличие. Не у всех переводчиков она была, в некоторых переводах при сохранении числа строк последняя строфа отличалась от первой, содержав то, что не уместилось в предыдущие четыре. Это можно отметить в текстах К. Бальмонта (1900 г.), одном из текстов Д. Смирнова-Садовского (1984 г.), М. Калинина (1996 г.); И. Долголикова (2006), К. С. Фарая, автора с никнеймом SN (2015 г.) и др. В большинстве текстов этот элемент был;

лексические повторы: *Tyger*, *Tyger* («тигр»); *dread… dread* («страх»); *dare… dare* («осмелился»); *what… what* («что»); *hand… hand* («рука»); *heart… heart* («сердце»); *did he… did he* («Он ли…?»); *eye… eyes* («глаз»); *fire… fire* («огонь»); *made… make* («сотворил»). Мы не задавались целью считать наличие всех повторов и отмечали текст как формально соответствующий ИТ, если был хотя бы один повтор, но это связано с целью подсчета. Если формальный параметр важен, можно посчитать наличие/отсутствие их всех. Нас же больше интересует содержание, поэтому по метрическому аспекту мы ограничиваемся основными параметрами с небольшими дополнениями. Однако если в ПТ не было главного тематического повтора – *Тигр*, *Тигр* – мы считали, что критерий лексического повтора не соблюден, поскольку он самый важный. Таких текстов было немного: например, Т. Стамовой (1996 г.), И. Трояновского (2001), Т. Писаревой, К. Букши и др. Все-таки сочетание *Tyger*, *Tyger* («Тигр, Тигр») обычно без затруднений передавалось средствами русского языка;

риторические вопросы – измерялось так же, как и предыдущий критерий, по наличию. Однако этот параметр присутствовал во всех текстах без исключения, он является самым структурным, поскольку это синтаксический прием и на нем строится ИТ, без него текст теряет свою монологичность и выразительность;

вопросительная конструкция с «агнцем» – конструкция могла содержать и косвенный вопрос, важно наличие сравнения с тигром. Отсутствовало в недооформленных ПТ, как у автора с никнеймом SN (2015 г.), либо в текстах, где переводчик не хотел, например, нарушать форму и не вставлял этот образ из-за превышения объема стихотворения (И. Трояновский (2001 г.), М. Придворов, В. А. Грушка (2018 г.)).

Оценивались эти подпараметры следующим образом: каждому присваивалось 25%, если в тексте соблюдались все 4 подпараметра, общая сумма процентов по ним составляла 100%, и это подсчитывалось, как один параметр наряду с привычными нам тремя. Значение по этому параметру включалось в среднее арифметическое по всему метрико-композиционному аспекту. Самый низкий коэффициент по этой шкале был 50%, он получился у четырех текстов (И. Трояновский (2001 г.), М. Генералова, автор с никнеймом SN (2015 г.), автор с никнеймом DF (2016 г.)). Это значит, что два из подпараметров были оценены нулем процентов, то есть их передача в ПТ отсутствовала.

Основные параметры стихотворения The Tyger – наличие рифмы, метр – четырехстопный хорей, 6 строф, 24 строки. Слоговая система устроена следующим образом: 7/7/7/8+7/7/7/7+7/8/8/7+7/7/7/7+7/8/7/8+7/7/7/8. Количество слогов в строфах не совпадает, но попарно у некоторых строф оно одинаковое, в этом есть своя система – У. Блейк чередует звучание разных комбинаций мужских и женских клаузул. Передать такие комбинации в русском языке возможно. Общее количество слогов в стихотворении – 174, число всех сильных слогов – 96, так как в каждой строке четыре сильных слога.

Таблица 2 – Метрико-композиционная эквивалентность русских переводов стихотворения The Tyger

Группа	Коэф-т	Тексты
Полностью метрически эквивалентные тексты	100%	(0)
Высокоэквивалентные метрически тексты	90 -99%	(45) Д. Смирнов-Садовский (1973, 1979, 1980, 1984, 2001, 2010), В. Л. Топоров (1982), автор с никнеймом Ноумен (2006), Я. Пробштейн (2009), Н. А. Волошина , автор с никнеймом J. Lee , И. Савкин (2015), С. Степанов (1993), А. Кудрявицкий (1996), А. Шарымова (1999), автор с никнеймом Voffka , В. Краснянский (2006), А. Ферье (2006), В. Жмудь (2007), Ю. Юрченко (2008), М. Джумагазиев (2009), А. Шмалько , И. Розовский , С. Дацюк , А. Кузнецов , К. Букша , А. Круглов , Л. Гунин , Ю. Гвоздарь (2017), автор с никнеймом FL (2018), автор с никнеймом alsit25 , А. Дельфинов (2020), Л. Портер (2007), А. Яни , О. В. Коновалов, К. С. Фарай , Т. Стамова (1996), В. Блаженнов (2012), К. Бальмонт (1900), М. Калинин (1996), Т. Писарева , М. Придворов (год не уст.; 2010), В. А. Грушка (2018), И. А. Реморов (2022)
Умеренно эквивалентные метрически тексты	80 -89%	(4) С. Я. Маршак (1915, 1959), И. Долголиков (2006), И. Трояновский (2001)
Слабоэквивалентные метрически тексты	60 -79%	(3) М. Генералова , автор с никнеймом SN (2015), автор с никнеймом DF (2016)

Незначительно эквивалентные метрически тексты	Менее 60%	(0)

Источник: Составлено автором на основании проведённых подсчётов по описанному выше принципу

.

Результаты подсчета метрико-композиционной эквивалентности русских переводов стихотворения Блейка отличались от подобной сводки по стихотворению Ad Thaliarchum. Во-первых, не было ни одного текста с незначительной эквивалентностью. Казалось бы, это положительный результат, говорящий о том, что передать метр «Тигра» возможно. Но, во-вторых, текстов с максимальной эквивалентностью также нет. Получается, переводчики крайне приблизились к метру, но не передали его в точности. Самый высокий процент метрико-композиционной эквивалентности составлял 99,2% и наблюдался у семи текстов: Д. Смирнова-Садовского (1980 г.), В. Л. Топорова (1982 г.), автора с никнеймом Ноумен (2006 г.), Я. Пробштейна (2009 г.), Н. В. Волошиной, автора с никнеймом J. Lee, И. Савкина (2015). У этих переводчиков строфическая схема была такой: 8/8/7/7, что не соответствует ИТ. У других переводчиков также варьировалась именно цифра общего количества слогов, но никто не приблизился к комбинации У. Блейка.

Количество сильных слогов во всех ПТ было равно четырем, а число строк либо совпадало с оригиналом, либо повышалось. Исключением оказался только текст автора с никнеймом SN (2015 г.) – в нем 20 строк.

В группе умеренно эквивалентных метрически текстов всего четыре примера. В трех случаях это превышение количества строк, то есть увеличение с шести строф до семи, отчего меняются все остальные параметры. И в одном случае переводчик увеличил количество слогов в каждой строке до восьми, сделав каждую клаузулу женской.

Наконец, самые низкоэквивалентные метрически тексты имели отклонения по всем параметрам, а текст М. Генераловой был написан подобием дольника.

Таким образом, метрико-композиционная эквивалентность стихотворения The Tyger оказалась и самым простым параметром после древних текстов, поскольку ИТ имеет уже понятный современному читателю метр и ритм, и самым сложным, потому что, несмотря на простоту метра, ни один переводчик не смог передать его максимально эквивалентно.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, при разных системах стихосложения в языковой паре возможно достичь метрической эквивалентности. Для универсальности оценок следует использовать параметры, которые подходили бы к любой языковой паре. Для индоевропейских языков такими параметрами можно считать количество строк, слогов в целом и количество сильных слогов. В качестве дополнительных параметров оценки структуры текста могут быть приняты и иные выделяющиеся факторы, к примеру рифма и размер, или композиционные параметры, задающие тексту динамику и интонационность.

В качестве перспективы исследования стоит рассмотреть вопрос, учитывается ли функциональная эквивалентность, в рамках которой ИТ и ПТ имеют одну функцию [8]. Для системы стихосложения русского и английского языков наличие рифмы как элемента поэтической формы необходимо, в то время как в античной системе стихосложения рифма воспринималась как нечто чужеродное [10, с. 153]. С точки зрения концепции Ю. Найды, эквивалентным текст считается тогда, когда носитель русского языка демонстрирует те же реакции на ПТ, что и носитель ИЯ продемонстрировал бы на ИТ. Следовательно, если мы будем соблюдать отсутствие рифмы в переводах древних текстов, достигнутая эквивалентность будет формальной – современный русскоговорящий читатель не почувствует то же, что носитель латинского языка. То же можно сказать и о метре. Греческие и латинские метры возможно передать средствами современных языков, однако реакции носителей при этом могут не совпадать. Таким образом, параметры рифмы и размера для языковой пары «латинский – русский» недостаточно показательны в

рамках метрической эквивалентности, только для формального взгляда на текст. Таким образом, система оценки должна быть универсальной и гибкой, подстраиваемой и под язык, и под текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фёдоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: Высшая школа, 1953. 243 с.
2. Межова М. В. Проблема культурологической эквивалентности слова в переводе художественного текста // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. С. 78 -82.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода: Французский язык. СПб.: Интердиалект +, 2000. 456 с.
5. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность //Вопросы теории переиода в зарубежной лингвистике. М. 1978. С. 137 -156.
6. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
7. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
8. Nida E. A., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E. J. Brill, 1969.
9. Гаспаров М. Л. АЛКЕЕВА СТРОФА // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М.: 2005, с. 496.
10. Кисилиер М. Л. Рифма и греки. Заметки переводчика // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2007. Т. XI. С. 153 -158.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 37.022

ОБУЧЕНИЕ ВОЕННЫМ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ерженинова Снежана Васильевна
Преподаватель Военная академия связи Россия, г. Санкт-Петербург
Author ID: 1242935
ORCID: 0009-0005-5065-6774

Толоконникова Ольга Александровна
Преподаватель Военная академия связи Россия,
г. Санкт-Петербург

В статье обосновывается и описывается методическая система обучения русской военной фразеологии иностранных военнослужащих. На основе компетентностного и лингвокультурологического подходов предложен алгоритм освоения фразеологических единиц, включающий поэтапную работу с использованием мультимодальной наглядности (визуальной, аудиовизуальной, текстовой). Представленная методика охватывает путь от первичной семантизации фразеологизма до его продуктивного использования в профессиональной коммуникации и включает критерии оценки сформированности навыков на рецептивном, репродуктивном и продуктивном уровнях. Практическая значимость исследования заключается в возможности интеграции его результатов в образовательные программы военных вузов и систему повышения квалификации преподавателей РКИ.

Ключевые слова: *военная фразеология, русский язык как иностранный, методика преподавания, лингвокультурология, компетентностный подход, иностранные военнослужащие.*

TEACHING MILITARY PHRASEOLOGISMS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Yerzheninova Snezhana Vasilyevna
Teacher, Military Academy of Communications,
Russia, Saint-Petersburg

Tolokonnikova Olga Alexandrovna
Teacher, Military Academy of Communications
Russia, Saint-Petersburg

The article proposes and substantiates a methodological framework for teaching Russian military phraseology to foreign military personnel. Grounded in competence-

based and linguacultural approaches, the proposed algorithm for mastering phraseological units involves a phased process using multimodal materials (visual, audiovisual, and textual). The methodology covers the entire learning path, from the initial semantization of a phraseologism to its productive use in professional communication. It also includes criteria for assessing skill proficiency at the receptive, reproductive, and productive levels. The practical significance of the study lies in the potential to integrate its findings into the curricula of military academies and professional development programs for RFL (Russian as a Foreign Language) instructors.

Keywords: military phraseology, Russian as a Foreign Language (RFL), teaching methodology, linguaculturology, competence-based approach, foreign military personnel.

*****

Расширение международного военного сотрудничества и увеличение числа иностранных курсантов в российских военных вузах актуализируют вопросы эффективного освоения специализированной лексики и фразеологии военной сферы.

Иностранные военнослужащие нуждаются не только в общих коммуникативных навыках, но и в специфических языковых компетенциях, необходимых для профессиональной деятельности [13]. Военная фразеология представляет особый пласт русского языка, который несет в себе культурно-исторические коды и требует специальных методических подходов для успешного усвоения в иностранной аудитории.

Проблема исследования заключается в отсутствии целостной, научно обоснованной методической системы обучения военной фразеологии, учитывающей ее лингвокультурную специфику и профессиональную направленность. Существующие методики часто фокусируются на семантизации фразеологических единиц (ФЕ) на уровне словарного толкования, оставляя без внимания их культурный и прагматический потенциал [2]. В частности, неразличение денотативного и коннотативного значения военных фразеологизмов, непонимание заложенных в них культурных кодов и ценностных установок (героизм, самопожертвование, верность долгу) может приводить не только к коммуникативным сбоям, но и к неполному освоению военно-профессиональной культуры, что является недопустимым в процессе подготовки иностранных военных специалистов. Данный факт требует от преподавателя разработки такой методики, которая способствовала бы комплексному освоению семантики, структуры и прагматики военных фразеологизмов русского языка.

Цель исследования: разработать и теоретически обосновать методическую систему обучения военной фразеологии иностранных военнослужащих на основе интеграции компетентностного и лингвокультурологического подходов с использованием мультимодальной наглядности.

Методологический аппарат исследования включает методы лингвистического, лингводидактического и педагогического анализа. В работе применялись метод описательного анализа для систематизации фразеологического материала военной тематики, компонентный анализ для выявления семантической структуры военных фразеологизмов, сопоставительный метод для установления межъязыковых соответствий фразеологических единиц, метод педагогического моделирования для создания методической системы обучения.

Теоретические основы исследования военной фразеологии в лингводидактике РКИ опираются на классическую триаду В.В. Виноградова, выделившего фразеологические сращения, единства и сочетания [4], дополненную Н.М. Шанским четвертым типом – фразеологическими выражениями [14]. Лингвокультурологическая концепция В.Н. Телии, рассматривающая фразеологизмы как «знаки-микротексты» культуры, революционизировала понимание

фразеологических единиц через интеграцию денотативного и культурно-коннотативного аспектов значения [11]. Данный подход релевантен и для военной фразеологии, поскольку военные фразеологизмы являются носителями исторической памяти и отражают национальную специфику военной культуры России. Исследования А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского интегрируют когнитивные методы анализа фразеологии, что открывает новые возможности для понимания механизмов фразеологической номинации в военной сфере [1].

Компетентностный подход к обучению военной фразеологии базируется на концепции коммуникативной компетенции, разработанной в современной методике РКИ [15]. Согласно исследованиям в области лингводидактики, коммуникативная компетенция включает лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную и социокультурную субкомпетенции [5]; [9]. Для военной фразеологии особое значение приобретает предметная субкомпетенция, связанная с профессиональной деятельностью и включающая владение военной терминологией и фразеологией как инструментами профессиональной коммуникации. Лингвострановедческая концепция Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, основанная на анализе культурно-маркированных компонентов лексического значения (семантических долей) и системы фоновых знаний [3], заложила теоретические основы изучения языковых единиц с национально-культурной спецификой, что важно для понимания военных фразеологизмов, многие из которых связаны с историческими событиями и культурными реалиями российской военной истории.

В рамках настоящего исследования военная фразеология определяется как корпус фразеологических единиц, объединенных тематической принадлежностью к военной сфере и характеризующихся высокой культурно-исторической нагрузкой, семантикой переносного употребления и активным функционированием в различных типах дискурса – от профессионального военного до публицистического и разговорного. К военной фразеологии относятся устойчивые выражения, содержащие компоненты военной семантики (названия оружия, военных действий, воинских званий и подразделений) и отражающие различные аспекты военной деятельности от конкретных боевых действий до абстрактных понятий военного искусства и воинской этики.

Лингвокультурологическая компетенция в контексте обучения военной фразеологии определяется как способность учащихся адекватно понимать и интерпретировать культурно-историческую информацию, закодированную в военных фразеологизмах, соотносить языковые единицы с фоновыми знаниями о военной истории России, декодировать патриотические и героические смыслы, заложенные во фразеологических образах, и использовать фразеологические средства для выражения военно-профессиональных концептов и ценностных установок в соответствии с нормами русской военной культуры.

Фразеологизмы представляют собой целостное, семантически неделимое единство, как правило, их значение выражается одним словом [12, с. 104]: *подставлять лоб под пулю* – рисковать; *как из пушки* – точно, в срок; *единым фронтом* – дружно, сплоченно, активно; *принимать в штыки* – враждебно; или цельным описательным выражением: *ковать оружие* – готовиться к войне;) *на два фронта* – одновременно в двух разных направлениях; *взяться за оружие* – начать вооруженную борьбу; *в воздухе пахнет порохом* – близится, назревает война.

Постоянство состава, непроницаемость структуры также являются особенностями фразеологизмов. В их состав не принято включать дополнительные элементы, в отличие от свободных словосочетаний, которые образуются в процессе речевой деятельности. Зная фразеологизм *брать на вооружение*, мы не можем сказать *брать на полное вооружение*, *брать на вооружение страны*, фразеологизм *брать в руки оружие* невозможно дополнить следующим образом: *брать в руки холодное оружие, брать в руки тяжелое оружие*, в этом случае смысловое единство будет потеряно. Исключение составляют фразеологизмы, допускающие использование уточняющих слов: *громко бряцать оружием, вырвать оружие из вражеских рук*.

В процессе овладения фразеологизмами важно, чтобы преподаватель уделял внимание ключевым моментам, которые облегчали бы их понимание, в дальнейшем способствовали грамотному использованию в речи. Необходимо комментировать и отрабатывать 1) форму; 2) прототип; 3) образ; 4) семантику; 5) ситуацию употребления.

С позиции формы традиционно принято выделять следующие типы:

фразеологизмы глагольного типа: *рубить с плеча, бряцать оружием, складывать оружие, ковать оружие;*

фразеологизмы субстантивного типа: *единым фронтом, боевое крещение, на два фронта, Пиррова победа, пушечное мясо, бог войны, холодная война;*

фразеологизмы сравнительного типа: *как из пушки.*

Каждый фразеологизм обладает генетическим прототипом. Генетический прототип – это свободное словосочетание с прямым значением, которое существовало и продолжает существовать в языке [8, с. 199]. Большое количество фразеологизмов русского языка имеет «прозрачный» прототип, который знаком и понятен носителям: *из пушки не прошибешь* – ничем не убедишь, никакими доводами не воздействуешь на человека; *вооруженный с ног до головы* – хорошо вооруженный человек, имеющий все виды оружия; *вырвать из рук оружие* – лишить противника власти, силы, преимущества, сделать его слабым. На занятиях РКИ преподавателю важно грамотно объяснить не только прототип фразеологизма, но и его современную семантику, ситуации употребления, языковую функцию. Фразеологизмы, не воспроизводящие прототип, целесообразнее изучать на продвинутом этапе.

Образ фразеологизма будет считаться универсальным, когда он понятен носителям разных языков, как, например фразеологизм *холодная война*, означающий враждебную политическую деятельность, войну без применения оружия. Его возникновение связывают с выступлением Бернарда Баруха 16 апреля 1947 года. Данный фразеологизм присутствует во многих европейских языках: *cold war* (в английском языке), *Guerra Fria* (в испанском языке), *Guerra froide* (во французском языке), *Kalter Krieg* (в немецком языке), *Gerra fredda* (в итальянском языке), *Хладни рат* (в сербском языке).

Однако большинство фразеологизмов обладает национальным происхождением, а значит отражает историю, быт, культуру конкретного народа, что особенно актуально в условиях современных языковых и культурных процессов [10]: *боевое крещение, бряцать оружием, рубить с плеча, ковать оружие, нашего полку прибыло, пушечное мясо*. Преподавателю в процессе объяснения данных фразеологизмов требуется четкость в толковании, чтобы создать у обучающихся правильный образ.

Примером национально-специфического образного восприятия может быть русский фразеологизм *боевое крещение*. В европейских языках мы можем отметить его семантические аналоги, имеющие небольшие образные различия. В английском языке – *baptism of fire/baptism by fire* (крещение огнем), похожие варианты мы встречаем во французском *(baptem du feu)*, испанском *(bautismo de fuego)* и итальянском *(battesimo del fuoco)* языках. Фразеологизм *рубить с плеча* в английском языке приобретает значение *shoot from the hip* (стрелять от бедра), во французском *trancher net* (резать сетку – поступать опрометчиво, не задумываясь о последствиях).

Семантика фразеологизма создается единством всех его элементов. *Класть/складывать оружие* – сдаваться, признавать поражение. Слова «класть/складывать», «оружие» используются самостоятельно в русском языке, однако их сочетание приобретает новое значение. Национально-специфичная семантика может отражаться одним из компонентов. *Поднимать на штыки* – закалывать, убивать противника в бою. Глагол «поднимать» во фразеологизме употребляется в переносном значении, слово «штык» обозначает холодное колющее оружие, которое начали использовать в бою с начала 17 века.

Наибольшие трудности у студентов, изучающих русский язык как иностранный, вызывает включение фразеологизмов в речь, именно поэтому важно и необходимо формировать у них способность включать фразеологизмы в речевую деятельность на основе речевых моделей [6]; [7].

Фразеологизмы глагольного типа могут употребляться в речи с изменениями формы глагола (лица, числа, времени, вида): *он каждое замечание встречает (встречал) в штыки; столкнувшись с трудностями враждующие стороны складывают оружие (сложили)*.

Фразеологизмы, которые характеризуют предмет или человека, употребляются в речевых моделях субстантивного типа, выполняют предикативную функцию (кто+ был/считался/являлся + кем или кто + это кто): *он всегда был (являлся, считался) для них пушечным мясом; они – это пушечное мясо на поле боя*.

Фразеологизмы, носящие обобщающий характер, употребляются в функции предиката в речевых моделях: *она не слышала ни свой, ни мой будильник – хоть из пушки пали; эти страны запретили импорт товаров, ввели ряд ограничений – это настоящая холодная война*.

Фразеологизмы, которые характеризуют человека, чье состояние не удовлетворяет окружающих, употребляются в качестве предиката в речевой модели: *его и из пушки не прошибешь (его никак не убедишь, не уговоришь); чтобы они не делали, война все спишет (необдуманные поступки и промахи будут им прощены)*.

Грамотное овладение грамматической семантикой фразеологизмов, а также знание синтаксической системы языка, способствуют предотвращению речевых ошибок, упрощают использования их в повседневной жизни.

Работа с фразеологическими единицами требует структурированного методического подхода, учитывающего потребности иностранных обучающихся в области военного образования. Для демонстрации предлагаемой методики представляется целесообразным проанализировать поэтапный алгоритм освоения военного фразеологизма *до последней капли крови*.

Методический алгоритм изучения военного фразеологизма.

Этап 1. Презентация фразеологической единицы: *до последней капли крови*.

Этап 2. Лингвистический анализ компонентов.

Поскольку лексические единицы «последняя», «капля» и «кровь» входят в активный словарь обучающихся среднего уровня владения русским языком, семантизация данных компонентов не требуется, ограничиваясь верификацией понимания их денотативных значений.

Этап 3. Экспликация фразеологического значения.

Семантическое содержание фразеологизма эксплицируется через систему синонимичных выражений: *полностью, несмотря на любые трудности и опасности, всеми силами, до конца жизни, до смерти, с максимальной самоотдачей, до последнего вздоха, не щадя живота, не щадя своих сил и жизни, пока бьется сердце, до последнего дыхания*.

Этап 4. Определение прагматических условий употребления.

Фразеологическая единица функционирует в контекстах, где субъект выражает готовность к предельной самоотдаче в процессе защитной или наступательной деятельности. Типичные глагольные коллокации включают: *бороться / сражаться / биться / защищать / отстаивать / стоять / оборонять* + объект действия + *до последней капли крови*. Указанные глаголы выражают значение максимальной решимости и непреклонности в достижении поставленных целей.

Этап 5. Реализация принципа наглядности в обучении.

Применение мультимодальной наглядности позволяет не только семантизировать ФЕ, но и сформировать у обучающихся ее целостный образ, раскрывая как денотативный, так и культурно-коннотативный компоненты значения. Одним из эффективных средств является использование советских военных плакатов. Так, плакат «Боец, оказавшийся в окружении, борись до последней капли крови» (1941 г.) (рис. 1) своим визуальным рядом активизирует денотативный аспект значения, связанный с прямым действием «сражаться». Однако главную роль здесь

играет культурно-коннотативный компонент, который раскрывается через исторический контекст (начало Великой Отечественной войны) и сам лозунг. Контекст наполняет фразу смыслами героизма и самопожертвования, формируя у студентов элементы лингвокультурной компетенции.

Рисунок 1 – «Боец, оказавшийся в окружении, борись до последней капли крови». Художник Анатолий Дионисович Кокош

Практическая реализация принципа наглядности при изучении фразеологизма *до последней капли крови* предполагает структурированную работу с аутентичными визуальными материалами. Методическая последовательность включает следующие этапы:

Этап 1: презентация визуального материала.

Демонстрация советского военного плаката с последующей фокусировкой внимания обучающихся на ключевых элементах изображения, отражающих батальную тематику и героическую семантику.

Этап 2: интерпретация прагматического содержания.

Экспликация коммуникативной направленности плаката как призыва к проявлению максимальной стойкости и самоотверженности в экстремальных условиях военного противостояния. Данный этап способствует формированию понимания связи между визуальным образом и концептуальным содержанием фразеологической единицы.

Этап 3: установление семантических корреляций.

Коллективная аналитическая деятельность преподавателя и обучающихся, направленная на выявление соответствий между визуальными элементами плаката и переносным значением изучаемого фразеологизма. Формируются ассоциативные связи между образным содержанием и фразеологической семантикой концептов *стоять насмерть / до последней капли крови*.

Этап 4: историко-культурная контекстуализация.

Введение фоновой информации о временных координатах создания плаката (период Великой Отечественной войны, 1941 год) с целью формирования адекватного понимания культурно-исторической значимости и прагматической нагрузки фразеологической единицы.

Этап 5: продуктивная речевая деятельность.

Организация дискурсивной практики обучающихся через описание визуального содержания плаката и аналитическое обоснование связи между изобразительными элементами и семантической структурой фразеологизма.

Таким образом, плакат помогает наглядно показать, что означает *бороться до последней капли крови* и зачем этот настрой был важен для солдат.

Эффективность изучения военных фразеологизмов повышается при использовании кинематографических материалов. Рассмотрим методику работы с фразеологизмом *до последней капли крови* на примере фильма «Офицеры» (СССР, 1971) (рис. 2).

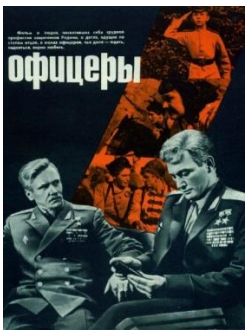


Рисунок 2 – Фильм «Офицеры»

Этап 1: презентация материала.

Преподаватель знакомит обучающихся с содержанием фильма, представляющего историю советских офицеров, демонстрирующих преданность Родине и готовность к самопожертвованию.

Этап 2: анализ ключевых сцен. Демонстрируются отобранные фрагменты (14:25-22:05; 50:13-53:01; 01:02:02-1:16:00), в которых персонажи проявляют героизм, стойкость и самоотверженность в критических ситуациях.

Этап 3: связь с фразеологизмом.

Устанавливается соответствие между поведением героев и значением изучаемого выражения. Фразеологизм *до последней капли крови* означает готовность бороться до конца, проявлять максимальную решимость и отдавать все силы ради достижения цели.

Схожий подход может применяться при работе с фильмами «Битва за Москву» (1985) и «Белое солнце пустыни» (1970), которые также содержат примеры героического поведения, соответствующего семантике изучаемого фразеологизма.

Использование аудиовизуальной наглядности позволяет увидеть ФЕ в динамичном и эмоционально насыщенном контексте, что способствует более глубокому освоению прагматического компонента фразеологизма – правил его уместного употребления.

Помимо аудиовизуальных материалов, богатейшим источником для изучения военных фразеологизмов служит русская художественная литература. Примеры можно найти у классиков:

– «Отцы и дети», И. С. Тургенев, 1862 год: «Не за бабенок, а за права женщин, которые я поклялась *защищать до последней капли крови*».

– «Поединок», А. И. Куприн, 1905 год: «Господа, я предлагаю выпить тост за здоровье нашего любимого, нашего обожаемого монарха, за которого каждый из нас готов *пролить свою кровь до последней капли крови*!».

– «Хаджи-Мурат», Л. Н. Толстой, 1904 год: «Отдаюсь под высокое покровительство великого царя и ваше. Обещаюсь верно, *до последней капли крови служить* белому царю и надеюсь быть полезным в войне с Шамилем, врагом моим и вашим».

– «Рассказ неизвестного человека», А. П. Чехов, 1893 год: «Это был карьерист не до мозга костей, а глубже, *до последней капли крови*, и притом карьерист мелкий, не уверенный в себе, строивший свою карьеру на одних лишь подачках».

У многих писателей, которые посвятили свои книге войне и подвигу, есть образы и фразы о «борьбе до последней капли крови», «до последнего вздоха», хотя точное выражение может варьироваться. Такой подход помогает иностранным слушателям освоить фразеологизм не только теоретическим путем, но и практическим.

Критерии оценки сформированности навыков употребления военной фразеологии включают рецептивный, репродуктивный и продуктивный уровни владения фразеологическим материалом. Рецептивные навыки оцениваются через способность правильно понимать значение военных фразеологизмов в контексте, устанавливать соответствия между фразеологизмами и их толкованиями, различать

прямое и переносное употребление военной лексики. Репродуктивные навыки проверяются через умение корректно воспроизводить фразеологизмы в заданных коммуникативных ситуациях, заменять описательные конструкции фразеологическими эквивалентами, правильно использовать грамматические формы фразеологических единиц. Продуктивные навыки оцениваются через способность самостоятельно и уместно употреблять военную фразеологию в устной и письменной речи, создавать развернутые высказывания военно-профессиональной тематики с использованием изученных фразеологических средств, демонстрировать понимание культурно-исторического контекста военных фразеологизмов.

Таким образом, знание русских военных фразеологизмов является важным элементом в процессе обучения иностранных слушателей. Во-первых, фразеологизмы отражают историко-культурный контекст и военные традиции России, что способствует глубинному пониманию менталитета и ценностных установок российских военнослужащих. Во-вторых, владение данными языковыми оборотами обеспечивает эффективную коммуникацию и взаимопонимание между иностранными и российскими студентами.

Кроме того, освоение военных фразеологизмов способствует повышению общего уровня языковой компетенции, делая речь иностранного слушателя более естественной. Фразеологизмы также широко представлены в военной литературе, официальных документах, инструкциях, фильмах, поэтому их понимание является неотъемлемой частью профессиональной подготовки. Использование устойчивых сочетаний способствует формированию у иностранцев дисциплинированного и мотивированного отношения, поскольку многие фразеологизмы несут в себе стилистические и эмоциональные компоненты, поддерживающие боевой дух военнослужащих.

Интеграция компетентностного и лингвокультурологического подходов в обучении военной фразеологии обеспечивает формирование не только языковых навыков, но и культурной компетенции иностранных военнослужащих. Военная фразеология выступает эффективным средством патриотического воспитания, формирования уважения к военным традициям России и развития межкультурной толерантности в многонациональной военной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва: Знак, 2008. – 656 с.
2. Веретенников А. А. О методических проблемах обучения фразеологии иностранных языков: [монография] / А. А. Веретенников. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 184 с.
3. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Русский язык, 1983. – 269 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: [учеб. пособие] / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – Москва: Высшая школа, 1986. – 640 с.
5. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
6. Зуева Т. А. Работа над усвоением фразеологизмов на занятиях РКИ в вузе / Т. А. Зуева // Лингвокультурология. – 2018. – № 12. – С. 45-52.
7. Краснюк И. Н. Преподавание фразеологии на уроках РКИ в вузе: сборник трудов конференции. // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы VI Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 19 февр. 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.] – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. – С. 93-95.

8. Крючкова Л. С. Обучение иностранных учащихся русской фразеологии / Л. С. Крючкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7, ч. 2. – С. 199-201.

9. Мазаева Т.В. Специфика преподавания английского языка иностранным студентам в российском вузе / Т. В. Мазаева, Л. В. Базарова, Э. Н. Гилязева, Д. Д. Хайруллина // Глобальный научный потенциал. – 2023. – № 12-2(153). – С. 72-74.

10. Матвеева Т. Н. Динамика языковых и культурных процессов в современной России / Т. Н. Матвеева // XXXV Международная филологическая конференция, 13-18 марта 2006 г. Вып. 16. Сопоставительное изучение фразеологии и паремиологии. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2006. – С. 24-29.

11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

12. Хазова Т. С. Сопоставительное исследование фразеологических систем русского и немецкого языков / Т. С. Хазова // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. – 2009. – № 2. – С. 104-108.

13. Чжан И. Развитие навыков межкультурной коммуникации / И. Чжан // Начала Русского мира. – 2024. – № 3. – С. 41-45.

14. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: [учеб. пособие] / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1985. – 160с.

15. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: [учеб. пособие] / А. Н. Щукин. – Москва: Флинта: Наука, 2016. – 512 с.

УДК 811.111

ФРАЗЕОЛОГИЯ РАДИООБМЕНА КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

Глазырина Елена Сергеевна
Доцент кафедры, кандидат педагогических наук, доцент,
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил,
Военно-воздушная академия» в г. Челябинске, Российская Федерация
SPIN-код: 5925-6888

Брагина Оксана Александровна
Заведующая кафедрой, кандидат филологических наук, доцент,
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил,
Военно-воздушная академия» в г. Челябинске, Российская Федерация
SPIN-код: 9548-5088

Статья посвящена исследованию когнитивно-дискурсивных основ функционирования фразеологических единиц в авиационном радиообмене. Цель работы заключается в выявлении концептуальных структур и дискурсивных функций профессиональной фразеологии в условиях институционального общения. Теоретической базой служат положения когнитивной лингвистики и теории дискурса. В результате анализа выявлены четыре базовых концепта, лежащих в основе организации исследуемой фразеологической системы: «Движение /навигация», «Разрешение /контроль», «Коммуникация /связь», «Безопасность /экстренность». Установлены четыре коммуникативные функции фразеологических единиц, отражающие специфику профессионального взаимодействия пилотов и диспетчеров. Описана модель когнитивно-дискурсивной обусловленности выбора языковых средств в радиообмене. Результаты исследования могут быть использованы в методике преподавания авиационного английского языка и дальнейшем изучении профессиональных дискурсов.

Ключевые слова: фразеология радиообмена, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, авиационный дискурс, профессиональная коммуникация, концепт, институциональное общение, радиообмен, английский язык для специальных целей.

PHRASEOLOGY OF RADIO EXCHANGE AS A MEANS OF PROFESSIONAL COMMUNICATION FROM A COGNITIVE-DISCURSIVE PERSPECTIVE

Elena Sergeevna Glazyrina
Associate Professor, PhD in Pedagogy, Associate professor
the Military Educational and Scientific Centre of the Air Force “Air Force Academy” (the brunch in Chelyabinsk), Russia

Oksana Alexandrovna Bragina
Head of the Chair, PhD in Philology, Associate professor
the Military Educational and Scientific Centre of the Air Force “Air Force Academy” (the brunch in Chelyabinsk), Russia

The article is devoted to investigating the cognitive-discursive foundations of phraseological units functioning in aviation radio communication. The objective of the

study is to identify conceptual structures and discursive functions of professional phraseology in institutional communication settings. The theoretical foundation is based on the principles of cognitive linguistics and discourse theory. As a result of the analysis, four basic concepts underlying the organization of the investigated phraseological system have been identified: “Movement / Navigation”, “Permission / Control”, “Communication / Connection”, “Safety / Emergency”. Four communicative functions of phraseological units have been established, reflecting the specific nature of professional interaction between pilots and air traffic controllers. A model of cognitive-discursive conditioning of language choice in radio communication has been described. The research results can be used in methodology for teaching aviation English and further study of professional discourses.

Keywords: phraseology, cognitive linguistics, discourse analysis, aviation discourse, professional communication, concept, institutional communication, radio communication, English for specific purposes.

*****

Развитие международного авиасообщения в современных условиях актуализирует вопросы обеспечения эффективной коммуникации между участниками авиационного дискурса. Проблема коммуникации специалистов, вовлеченных в процесс организации воздушного движения, переросла в более обширную задачу изучения терминологического поля «Авиация», а также авиационного профессионального диалекта, который включает в себя широкий спектр лексики, связанной с разными областями: полетная деятельность, самолетостроение, техническое обслуживание воздушных судов, организация полетов, управление воздушным движением и т.д. Среди них язык авиационной радиотелефонной связи представляет один из наиболее важных лексических пластов [3, с. 161].

Современная авиационная отрасль характеризуется противоречивостью: стандартизация фразеологии радиообмена, направленная на обеспечение однозначности понимания, в практике реальной коммуникации может становиться источником затруднений, обусловленных различиями в когнитивной переработке информации представителями разных лингвокультур. Традиционные структурно-семантические подходы к изучению профессиональной фразеологии не всегда объясняют механизмы функционирования фразеологических единиц в условиях высоко регламентированного институционального дискурса.

Изучение когнитивных основ авиационной фразеологии актуально в связи с практической потребностью в научно обоснованных подходах к обучению авиационному английскому языку. Документы ICAO устанавливают стандарты владения авиационным английским языком, однако методологические основы формирования соответствующих компетенций требуют разработки с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода.

Степень разработанности проблемы характеризуется неравномерностью теоретических достижений. Российская фразеологическая традиция представлена фундаментальными работами В.В. Виноградова [1], заложившими основы классификации фразеологических единиц, и А.В. Кунина [8], развившего представления о структурно-семантических типах фразеологических единиц. Исследования Д.С. Лотте [9] внесли вклад в изучение терминологической фразеологии как особого класса языковых единиц.

В области когнитивной лингвистики важный вклад в разработку теоретических основ концептуализации внесли труды Е.С. Кубряковой [6; 7], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [11]. Дискурс-аналитические исследования представлены работами В.И. Карасика [5] по институциональному дискурсу.

Когнитивно-дискурсивный анализ авиационной фразеологии как целостной системы профессиональных языковых средств представляется недостаточно разработанным, что обусловливает актуальность данного исследования.

Статья посвящена выявлению и описанию когнитивно-дискурсивных механизмов функционирования фразеологических единиц в авиационном радиообмене. Объектом исследования выступают фразеологические единицы авиационного радиообмена, предметом – когнитивно-дискурсивные механизмы их функционирования.

Методологический аппарат основывается на применении метода сплошной выборки для систематического выявления фразеологических единиц, концептуального анализа для определения базовых концептов и принципов их структурной организации, функционального анализа для выявления дискурсивных функций в контексте институциональной коммуникации. Критерии выделения фразеологических единиц включали воспроизводимость, устойчивость, целостность номинации и профессиональную специфичность.

Эмпирической базой исследования выступает корпус авиационной фразеологии, сформированный на основе отбора из различных типов источников. Структура корпуса включает нормативные документы ICAO (Doc 9835 AN/453 – Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements) [13] и российские ФАП-362 «Порядок осуществления радиосвязи в воздушном пространстве Российской Федерации» [12].

Научная новизна исследования заключается в когнитивно-дискурсивном анализе авиационной фразеологии как целостной системы профессиональных языковых средств. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов при разработке методик обучения авиационному английскому языку.

Фразеологические единицы в системе языка традиционно рассматриваются как особый класс языковых образований, характеризующихся устойчивостью, воспроизводимостью и семантической целостностью. Особое внимание в концепции А.В. Кунина уделяется устойчивости как системообразующему признаку фразеологических единиц, включающему устойчивость употребления, структурно-семантическую устойчивость и лексическую устойчивость [8].

Профессиональная фразеология как особая подсистема языка обладает рядом специфических характеристик, отличающих ее от общеязыковой фразеологии: функциональной специализацией, более высокой степенью семантической точности, регламентированностью употребления и тесной связью с профессиональными концептуальными системами. Профессиональные фразеологические единицы выполняют функцию номинации специальных понятий и процедур, обеспечивая коммуникативную эффективность в рамках профессионального дискурса [2].

Терминологические фразеологические единицы в специальных дискурсах рассматриваются в работах Д.С. Лотте и С.В. Гринева [4; 9] как языковые средства, объединяющие функции терминов и фразеологизмов. Такие единицы характеризуются точностью номинации, системностью организации и стандартизированностью употребления. В авиационном дискурсе терминологические фразеологические единицы играют особую роль, поскольку обеспечивают однозначность профессионального общения в условиях повышенной ответственности за результаты коммуникативного взаимодействия.

Изучение фразеологических единиц авиационного радиообмена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы предполагает рассмотрение языковых явлений в единстве их ментальной и коммуникативной природы. Совмещение принципов этих двух подходов в исследовании процесса радиообмена представляется логичным, поскольку к коммуникативно-дискурсивной составляющей относятся позиции и роли пилота и диспетчера, а к когнитивной составляющей – знание, содержащееся в дискурсивном сообщении.

Основные положения когнитивной лингвистики включают представления о концептуализации как процессе формирования концептов на основе

познавательной деятельности, категоризации как способе структурирования знаний и языковой картине мира как результате взаимодействия языка и мышления. В работах Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой и И.А. Стернина разработан теоретический аппарат, позволяющий анализировать связи между языковыми структурами и структурами знания [7; 11]. Особое значение имеет положение Е.С. Кубряковой о том, что каждое языковое явление, которое мы называем когнитивным, находит свои истоки в речевом акте, а каждый коммуникативный акт имеет отношение к когнитивному процессу [7].

Принципы дискурс-анализа, разработанные в работах В.И. Карасика и М.Л. Макарова [5; 10], рассматривают дискурс как социальную практику, характеризующуюся институциональностью и интерактивностью. Дискурс выступает не как результат коммуникации, а как само речевое поведение, нацеленное на осуществление речевых намерений говорящего и их интерпретацию слушающими в конкретной речевой ситуации.

Вслед за Т. Ван Дейком, представляется целесообразным разделять дискурс на понятия дискурса в узком и широком смысле. Дискурс в широком смысле рассматривается как коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном контексте. Дискурс в узком смысле подразумевает текст или разговор и является письменным или речевым вербальным продуктом коммуникативного действия [14].

Радиообмен является определенным видом дискурса, представляющим собой передачу информации от пилота/диспетчера к диспетчеру/пилоту и характеризующимся конвенциональностью, регламентированностью, интенциональностью и целеустремлённостью.

Когнитивные механизмы организации фразеологии радиообмена отражают специфику концептуализации профессиональных знаний в области авиационной деятельности. Анализ фразеологических единиц позволил выявить базовые концептуальные структуры, лежащие в основе профессионального сознания участников дискурса радиообмена, и установить принципы их языковой репрезентации.

Проведенный анализ позволил выявить, что концептуальная структура профессиональных знаний в области авиационной коммуникации организуется вокруг четырех основных концептов. Представляется, что данные концепты отражают ключевые аспекты профессиональной деятельности и участвуют в формировании содержательных областей дискурса радиообмена.

Концепт «Движение / навигация» характеризуется наибольшей представленностью в корпусе исследуемого материала, что отражает центральное значение навигационных аспектов в профессиональной деятельности пилотов и диспетчеров. Ядерные реализации концепта представлены лексемами *taxi* (руление), *takeoff* (взлет), *approach* (заход на посадку), *turn* (поворот), *proceed* (следовать), которые обозначают основные типы движения воздушного судна в различных фазах полета. Внутренняя структура концепта включает субконцепты направленного движения, позиционирования и изменения траектории, что обеспечивает детализированную категоризацию навигационных операций. Фразеологические единицы *taxi via Alpha* (руление через точку Альфа), *turn left heading 090* (поворот влево на курс 090), *proceed direct* (следовать напрямую), *climb flight level 350* (набор высоты до эшелона 350), *descend and maintain* (снижение с выдерживанием высоты), *reduce speed* (уменьшить скорость), *maintain runway heading* (выдерживать курс взлетно-посадочной полосы), *fly runway track* (лететь по оси ВПП), *intercept localizer* (выйти на курсовой радиомаяк), *established on approach* (установлен на глиссаде) иллюстрируют специфику языковой репрезентации различных типов навигационных инструкций, характеризующихся высокой степенью точности и однозначности. Данные единицы охватывают вертикальные и горизонтальные параметры движения, скоростные режимы и процедуры захода на посадку.

Концепт «Разрешение / контроль» занимает второе место по представленности и отражает принцип организации авиационной деятельности, основанный на системе разрешений и контроля со стороны уполномоченных органов. Ядерные лексические реализации концепта включают: *cleared* (разрешается), *approved* (одобрено), *authorized* (авторизовано), *denied* (отказано), формирующие основу для образования фразеологических единиц различной структурной сложности. Типовая структура фразеологических единиц данного концепта может быть представлена в виде модели: [субъект власти] + [действие разрешения] + [объект] + [условия]. Примерами реализации данной модели служат *cleared for takeoff* (разрешение на взлет), *cleared to land* (разрешение на посадку), *contact approach approved* (одобрен заход с установлением визуального контакта), *cleared to taxi* (разрешение на руление), *startup approved* (запуск двигателей разрешен), *pushback approved* (отталкивание разрешено), *request denied* (запрос отклонен), *hold position* (оставаться на месте), *remain outside controlled airspace* (оставаться вне контролируемого воздушного пространства), *report ready for departure* (доложить о готовности к вылету). Данные фразеологические единицы демонстрируют различные типы разрешений в зависимости от фазы полета и характера выполняемых операций, охватывая весь спектр управленческих решений от предполетной подготовки до завершения полета.

Концепт «Коммуникация / связь» занимает третье место по количественной представленности, что свидетельствует о значимости коммуникативных аспектов в структуре профессиональных знаний. Ядерные реализации концепта включают: *contact* (связаться), *monitor* (прослушивать), *standby* (ожидать), *say again* (повторите), которые отражают различные модальности коммуникативного взаимодействия в рамках авиационного дискурса. Функциональная дифференциация фразеологических единиц данного концепта охватывает установление связи, поддержание контакта и передачу управления между различными службами. Примеры *contact tower* (связаться с башней), *monitor ground* (прослушивать наземную службу), *standby for clearance* (ожидать разрешение), *frequency change approved* (смена частоты разрешена), *radar contact* (радиолокационный контакт), *radio check* (проверка радиосвязи), *read back correct* (подтверждение правильно), *confirm runway in sight* (подтвердите видимость ВПП), *report final* (доложить о выходе на финальный заход), *call ready* (вызвать при готовности) демонстрируют специфику организации коммуникативных процедур, обеспечивающих координацию взаимодействия между множественными участниками авиационной системы. Данные фразеологические единицы регулируют все аспекты радиообмена от установления первичного контакта до подтверждения получения критически важной информации.

Концепт «Безопасность / экстренность» характеризуется наименьшей количественной представленностью, однако обладает высокой функциональной значимостью в контексте обеспечения безопасности полетов. Ядерные реализации концепта представлены лексемами *emergency* (аварийная ситуация), *priority* (приоритет), *immediate* (немедленно), *unable* (не могу), которые обозначают различные уровни критичности ситуаций и соответствующие им типы реагирования. Концептуальная структура характеризуется градацией критичности, включающей информирование, предупреждение и объявление экстренности. Фразеологические единицы *declare emergency* (объявляю аварийную ситуацию), *priority handling* (приоритетное обслуживание), *immediate turn* (немедленный поворот), *mayday mayday* (сигнал бедствия), *pan pan* (сигнал срочности), *traffic alert* (предупреждение о воздушном движении), *avoid action* (действия по уклонению), *break off approach* (прекратить заход), *go around* (уход на второй круг), *emergency descent* (экстренное снижение) отражают различные модальности реагирования на нештатные ситуации, требующие приоритетного внимания и незамедлительных действий.

Взаимосвязи между выявленными концептами характеризуются определенной иерархической организацией, в которой концепт «Разрешение / контроль» выступает как организующий принцип для реализации концептов

«Движение / навигация» и «Коммуникация / связь». Концепт «Безопасность / экстренность» функционирует как модификатор, определяющий приоритетность и срочность выполнения действий, репрезентируемых другими концептами. Данная концептуальная организация отражает институциональную структуру авиационной деятельности, основанную на принципах централизованного управления и приоритизации безопасности.

Речевой акт радиообмена может рассматриваться в двух перспективах: моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса и моделирование процессов восприятия, понимания (анализа) дискурса. Участниками речевого акта радиообмена являются пилот и диспетчер, выступающие как носители определенных, согласованных между собой ролей или функций. В процессе речевого взаимодействия участники могут меняться ролями и выступать как в роли адресата, так и адресанта. Основными отличительными чертами речевого акта в рамках радиообмена являются его конвенциональность, интенциональность и целеустремленность.

Конвенциональность речевого акта радиообмена определяется, во-первых, ограниченным набором стереотипных фраз, закрепленных в нормативных документах по ведению радиосвязи, которые имеют статус международных и являются облигаторными для использования участниками радиообмена; во-вторых, строгой регламентированностью использования фразеологии радиообмена на различных этапах полета. Иначе говоря, участники речевого акта радиообмена должны обладать общим фондом речевых компетенций, необходимых для осуществления речевого акта радиообмена. Именно конвенциональная особенность дискурса радиообмена обуславливает его выделение в отдельный тип.

Интенциональность радиообмена предопределяется наличием двух противопоставленных ролей – адресата и адресанта, обладающих определенными однозначными, недвусмысленными намерениями. При этом речевой акт радиообмена может рассматриваться в двух перспективах: моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса и моделирование процессов восприятия, понимания (анализа) дискурса. Следует отметить, что в процессе речевого взаимодействия участники могут меняться ролями и выступать как в роли как адресата, так и адресанта.

Целеустремленность радиообмена проявляется в функциональной организации коммуникативного взаимодействия, направленного на достижение конкретных операционных целей авиационной деятельности. В отличие от спонтанного бытового общения, каждый речевой акт в радиообмене подчинен определенной прагматической задаче, связанной с обеспечением безопасности полета и координацией действий участников авиационного процесса. Целеустремленность реализуется через системную организацию коммуникативных функций, каждая из которых выполняет специфическую роль в достижении общей цели – обеспечения эффективного и безопасного выполнения полетных операций.

Функциональный анализ фразеологии радиообмена выявил четыре основных коммуникативных функции, отражающие особенности профессионального взаимодействия в условиях институционального дискурса:

1. Функция, направленная на побуждение к выполнению действий, выступает центральной в общении между пилотом и диспетчером. Она реализуется через команды прямого действия (например, *taxi to runway* – руление к ВПП, *go around* – уход на второй круг), разрешения (*cleared for takeoff* – разрешение на взлет, *cleared to land* – разрешение на посадку) и запреты (*hold short* – не выезжать, *denied* – отказано). Данная функция отражает управленческий характер авиационного дискурса, при котором речевые акты обладают директивной направленностью.

2. Функция, направленная на обмен информацией, обеспечивает когнитивную основу для принятия оперативных решений. Она реализуется через запросы данных (*say altitude* – сообщите высоту, *report position* – доложите местоположение), сообщения о состоянии (*ready for departure* – готов к вылету, *on final* – на финальном заходе) и передачу информации о внешних условиях (*wind 240*

degrees 15 knots – ветер 240 градусов 15 узлов). Данная функция поддерживает реализацию первой, поскольку действия могут быть инициированы только при наличии полной и достоверной информации.

3. Функция, управляющая взаимоотношениями между пилотом и диспетчером, выполняет роль поддержания профессионального взаимодействия в рамках нормативных коммуникативных ролей. Она проявляется в последовательности передачи и подтверждения инициативы, например: *call ready* – вызов при готовности, *contact tower* – связаться с башней, *go ahead* – продолжайте. Данная функция способствует регуляции коммуникативного темпа и взаимному признанию ролей в диалоге.

4. Функция, регламентирующая диалог, обеспечивает соблюдение установленных протоколов речевого поведения, предотвращая коммуникативные сбои. В этой функции реализуются подтверждения (*roger* – понял, *wilco* – выполню), запросы на повтор (*say again* – повторите) и проверка качества связи (*radio check* – проверка связи). Стандартизированность данных актов позволяет участникам поддерживать чёткий и устойчивый канал связи в условиях высокой ответственности.

При этом коммуникативная функция, направленная на побуждение к выполнению действий, выступает как центральная в общении пилот/диспетчер. Функция, направленная на обмен информацией, поддерживает функцию, побуждающую к действиям, поскольку определенные действия могут быть выполнены только тогда, когда пилот и диспетчер владеют определенной обмененной информацией о происходящей ситуации. Коммуникативные функции, управляющие взаимоотношения между пилотом и диспетчером и регламентирующие диалог, являются вспомогательными по отношению к первым двум функциям.

Когнитивно-дискурсивная обусловленность выбора фразеологических единиц характеризуется четырехэтапной структурой: активация профессионального концепта под воздействием ситуационных факторов, выбор соответствующего фрейма профессиональных знаний, отбор фразеологической единицы в соответствии с дискурсивной функцией, дискурсивная реализация с учетом коммуникативной ситуации.

Конкретный механизм взаимодействия можно представить следующим образом: диспетчер передает пилоту команду, которая сначала прослушивается, затем повторяется или подтверждается. Пилот, в свою очередь, запрашивает у диспетчера информацию или инструкцию, диспетчер прослушивает ее, затем подтверждает либо исправляет услышанное. Таким образом подтверждается положение о том, что радиообмен является определенным видом дискурса, представляющим собой передачу информации от пилота/диспетчера к диспетчеру/пилоту и характеризующимся конвенциональностью, регламентированностью, интенциональностью и целеустремленностью.

Исследование продемонстрировало, что авиационная фразеология представляет собой сложную когнитивно-дискурсивную систему, в которой стандартизированные языковые средства обеспечивают согласованность и надёжность профессионального взаимодействия. В отличие от традиционного представления о фразеологизмах как статичных формул, в авиационном дискурсе они функционируют как динамичные речевые инструменты, выбор которых определяется типом ситуации, институциональной ролью и степенью её срочности.

С точки зрения дискурсивных функций, выявлена асимметричная структура взаимодействия, где преобладание директивных актов отражает особенности институционального контроля и приоритеты управленческой ответственности. В то же время коммуникативная система сохраняет гибкость и адаптивность за счёт возможности вариативного использования фразеологических единиц в зависимости от контекста и целей общения.

Полученные результаты углубляют представление о механизмах языковой регламентации в профессиональном дискурсе и открывают перспективы для дальнейшего изучения взаимосвязей между когнитивной организацией

профессионального знания и языковыми практиками в сфере институционального общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Лексикология и лексикография: Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.

2. Гилязева Э. Н. Профессионально маркированные фразеологизмы (терминологизмы) как результат процесса детерминологизации (на примере немецкоязычного научного дискурса) / Э. Н. Гилязева, Л. В. Базарова, Д. Д. Хайруллина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2(155). – С. 146-149.

3. Глазырина Е. С. Международный авиационный алфавит как средство межкультурного взаимодействия специалистов в сфере авиации / Е. С. Глазырина // Ученые записки Ульяновского государственного университета: Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики / Под редакцией А. И. Фефилова. – Ульяновск: УлГУ, 2021. – С. 161-164.

4. Гринев С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.

5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

6. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. С. 5-12.

7. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.

9. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д.С. Лотте. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.

10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

11. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

12. Федеральные авиационные правила «Порядок осуществления радиосвязи в воздушном пространстве Российской Федерации» / утв. приказом Минтранса России от 26 сентября 2012 г. № 362.

13. Doc 9835 AN/453 – Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements, 2nd Ed. – Montréal, Quebec, Canada, 2010. – 150 p.

14. Van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T.A. Van Dijk. – London: Sage Publications, 1998. – 365 p.

УДК 81'23

СПЕЦИФИКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ КОНФРОНТАЦИИ-СОПЕРНИЧЕСТВА

Зяблова Ольга Александровна
Профессор, доктор филологических наук, доцент,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Россия
SPIN-код: 1789-5756

Статья посвящена изучению специфики дипломатического дискурса в условиях конфронтации-соперничества между акторами коммуникативного диалога. Проблема репрезентации конфликтогенных противоречий между представителями разных международных сообществ представляет особый интерес для лингвистической науки, становится важной задачей для поиска решения при рассмотрении процесса коммуникации как специфического междисциплинарного типа дискурса, с одной стороны, это дипломатический дискурс, с другой стороны, это дискурс конфронтаций-соперничества. В настоящей статье использовались методы концептуального и когнитивного-дискурсивного анализа, что позволило выявить и охарактеризовать содержательные, структурные и прочие особенности вербализации дипломатического дискурса. Использование дефиниционного, дистрибутивного, сопоставительного, структурно-семантического, а также статистического метода анализа применительно определения термина конфликт и конфронтация позволило установить корреляции между лингвистическими характеристиками лексических единиц и их экстралингвистическими (когнитивными в первую очередь) параметрами. Данный подход обеспечивает понимание отсутствия собственно термина «конфликт» в дипломатическом словаре, его многозначность как компонента дискурсивной практики.

Ключевые слова: конфликт, конфронтация, соперничество, речевые акты, коммуникативные стратегии, коммуникативный конфликт, речевой конфликт, вербализация.

SPECIFICITY OF DIPLOMATIC DISCOURSE PRACTICE IN CONDITIONS OF CONFRONTATION-RIVALRY

Zyablova Olga Alexandrovna
Professor, doctor of philological sciences, associate professor,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
SPIN-code: 1789-5756

The article is devoted to the study of the specificity of diplomatic discourse in conditions of confrontation-rivalry between actors of communicative dialogue. The problem of representing conflict-generating contradictions between representatives of different international communities is of particular interest to linguistic science, it becomes an important task for finding a solution when considering the communication process as a specific interdisciplinary type of discourse, on the one hand, this is diplomatic discourse, on the other hand, this is a discourse of confrontation-rivalry. In this article, the methods of conceptual and cognitive-discursive analysis were used, which allowed us to identify and characterize the substantive, structural and other features of the verbalization of diplomatic discourse. The use of definitional, distributional, comparative, structural-semantic, and statistical methods of analysis in relation to the definition of the term conflict and confrontation allowed us to establish correlations between the linguistic

characteristics of lexical units and their extralinguistic (primarily cognitive) parameters. This approach provides an understanding of the absence of the term "conflict" in the diplomatic dictionary, its polysemy as a component of discursive practice.

Keywords: conflict, confrontation, rivalry, speech acts, communicative strategies, communicative conflict, speech conflict, verbalization.

*****

Актуальность обращения к проблеме конфронтации-соперничества в дипломатическом дискурсе определяется практическими обстоятельствами: общими противоречиями современного мира в эпоху формирования полицентричного миропорядка, изменения духовной реальности и принятия достойных человека новой формации нравственных ориентиров. Актуальность предлагаемого исследования определяется не в последнюю очередь и значимостью межнационального сосуществования в глобальном мире, необходимостью изучения проблемы конфликтного дискурса как предмета междисциплинарных исследований, выявления сущностных характеристик понятий конфликт, конфронтация, соперничество для выработки специального понятийного аппарата дипломатического дискурса и универсального описания этих сложных эволюционирующих феноменов.

Значение термина «конфликт» многовариативно, является предметом междисциплинарных исследований. Согласно толкованию, представленному в научном словаре конфликт - это противоборство, столкновение двух или нескольких субъектов обусловленное противоположностью, несовместимостью их интересов, потребностей, систем ценностей или знаний [1]. Понятие конфликт дифференцируется в общем и специальном значении. В общем понимании конфликт является одним из разновидностей общественных отношений, стороны которого воспроизводят через цель, лежащую в его основе, интересы, потребности и стремления, которые реализовываются в острой борьбе; в специальном – один из разновидностей социального взаимодействия, характеризующийся прямым и осознанным столкновением его участников.

«Дипломатический словарь» 1986 г. не дает собственно определение термину «конфликт», однако лексема используется в составе дефиниции термина «конфронтация»: «Конфронтация – напряженность, взрывоопасное противостояние в отношениях между государствами, чреватое возникновением военного конфликта. В истории состояние конфронтации нередко перерастало в войны. В то же время известны и примеры того, как с помощью переговоров удавалось ослабить конфронтацию и избежать войны» [2].

Отсутствие определения термина «конфликт» в дипломатическом словаре имеет свои закономерности. В международных отношениях с понятием дипломатии связывают искусство ведения переговоров для предотвращения или урегулирования конфликтов, поисков согласия и взаимоприемлемых решений, расширения и углубления международного сотрудничества. Дипломатическая служба – это особая сфера государственного управления в области обеспечения суверенитета и международной безопасности страны, защиты интересов, прав и свобод граждан и юридических лиц России за рубежом. Характер и формы дипломатической деятельности национальных государств с момента её зарождения определяют дипломатию, как «применение ума и такта к ведению официальных сношений правительствами независимых государств» [3].

Профессиональный дипломатический дискурс рассматривается как речевая деятельность коммуникантов, действующих в рамках социально значимых ролей в коммуникативном пространстве дипломатии разных видов, существующей как в письменной, так и в устной форме и осуществляющейся в определенном

экстралингвистическом контексте, целью которого является реализация внешнеполитических задач акторов мирным (вербальным) путем [4].

Лингвистическая природа конфронтации-соперничества в дипломатическом дискурсе имеет языковое выражение, проявляется через культурный код и этноспецифические формы восприятия, закреплённые в языке: адекватное или неадекватное взаимопонимание акторов коммуникативного акта; знание или незнание национальных норм языка; уровень восприятия и декодирования конфронтационно-соперническихфакторов в диалоге.

К языковым маркерам, отражающим конфронтационно-соперническое состояние коммуникантов можно отнести лексические и синтаксические повторы, пейоративы, двойное или множественное отрицание, использование в высказываниях низкооценочной лексики.

Дипломатический дискурс конфронтации-соперничества характеризуется как 1) явление, происходящее в коммуникативном сообществе, ограниченное ситуативно временем и пространством (здесь и сейчас), 2) идея, отражаемая в коммуникативном акте в виде актуализированных событий, 3) восприятие реальной действительности коммуникантами по отношению к миру и людям, достижение поставленной цели посредством применения своего индивидуального набора коммуникативных стратегий [5].

Проблема конфликта среди представителей многонациональных международных сообществ представляет особо значимый интерес для лингвистической науки. Репрезентативная и вербальная конфликтогенная, составляющая дипломатического дискурса, являются связующим компонентом и признаком специфики дипломатической коммуникации между акторами, коммуникативными стратегиями, организующими и регулирующими речевое поведение коммуникантов, объединённых прагматическими связями и речевыми тактиками для достижения цели.

Для системы международных отношений, формировавшейся длительный период достаточно противоречиво, конфликты, зачастую переходящие в войны с многочисленными человеческими жертвами, стали наиболее очевидны. Усилия, направленные на преодоление существующих межнациональных разногласий и откровенных конфликтов, обеспечивали хрупкое поддержание существующего миропорядка, который, будучи неспособным ответить на вызовы современных глобальных переустройств, рушился.

В настоящее время происходит формирование новой международной системы кардинально отличающейся от предыдущей. Так, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, выполнив свою роль, стала, по существу, достоянием истории [6]. На смену несостоявшемуся однополюсному миру идет полицентричный миропорядок, опирающийся на несколько основных центров силы, направляемых на снижение уровня враждебности в отношениях сторон, посредством взаимного дипломатического диалога.

Очевидно, в эпоху глобализации и цифровой обработки информации традиционные подходы к дипломатической коммуникации видоизменяются, становятся более интерактивными и мультимодальными. В условиях конфронтации система международных отношений претерпевает значительные изменения, что проецируется на речевые техники дипломатического дискурса и стратегии конструирования национального имиджа. Дипломатический дискурс и национальный имидж взаимодополняемы: национальный имидж влияет на формулирование и распространение дипломатического дискурса; коммуникативные стратегии в дипломатическом дискурсе, в свою очередь, корректируют и изменяют национальный имидж. В свою очередь распространение дипломатического дискурса в эпоху цифровой обработки информации демонстрирует необходимость разработки новых коммуникативных стратегий, глубокого анализа и переосмысления существующих коммуникативных практик, привлечения данных (фактов) из смежных наук и направлений таких как: когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, политическая лингвистика,

эмоциональная лингвистика, теория коммуникации, лингвопрагматика и др. Возрос интерес лингвистики к проблемам коммуникативного взаимодействия в сфере специфической дискурсивной практики, в свете которой каждое языковое явление целесообразно было бы изучать одновременно с когнитивных и коммуникативных позиций [7].

Анализ дискурсивных противоречий требует уточнения таких понятий, как «коммуникативный конфликт» и «речевой конфликт», тождественность которых не всегда универсальна. Коммуникативный конфликт – состояние коммуникативного акта, результат особого речевого поведения. Речевой конфликт возникает на почве несоответствия речевых действий, когда одна из сторон диалога в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться негативными средствами языка и речи.

Речевой конфликт характеризуется неосознанностью – субъекты дискурса не учитывают нормы речевого поведения в сложившихся обстоятельствах в силу своей неосведомленности, и/или принадлежности к другому лингвокультурному сообществу.

Компоненты конфронтации-соперничества в диалоге – установки, цели, речевые стратегии – регулируют выбор тактик речевого поведения, конфликтный репертуар которых многогранен: от откровенного оскорбления до унижения чести и достоинства собеседника.

Противоречия ценностных установок участников конфликта, их коммуникативных целей и коммуникативных ролей приводят к зарождению конфликтной ситуации. Реализация гармонической или дисгармонической модели поведения в конфликте предопределяется национальными, социальными, психологическими, а также лингвистическими факторами, обусловленными коммуникативным контекстом в целом.

Вербальная конфликтогенная, составляющая дипломатического дискурса, является связующим компонентом и показателем специфики дипломатической коммуникации между акторами, стратегическим механизмом разрешения и урегулирования межнациональных конфликтов.

Процесс вербализации в лингвистической науке описывает важный аспект взаимодействия между сознанием и языком – передача внутреннего опыта через языковые символы, доступные для общения и обсуждения (перевод мыслей, переживаний, ощущений, образов или внутренних состояний в словесную форму). Очевидно, вербальные средства позволяют либо «раздуть» конфликт до «критической черты», либо «сгладить» состояние конфронтации. «В задачи лингвистики входит умение увидеть «момент перехода от вербальной фазы конфликтогенеза к фазе действенного проявления конфликта». Процесс вербализации конфликта изучается лингвистическими средствами и средствами лингвоконфликтологии. Научная школа ван Дейка рассматривала дискурсивные стратегии и применяемые объяснительные модели в условиях речевого конфликта. В качестве Мы-группы выступало этническое большинство, а в качестве. Они-группы – этнические меньшинства. Одной из выявленных характеристик текстов «большинства» является так называемая поляризованная репрезентативность, то есть наделение Мы-группы и Они-группы прямо противоположными признаками, как правило, создающими бинарные оппозиции (Мы хорошие – Они плохие)» [8].

Тексты, моделирующие конфронтацию-соперничество, могут вызывать между акторами коммуникации как вербальную, так и реальную конфликтную ситуацию. Конфликтогенными компонентами могут быть лексические единицы, словосочетания, предложения, сверхфразовые единства, а также подписи, иконические знаки, синтаксические конструкции, в устном речевом акте – просодические конструкции.

Вербальные реакции, образующие «встречные тексты» или контртексты, порождаемые в процессах восприятия, понимания и интерпретации информации в форме текста, обеспечивают возможность прогнозировать потенциальную

стратегию поведения и смыслов высказываний акторов в ходе реальной коммуникации.

В вопросах внешней политики и дипломатии смыслы высказываний интерпретируются строго «под адресата» по Д. Хаймсу, внутренняя цензура выступающих нивелируется, допускается переключение вербальных кодов, использование конфликтсодержащей лексики, способной спровоцировать конфликтную ситуацию.

Внешнеполитическая коммуникация в целом происходит в ситуации условно независимой коммуникативной цепочки, при этом коммуникация осуществляется между принципиально разными структурами: проходит несовпадение национальных картин мира, что уверенно демонстрирует национальный код. Очевидно, иноязычная коммуникация находится в более жестких рамках контроля, нежели отечественная, поскольку в этом случае проявляется доминирующее соответствие коду.

Таким образом, специфика дипломатической дискурсивной практики в условиях конфронтации-соперничества определяет модель дискурса конфронтации-соперничества, отображает определенный типа дискурса в его целостности и функциональном единстве. Это особый специфический вид профессионального дискурса, как в широком, так и узком понимании этого междисциплинарного явления, характеризующийся лингвокоммуникативными и лингвокогнитивными особенностями, наличием собственной терминологической системы, занимающей особое место среди терминологических систем других общественных наук – являясь не только областью знания, но и деятельности [9]. В условиях конфронтации-соперничества коммуниканты внешне и внутренне мотивированы и нацелены на достижение компромисса для всех участвующих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политология. Энциклопедический словарь. М.: 1993. С.142.
2. Дипломатический словарь, 1986, Т.2, с. 98
3. Электронный ресурс https://slovaronline.com/browse/7dd6b016-077c-30ce-a2ad8b5ecaaf1960/дипломатия, дата обращения 09.07.2025
4. Беляков М.В. Вербальные и коммуникативные характеристики дипломатического конфликта // IV Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сб. научных статей. Часть1. М.: РУДН, 2014 (б). С. 22-31.
5. Туркина, О. А. Дискурс конфронтации-соперничества: реконструкция и моделирование / О. А. Туркина. – Минск : РИВШ, 2017. – 142 с.
6. Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы. – Полис. Политические исследования. 2018. № 6.
7. Зяблова, О. А. Институционально-дискурсивные характеристики дипломатического и политического дискурсов: общие замечания // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 8(146).
8. Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта: автореф. дисс… д-ра филол наук. М., 2017. 50 с.
9. Зяблова, О. А. Конститутивные признаки дипломатического и политического дискурсов: особенности взаимодействия // Начала Русского мира. – 2024. – № 4. – С. 47-52.

УДК 347.78.034

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Милованова Марина Васильевна
Профессор, доктор филологических наук,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия,
SPIN-код: 7212-0496

В статье рассматриваются отдельные проблемы перевода художественных поэтических текстов в рамках языковой пары «русский язык – немецкий язык» с помощью различных моделей искусственного интеллекта (ИИ) на примере отрывков из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Сопоставляются переводы, выполненные моделями искусственного интеллекта

GPT, Linnk AI и известным переводчиком произведений русского поэта Теодором Комишо. В качестве сравниваемых параметров предлагается лингвистическая точность, поэтическая структура, культурный фон. Устанавливается, что ИИ демонстрирует достаточно сильные возможности с точки зрения лингвистической точности переводов и слабые – в рамках художественного и культурно-исторического аспектов. Делается вывод о необходимости применения сбалансированного подхода, сочетающего технологию ИИ с человеческим творчеством.

Ключевые слова: перевод, искусственный интеллект, русский язык, немецкий язык, поэтический текст, лингвистическая точность, поэтическая аутентичность.

CERTAIN ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODELS IN TRANSLATION OF POETIC TEXTS

Milovanova Marina Vasilevna
Professor, Doctor of Philology,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

The article examines individual problems of translating artistic poetic texts within the language pair "Russian – German" using various models of artificial intelligence (AI) using the example of excerpts from the novel in verse by A.S. Pushkin "Eugene Onegin". Translations made by the artificial intelligence models GPT, Linnk AI and the famous translator of the works of the Russian poet Teodor Komisho are compared. Linguistic accuracy, poetic structure, and cultural background are proposed as the parameters to be compared. It is established that AI demonstrates quite strong capabilities in terms of linguistic accuracy of translations and weak ones in terms of artistic and cultural-historical aspects. It is concluded that a balanced approach combining AI technology with human creativity is necessary.

Keywords: translation, artificial intelligence, Russian language, German language, poetic text, linguistic accuracy, poetic authenticity.

*****

Перевод поэтических текстов – это очень сложная задача, поскольку она, как известно, выходит за рамки простого перевода слов с одного языка на другой, а требует глубокого понимания эмоциональных тонкостей, культурных нюансов и сложной системы образов, которые определяют поэтическое выражение. В отличие от прозы, поэзия в значительной степени опирается на метафору, ритм и символизм, поэтому от переводчика требуется большее, чем просто лингвистическое мастерство. Как отмечает Л. Венути, переводчик должен найти тонкий баланс между сохранением художественной целостности оригинала и обеспечением того, чтобы переведенный текст был максимально понятен целевому адресату [12]. Эта двойная ответственность подчеркивает «человекоцентричную» природу перевода поэзии и ставит вопрос о роли искусственного интеллекта (ИИ) в теории и практике художественного перевода.

В последние годы ИИ добился значительных успехов в переводе, особенно в обработке технических текстов [4, 9]. Однако использование ИИ при переводе поэзии остается спорным. Хотя ИИ отлично справляется с обработкой больших объемов текста и выявлением языковых моделей, его способность улавливать поэтическую сущность, определяемую эмоциональной глубиной, культурным подтекстом, историческим фоном и эстетической красотой, все еще вызывает вопросы у ученых, в том числе у профессиональных переводчиков [1, 3, 9].

Поэзия представляет для ИИ зачастую неразрешимые проблемы, особенно в таких областях, как интерпретация метафор, ритмическая последовательность и адаптация к соответствующему культурному контексту, тем более если речь идет о поэтических текстах ушедших эпох.

Целью исследования является характеристика сильных и слабых сторон ИИ в передаче поэтического смысла, сравнение фрагментов переводов, созданных ИИ и выполненных человеком, с точки зрения лингвистической точности и эмоциональной составляющей, а также оценка того, как участие человека может дополнять возможности ИИ. Исследование вносит вклад в изучение проблемы ИИ в области языка и цифровой лингвистики, рассматривая возможные пересечения технологий и творчества в сфере литературного перевода.

Искусственный интеллект, как мы уже отмечали, широко используется в практике перевода. Следует отдельно заметить, что в отличие от традиционного перевода, который в первую очередь стремится к лингвистической точности, перевод поэтических текстов требует сохранения ряда литературных особенностей, таких, как ритм, метафора, символизм, которые часто индивидуальны и имеют культурный подтекст. При этом отдельные ученые отмечают, что инструменты перевода на основе ИИ и модели нейронного машинного перевода направлены на повышение качества перевода за счет использования огромных объемов текстовых данных, глубокого обучения и языкового моделирования [7].

Итак, при переводе поэтических текстов одной лингвистической точности недостаточно, поскольку язык поэзии заключает в себя множественные коннотации, дополнительные смыслы, которые ИИ с трудом может адекватно интерпретировать [8]. Хотя ИИ отлично справляется с обработкой больших объемов текста и созданием быстрых переводов, ему часто не удается уловить тонкости стилистических оттенков, рифмы, метра и эстетической образности, что требует участие человека для уточнения сгенерированных ИИ переводов как с точки зрения лингвистической точности, так и поэтической аутентичности.

Модели ИИ в первую очередь сосредоточены на семантической точности, а не на поэтической структуре, которая имеет решающее значение для эстетического и эмоционального воздействия поэтического произведения. Помимо этого, различные возможные прецедентные конструкции и идиоматические выражения в рамках соответствующего культурного контекста

представляют собой значительные проблемы для ИИ, что приводит зачастую к неправильным толкованиям или потере смысла. Хотя ИИ может генерировать грамматически правильные переводы, ему не хватает «эмоционального интеллекта», чтобы полностью уловить намерение поэта и творческие тонкости, присущие поэтическим произведениям.

Следует заметить, что проблема использования моделей ИИ для создания переводов заключается также в том, что эти модели работают как «черный ящик» – трудно понять, как они принимают решения. Применительно к ИИ «черный ящик» означает следующее: хотя мы можем видеть входные данные (текст для перевода) и выходные данные (переведенный текст), шаги, которые система предпринимает для перехода от входных данных к выходным данным, сложны и непрозрачны. Например, в такой модели, как NMT, ИИ использует слои алгоритмов и данных для генерации переводов, но то, как он выбирает конкретные слова или фразы, часто непонятно даже разработчикам [6]. Из-за отсутствия прозрачности сложно объяснить, почему ИИ сделал определенный выбор именно данного слова или конструкции, а также сложно настроить его для задач, требующих более глубокого понимания текста (например, перевод поэзии).

Поэзия, как и любой художественный текст, глубоко связана с культурным контекстом эпохи, в рамках которого представлены идиомы, исторические отсылки и стилистические фигуры, которые могут не иметь прямых эквивалентов в других языках. Отсутствие у ИИ так называемого «жизненного опыта» представляет собой значительную проблему для сохранения культурной составляющей при переводе поэзии. Когда ИИ переводит поэзию, ему часто не удается адаптировать культурные отсылки таким образом, чтобы они находили отклик у целевой аудитории, что приводит к переводам, которые могут казаться чуждыми или оторванными от предполагаемого смысла [11], особенно если в тексте присутствуют различные так называемые маркеры эпохи. С. Хассан считает, что, хотя инструменты ИИ постоянно совершенствуются, «им все еще трудно поддерживать поэтическую текучесть и резонанс, поэтому переводы механически точны, но эмоционально плоски» [7, с. 47]. Таким образом, ИИ может создавать черновики поэтических переводов, но для передачи художественной целостности поэтического произведения с сохранением исторического и культурного фона необходима деятельность переводчика. В последнее время с целью повышения способности ИИ улавливать поэтические нюансы исследователи даже обучают модели ИИ на обширных корпусах поэзии [6].

Особенно активно идея использования ИИ в практике перевода художественных текстов обсуждается в зарубежной лингвистике. Отдельные исследователи, анализируя рассматриваемую нами проблему, предлагают гибридные модели, в которых ИИ предоставляет первоначальные черновики, которые затем дорабатываются переводчиками-людьми. Так, А. Торал и А. Уэй считают, что постредактирование переводов поэзии, созданных ИИ, повышает как точность, так и художественную целостность [11]. Экспериментальные исследования, которые особенно активно ведутся зарубежными учеными-лингвистами в данной области с 20-х годов нашего века, фокусируются на интеграции ИИ с литературным стилистическим анализом и аффективными вычислениями для повышения интерпретационного качества переводов. Достижения в сфере «обучения искусственного интеллекта» направлены на улучшение способности ИИ распознавать поэтические стили и эмоциональные оттенки, приближая машины к пониманию сути поэзии [8].

В статье в качестве примера рассмотрим переводы фрагментов романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на немецкий язык, созданные ИИ (GPT, Linnk AI) и выполненные известным переводчиком произведений русского поэта

Теодором Комишо. В качестве сравниваемых параметров предлагается: лингвистическая точность (лексика, грамматика), поэтическая структура (метафора, ритм, эмоциональный тон), культурный фон.

Трудности в процессе перевода вызывают прежде всего лексические единицы, напрямую связанные с культурно-исторической спецификой, в частности славянизмы и русизмы. Данные группы лексики широко представлены в творчестве А.С. Пушкина. Рассмотрим соответствующие фрагменты.

По мнению Б.А. Успенского, славянизмы являются у А.С. Пушкина «знаками той или иной культурно-идеологической позиции, которая определяет перспективу повествования» [5, с. 174]. Так, славянизмы в указанном произведении могут выступать в характерологической функции, создавая романтическую окраску образа. Например, о Ленском:

Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника
(Глава 2, VIII).

Перевод GPT:

Er glaubte, Freunde seien treu,
Bereit, für Ehre zu zerreißen Scheu,
Und dass ihre Hand nicht zögert sehr,
Den Lügner zu zertrümmern mehr

(*здесь и далее буквальный перевод – наш*: Он думал, что друзья – верны, готовы за честь разорвать страх, и что их рука не будет слишком медлить, чтобы лжеца разрушить как можно сильнее)

Перевод Linnk AI:

Er glaubte fest, die Freunde wären bereit,
Für seine Ehre Ketten zu tragen weit,
Und dass nicht zögert ihre Hand,
Zu brechen des Verleumders Tand

(Он твердо верил, что его друзья были бы готовы во имя его чести нести цепи далеко, и что не дрогнет их рука разбить «мишуру» клеветника)

Перевод Т. Комишо:

Er glaubte, treue Freunde ließen
Sich gern für ihn in Ketten schließen
Und seien hilfreich jederzeit
Zu Beistand in Gefahr bereit

(Он считал, верные друзья охотно позволят ради него заковать себя в цепи и будут всегда готовы помочь ему и поддержать в опасности) [10];

Кратко прокомментируем переводы. Выражение «приять оковы» в русском языке является возвышенным; в данном случае речь идет о несвободе, заточении. Перевод GPT не передает нам данный смысл, здесь буквально – «разорвать страх»; перевод Linnk AI в большей степени приближен к оригиналу – «нести цепи (оковы)». В переводе Т. Комишо мы наблюдаем полное соответствие – «заковать в цепи». Церковнославянское выражение «разбить сосуд клеветника», по мнению Ю.М. Лотмана, выступает в значении «разбить оружие клеветы» [2, с. 593]. В данном случае выражение не означает физической расправы, а предполагает, что друзья вступятся за его честь и «разобьют» клевету. И здесь, как мы видим, переводы, предлагаемые ИИ, достаточно близко передают смысл. Т. Комишо дает адаптивный перевод, делая выбор в пользу поэтических особенностей, однако в целом образ верных друзей, готовых на все, сохраняется.

Приведем другой фрагмент, в котором присутствуют русизмы:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;

У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три…
(Глава 2, XXXV)
Перевод GPT:
Sie bewahrten im stillen Leben
Die liebenswerten Sitten eben;
Zu Maslenitsa, fett und schön,
Gab's russische Pfannkuchen im Höhn.
Zweimal im Jahr fasteten sie,
Und liebten Runden, Karussell,
Lustige Lieder, Kreise groß,
Und sangen froh im Frühlingsstoß.
Am Dreifaltigkeitstag, wenn die Leute
Gähnend hören den Gottesdienst heute,
Tränen der Rührung still und sacht,
Fielen ihnen drei in stiller Nacht.

(Они сохранили свои любимые обычаи в спокойной жизни; на Масленицу, жирную и красивую, они подавали горкой русские блины. Дважды в год они постились, и любили собраться в круг, карусели, веселые песни, хороводы, и пели радостно с наступлением весны. В Троицу, когда народ, зевая, слушает службу, три слезы умиления тихо и незаметно падали у них в тихой ночи)

Перевод Linnk AI:
Sie hielten friedlich im Leben fest
An Bräuchen, die die Ahnen liebt;
Zur fetten Fastnacht, welch ein Fest,
Gab's russische Bliny, die man trieb;
Zweimal im Jahr ward gefast't;
Runde Schaukeln, die waren krass,
Loslieder, Reigen, froh und bunt;
Am Trinitätstag, wenn das Volk stund,
Gähnend der Andacht lauschte eben,
Ergriffen auf den Strahl der Sonn'
Vergossen sie drei Tränen schon

(Они жили мирно, придерживаясь обычаев, которые любили предки. На жирную ночь Масленицы, какой праздник, Были русские блины, которые были традицией. Дважды в год они постились. Круглые качели, которые были лихими, …хороводы, радостные и красочные. В Троицкое воскресенье, когда народ стоял, Зевая, слушая молитву, Тронутые лучами солнца, Они пролили уже три слезы).

Перевод Т. Комишо:
Sie hielten sich im schlichten Rahmen
Altbiedrer Art behaglich frisch;
Stets in der Fastnachtwoche kamen
Die fetten Plinsen auf den Tisch,
Und zweimal jährlich ging man beichten.
Der Mummenschanz und Christmarkt reichten
Zu ihrer Kurzweil völlig aus.

Am Pfingsttag, wenn im Gotteshaus
Die Bauern gähnend Messe hören,
Vergossen sie so rührsam nett
Paar Tränchen auf ihr Pfingstbukett.

(Они держали себя в простых рамках Старомодного бидермайерского стиля, комфортно-свежего; всегда на масленичной неделе. На стол подавались жирные блины, Два раза в год ходили на исповедь. Переодевания с масками и рождественской ярмарки было достаточно для их развлечений. В день Пятидесятницы, когда в церкви Крестьяне, зевая, слушают мессу, проливали трогательно, мило Несколько слез на букет Пятидесятницы) [10].

В данном случае русизмы отражают народные традиции: *водились блины, подблюдны песни* (песни, которые входили в обряд святочных гаданий), *говели, пучок зари* (вид травы). Переводы, осуществленные ИИ, не полностью справляются с передачей культурных реалий, в частности выражение *подблюдны песни* не переведено адекватно и отмечена лакуна применительно к сочетанию *пучок зари*; помимо этого зафиксирована единица, которой нет в немецком языке – *Loslieder* (попытка Linnk AI перевести выражение *подблюдны песни*). Т. Комишо, учитывая сложность перевода реалий, пошел по пути динамического перевода, ориентируясь на культуру целевого языка, – отсюда «старомодный бидермайерский стиль», переодевания с масками и рождественская ярмарка, однако в целом перед читателями формируется соответствующая картина. И, в отличие от ИИ, переводчик адекватно передал традицию держать в руках букетик травы в Троицын день – Пятидесятницу (*Pfingstbukett*).

Итак, обратимся к выделенным параметрам и оценим переводы. С точки зрения лингвистической точности переводы, выполненные ИИ, достаточно приближены к оригиналу, причем в большей степени это характерно для модели Linnk AI. Переводы Т. Комишо не всегда отличаются лингвистической точностью, однако это вызвано стремлением сохранить поэтику и «донести» смысл до аудитории. Что касается второго параметра (поэтическая структура) здесь ИИ очень сильно уступает переводчику человеку. Т. Комишо сохраняет мелодику, ритм, например, в первом приведенном фрагменте в немецком языке также, как и в оригинале, перед нами четырехстопный ямб. И наконец, третий параметр – культурный фон. Переводы, выполненные ИИ, недостаточно справляются с передачей культурно-исторических реалий, в ряде случаев отмечены лакуны, либо ошибки. Т. Комишо передает реалии через параллели с культурой целевого языка, в результате складывается похожий образ.

Литературный перевод, особенно поэзия, является в высокой степени интерпретационным. Переводчик-человек часто делает субъективный выбор, основанный на его понимании текста и с учетом целевой аудитории. Например, переводчик может сосредоточиться на сохранении ритма и музыкальности стихотворения, а не на его дословном переводе.

Таким образом, ИИ демонстрирует достаточно сильные возможности в переводе буквального смысла поэтических текстов с высокой лингвистической точностью. Однако ему зачастую не удается полностью отразить эмоциональные и художественные аспекты. Хотя переводы ИИ могут быть лексически и грамматически правильными, им часто не хватает поэтической утонченности и глубины, достигаемых переводчиком человеком. ИИ является ценным инструментом для перевода поэзии, но он не может полностью заменить переводчика человека. Сбалансированный подход, сочетающий технологию ИИ с человеческим творчеством, – это эффективный способ добиться точных и поэтически аутентичных переводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева М. Р. Проблемы поэтического перевода / М. Р. Арпентьева // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2018. –№ 2. – С. 58–66. – DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-58-68.

2. Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю. М. Лотман. – СПб., 1995. – 845 с.

3. Норец М. В., Рейнова А. В. Художественный перевод и искусственный интеллект: традиция и новаторство / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 12 (150). – URL: https://research-journal.org/media/articles/15661.pdf. – DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.111

4. Озюменко В. И., Ларина Т. В. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны / В. И. Озюменко, Т. В. Ларина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24. – № 1. – С. 117–130. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.10.

5. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.) / Б. А. Успенский. – М., 1994. – 240 с.

6. Bergsma S. Machine translation for poetry: Challenges and developments / S. Bergsma // Translation Studies. – 2021. – № 14(3). – P. 213–227.

7. Hassan S. Artificial intelligence in literary translation: A review of the field / S. Hassan // Journal of Translation and Technology. – 2020. – № 7(2). – P. 45–61.

8. Malmkjær K. The challenges of translating poetry in the age of AI / K. Malmkjær // Poetry Translation Review – 2020. – № 28. – P. 34–45.

9. O'Neil C. Weapons of math destruction: How big data increases inequality and threatens democracy / C. O'Neil. – New York: Crown, 2016. – 259 p.

10. Puschkin A. S. Gedichte, Poeme, Eugen Onegin. Übers. v. Th. Commichau, hg. v. W. Neustadt. – Berlin: SWA – Verlag, 1947. – 452 S.

11. Toral A. & Way A. What's in the Box? An Analysis of Undesirable Content in Machine Translation / A. Toral & A. Way // Machine Translation. – 2018. – № 32 (3). – P. 217–235.

12. Venuti L. The translator's invisibility: A history of translation (2nd ed.) / Venuti L. – Routledge. – 344 p.

УДК 81'33

ПЕРЕВОД РУССКИХ ЭТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ДЕАДЪЕКТИВОВ С СУФФИКСОМ -*ОТ(А)* НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ С РЕЗУЛЬТАТАМИ GPT-4O

Таджик Нафисе
Аспирант, Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран

Мадаени-Аввал Али
Доцент, кандидат филологических наук, Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран

Захраи Сейед Хасан
Профессор, кандидат филологических наук, Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран

Данное исследование посвящено анализу перевода на персидский язык русских деадъективных существительных с суффиксом *-от(а)*, обладающих этической семантической маркировкой. В качестве материала были выбраны восемь лексем: *правота, неправота, прямота, доброта, щедрота, простота, чистота, нечистота* – из Инверсионного словаря А. А. Зализняка, с последующим контекстуальным анализом на материале Национального корпуса русского языка. Переводы, выполненные языковой моделью GPT-4o, были оценены двумя кандидатами филологических наук с использованием методов корпусного анализа и межэкспертной валидации. Основными критериями выступили семантическая точность, стилистическая уместность и культурная релевантность. Результаты показали, что при формальной точности переводы модели не всегда передают прагматические и этически окрашенные нюансы. В отличие от них, переводы профессиональных лингвистов отличались большей глубиной и межкультурной адекватностью. Сделан вывод о важности экспертного участия при переводе на персидский язык деадъективных абстрактных существительных с выраженной этической маркировкой.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, перевод, искусственный интеллект, русский язык, персидский язык, этическая категория, деадъективные существительные, суффикс *-от(а)*.

TRANSLATION OF RUSSIAN ETHICALLY MARKED DEADJECTIVAL NOUNS WITH THE SUFFIX -*OT(A)* INTO PERSIAN: A CORPUS STUDY AND COMPARISON WITH GPT-4O OUTPUT

Tadzhik Nafise
Postgraduate student,
University of Tehran,
Tehran, Iran

Madayeni-Avval Ali.
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
University of Tehran,
Tehran, Iran

Zahraei Seyed Hassan
Professor, Candidate of Philological Sciences,
University of Tehran,
Tehran, Iran

Abstract. This study focuses on the analysis of the Persian translation of Russian deadjectival nouns with the suffix *-от(а)*, which carry ethical semantic connotations. The research material includes eight lexemes – *правота* (rightness), *неправота* (wrongness), *прямота* (frankness), *доброта* (kindness), *щедрота* (generosity), *простота* (simplicity), *чистота* (purity), and *нечистота* (impurity) – selected from A. A. Zaliznyak's Inverse Dictionary of the Russian Language, followed by contextual analysis based on the Russian National Corpus. Translations produced by the GPT-4o language model were evaluated by two PhD-level philologists using corpus analysis and inter-expert validation methods. The main evaluation criteria were semantic accuracy, stylistic appropriateness, and cultural relevance. The results showed that, despite formal accuracy, the model's translations often failed to convey pragmatic and ethically marked nuances. In contrast, translations by professional linguists demonstrated greater semantic depth and intercultural adequacy. The study concludes that expert involvement is essential when translating ethically marked abstract deadjectival nouns into Persian.

Keywords: Contrastive linguistics, translation, artificial intelligence, Russian language, Persian language, ethical category, deadjectival nouns, suffix *-от(а)*.

*****

Деривационные процессы в русском языке, в частности образование отвлеченных существительных от прилагательных, традиционно вызывают устойчивый интерес в теоретической и прикладной лингвистике. Одним из регулярных и семантически значимых способов такой деривации является образование деадъективных существительных при помощи суффикса *-от(а)*, особенно в лексемах с этической семантикой (например, *доброта, чистота, нечистота*). Эти номинализации отличаются высоким уровнем абстрактности и культурной значимости, что создает определенные трудности при их эквивалентном переводе на другие языки, включая персидский.

В трудах В. В. Виноградова, А. Н. Тихонова, Е. А. Земской, М. Б. Ташлыковой, Л. С. Филипповой, В. Н. Немченко, Г. А. Николаева, М. Н. Янценецкой, Е. Г. Малышевой, Н. С. Валгины и др. рассматривались структурно-семантические особенности подобных образований. Однако вопросы межъязыкового сопоставления, в особенности в сочетании с анализом автоматического перевода, остаются недостаточно разработанными.

В свете этого, научная актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью сопоставительного анализа деадъективных номинализаций в русском и персидском языках с привлечением инструментов нейросетевого машинного перевода. Как подчеркивает Я. И. Рецкер, эффективное построение частной теории перевода невозможно без опоры на результаты сопоставительных исследований языковых систем [11, с. 10]. Таким образом, интеграция методов контрастивной корпусной лингвистики с возможностями современных языковых моделей открывает новые горизонты в области оценки переводческой эквивалентности.

Новизна настоящей статьи заключается в первой попытке анализа переводов этически маркированных деадъективов с суффиксом *-от(а)*, выполненных языковой моделью GPT-4o, с фокусом на персидский язык.

Цель исследования – провести контекстуальный анализ переводов деадъективов этической категории (*правота, неправота, прямота, доброта,*

щедрота, простота, чистота и нечистота) с последующим анализом точности, стилистической и культурной релевантности.

Задачи исследования:

провести оценку лексико-семантической точности переводов;

проанализировать стилистическую адекватность в межъязыковом контексте;

выявить особенности функционирования языковой модели GPT-4o при передаче деадъективной лексики с выраженной этической семантикой.

Материалом послужили восемь лексем, отобранных из Грамматического словаря русского языка А. А. Зализняка [5, с. 211, 212], проанализированные в контекстах НКРЯ [10].

Данное исследование вносит вклад в развитие теории перевода и словообразовании русского и персидского языков, расширяя представления о лексико-семантической специфике деадъективных существительных с суффиксом *-от(а)*, обладающих этической маркировкой. Работа актуализирует вопросы прагматической адекватности и культурной релевантности в межъязыковом переводе, укрепляя теоретическую базу контрастивной лингвистики, корпусных исследований и анализа машинного перевода.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении ограничений и возможностей применения ИИ-моделей, таких как GPT-4o, при переводе отадъективной и этически маркированной лексики. Результаты анализа позволят определить пределы применимости нейросетевых инструментов в лингвистической практике, а также подчеркнуть значимость профессионального переводчика в работе с деадъективной лексикой. Как отмечается в ряде современных исследований, «подобным онлайн-переводчикам даже с применением искусственного интеллекта (ИИ) полностью не заменить квалифицированного специалиста по переводу» [13, с. 92].

Прежде чем перейти к анализу переводов, следует уточнить ключевые понятия, лежащие в основе настоящего исследования. Одним из центральных объектов рассмотрения выступают отадъективные существительные – в лингвистической литературе также известные как «деадъективные существительные», «отприлагательные номинализации», «имена качества», «nomen qualitatis». Эти единицы представляют собой одну из разновидностей словообразовательных типов в русском языке.

В классификации, предложенной польским лингвистом Е. Куриловичем [7, с. 57-70], на которую ссылается Е. Г. Малышева, все словообразовательные типы делятся на две основные группы. Первая охватывает случаи, когда лексическое значение производного слова тождественно значению производящей основы, а различие проявляется лишь в переходе в другую часть речи и, соответственно, изменении синтаксической функции. Явления такого рода Ежи Курилович обозначил как синтаксическую деривацию [7, с. 85].

В рамках этой группы выделяются три подтипа:

отглагольные существительные;

«отадъективные существительные, то есть образованные от прилагательных и обозначающие отвлеченный признак (например: *веселость, доброта, белизна, синь*)» [7];

отсубстантивные прилагательные.

Настоящее исследование сосредоточено именно на втором типе – деадъективах, обладающих этической семантической маркировкой.

Вторую группу составляют словообразовательные типы, в которых лексическое значение производного не совпадает со значением производящей основы. Это явление Е. Курилович определяет как лексическую деривацию [7].

Дополнительно Е. Г. Малышева ссылается на классификацию М. Докулила, в рамках которой выделяются три словообразовательных типа:

транспозиционные – сопровождаемые переходом слова в другую часть речи;

мутационные – изменения внутри одной части речи при смене значения;

модификационные – незначительные семантические сдвиги в пределах одной и той же части речи.

Деадъективные существительные, будучи результатом синтаксической деривации, подпадают под транспозиционные типы, так как представляют собой переход от прилагательного к существительному при сохранении основного семантического ядра [8, с. 86].

Таким образом, синтаксическая деривация охватывает словообразовательные типы, в которых производные слова вступают в транспозиционные отношения с производящими основами, сохраняя при этом ядро лексического значения [12, с. 147].

Как отмечается в литературе, «значение производного слова определяется значением производящей основы и словообразовательного аффикса» [1, с. 29]. При этом аффиксы, по справедливому замечанию Е. А. Земской, выступают как «основное средство выражения деривационного значения производного слова» [6, с. 180].

В этом контексте особое внимание заслуживает суффикс *-от(а)*, как один из значимых формантов в образовании отадъективных существительных.

Согласно В. В. Виноградову, данный суффикс в сочетании с непроизводными основами качественных прилагательных используется для образования существительных со значением качества, свойства, абстрактного признака или состояния: *широта, высота, доброта, чистота, простота, тошнота, красота* и др. [4, с. 123]. В отличие от своих производящих основ, эти существительные «выражают отвлеченные свойства и качества <…> самостоятельно, независимо от тех предметов, явлений или понятий, которым эти свойства присущи» [2, с. 92].

Л. С. Филиппова отмечает, что суффикс *-от(а)* относится к числу регулярных, но непродуктивных словообразовательных формантов современного русского языка [12, с. 136]. По ее наблюдениям, «существительные с этими суффиксами составляют значительные по количеству группы, но не пополняются, новообразований такого типа нет (за исключением отдельных окказионализмов в поэтических произведениях, ср. *глупота* (у Е. Евтушенко)» [12]. Таким образом, несмотря на высокую частотность употребления, рассматриваемые образования не склонны к расширению через новые лексемы и чаще представляют собой устойчивые единицы.

Отадъективные существительные с суффиксом *-от(а)* обозначают, как правило, «непроцессуальный признак» [12, с. 110], обладают высоким уровнем отвлеченности и лексико-семантической насыщенности. Это делает их чувствительными к контексту и создает значительные трудности при переводе, особенно в случае передачи на персидский язык, где отсутствует полная структурная и семантическая эквивалентность рассматриваемым единицам.

В условиях стремительного развития нейросетевых технологий особую значимость приобретает вопрос сопоставления языков, в частности сопоставления данных отадъективных единиц в контексте машинного перевода. Э. С. Ветрова справедливо подчеркивает, что «среди научных направлений, основанных на сопоставлении языков, наиболее тесные связи обнаруживаются между теорией перевода и сопоставительной (контрастивной) лингвистикой» [3, с. 139]. Это подчеркивает важность привлечения данных контрастивного анализа как основы для оценки переводческой адекватности и совершенствования алгоритмов ИИ-перевода.

Данный подход подтверждается и в трудах А. Д. Швейцера, который указывает на необходимость не только описания возможных переводческих трансформаций, но и объяснения принципов выбора конкретного варианта в зависимости от контекста. Он подчеркивает, что «в теории перевода недостаточно указать, что та или иная грамматическая конструкция может быть переведена несколькими способами в зависимости от контекста. Необходимо объяснить принципы выбора того или иного варианта <…> Теория перевода должна рассматривать все средства передачи содержания подлинника – грамматические и лексические – комплексно» [3, с. 156].

Следовательно, только комплексный, контекстуально ориентированный подход позволяет достичь адекватной интерпретации и перевода лексем, обладающих высоким уровнем абстракции и этической стилистической маркировкой.

Методологическая база настоящей работы строится на принципах корпусного анализа и контрастивной лингвистики. Эмпирическим материалом послужила выборка из восьми деадъективных существительных с суффиксом *-от(а)*: *правота, неправота, прямота, доброта, щедрота, простота, чистота, нечистота*. Эти единицы были отобраны на основании их выраженной этической семантики и высокой степени абстракции. Как подчеркивает М. Н. Янценецкая, суффикс *-от(а)* относится к числу наиболее абстрактных деривационных формантов в современном русском языке, уступая в этом отношении лишь суффиксу *-ость* [15, с. 126].

Для каждой лексемы были извлечены контексты употребления из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [10]. Контекстуализация позволила учесть прагматические и стилистические особенности употребления данных единиц в реальной языковой среде.

На основе полученных фрагментов текста был выполнен автоматический перевод на персидский язык с использованием языковой модели GPT-4o, функционирующей в стандартной конфигурации без дополнительного пользовательского обучения.

Оценка качества перевода проводилась по следующим критериям:

Лексико-семантическая точность – соответствие перевода значению исходной единицы в заданном контексте;

Стилистическая релевантность – адекватность перевода с точки зрения жанра и стилистической окраски текста;

Культурная адекватность – способность передать прагматические, ценностные и эмоциональные коннотации оригинала.

Каждое переводческое соответствие оценивалось двумя независимыми экспертами – иранскими кандидатами филологических наук, обладающими профессиональной квалификацией в области русско-персидского перевода. Для повышения надежности результатов применялась процедура межэкспертной валидации: при расхождении оценок проводилось согласительное обсуждение до достижения единого решения.

Таким образом, предложенная методология сочетает количественный корпусный подход с качественным экспертным анализом, что обеспечивает комплексную и объективную оценку перевода – не только на уровне формального соответствия, но и с точки зрения глубины семантической и культурной релевантности.

Настоящий раздел представляет собой поэтапный анализ переводов деадъективных существительных с суффиксом *-от(а)*, выполненных языковой моделью GPT-4o, в аспекте этической семантики. Каждое из восьми слов исследуется с точки зрения семантической нагруженности, контекстной уместности и точности передачи значения на персидский язык.

Правота: *И самое страшное, что никто, НИКТО, не способен объяснить им этого. Они СВЯТО уверены в своей правоте. Потому что СВЯТО верят в предмет своего обожания…* [n. Запись LiveJournal (2004)]

و از همه وحشتناکـتر این است که هیچکس، هیچکس قادر نیست این موضوع را برای آن‌ها توضیح دهد. آن‌ها با ایمان مقدس به درستی خود یقین دارند، زیرا با باور مقدس عاشق موضوع پرستش خود هستند…

В данном контексте лексема «*правота*» отражает не только логическое представление о правильности, но и выраженную моральную убежденность. Модель GPT-4o стабильно использует для ее перевода вариант «درستی», что является формально корректным, но не охватывает всей прагматико-этической глубины оригинала. Более релевантным эквивалентом в данном случае могло бы быть «حقانیت», подчеркивающее идею правоты как обоснованной моральной позиции. Поскольку в персидском языке отсутствует единичный универсальный аналог, перевод лексемы

варьируется – от «درستی» до «حق به جانبی» – в зависимости от контекста (логического, правового или этического).

Неправота: *Если интеллигентный человек по размышлении приходит к другим мыслям, чувствуя свою неправоту, особенно в вопросах, связанных с моралью, – это его не может уронить*. [Дмитрий Лихачев. О русской интеллигенции (1993)]

اگر یک انسان روشنفکر پس از تأمل به افکاری دیگر برسد و نادرستی خود را احساس کند، به‌ویژه در مسائل اخلاقی، این امر باعث سقوط شأن او نمی‌شود.

Лексема «*неправота*» в данном контексте обозначает внутреннее признание собственной моральной ошибки, а не просто фактологическую неточность. Перевод модели GPT-4o – «نادرستی» – хотя и допустим, акцентирует внимание на отклонении от нормы, придавая значению оттенок объективного дефекта. Такой подход нивелирует этическую составляющую оригинала. Более точным с точки зрения прагматического содержания был бы вариант «عدم حقانیت», который адекватно передает идею осознанного несоответствия моральным нормам в контексте нравственного саморефлексивного суждения. Анализ демонстрирует, что языковая модель систематически переводит слово «*неправота*» как «نادرستی», что не всегда отражает его прагматическое содержание.

Прямота: *Вот и сейчас обе, прямые до жестокости, испугались своей прямоты и отказывались от нее*. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

و اکنون نیز هر دو، صریح تا حد بی‌رحمی، از صراحت خود ترسیدند و از آن دست کشیدند.

Синтаксический дериват «прямота» имеет несколько значений в персидском языке: صراحت, رک‌گویی, بی‌پروایی/بی‌ملاحظگی, سادگی и т.д. В данном фрагменте лексема имеет отрицательную стилистическую маркировку, указывая на чрезмерную резкость, граничущую с жестокостью. Модель GPT-4o переводит ее как «صراحت», что в персидском языке традиционно несет положительную оценку и ассоциируется с честностью и открытостью. В рассматриваемом контексте более точным соответствием была бы лексема «رک‌گویی», способная передать оттенок грубоватой, чрезмерной откровенности. Таким образом, выбор модели демонстрирует недостаточную чувствительность к прагматической нагрузке и оценочной окраске оригинального выражения.

Доброта: *Он всегда рос в духе свободы, доброты и любви*. [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15]

او همیشه در فضایی آکنده از آزادی، مهربانی و عشق رشد کرده است.

В данном контексте дериват «*доброта*» обозначает не только положительное нравственное качество, но и ключевой компонент гуманистической воспитательной среды. Перевод GPT-4o – «مهربانی» – точно отражает эмоционально-этическую составляющую оригинала, сохраняя акцент на сердечности и душевной щедрости. Наличие в персидском языке устойчивого и семантически адекватного эквивалента обеспечивает высокую степень соответствия без искажения исходного смысла.

Щедрота: *Счастлив ныне, избавленный от неволи всещедрою вашего императорскаго величества милостию, наипаче счастливым назваться могу, если та же щедрота и милосердие благоволят, да увижу и облобызаю престарелых моих родителей*. [А. Н. Радищев. Прошение на имя Павла I (1797)]

و خوشبخت‌تر خواهم بود اگر همان بخشش و مهربانی اکنون خوشبختم که به رحمت بی‌کران اعلی‌حضرت از بند آزاد شده‌ام؛ اجازه دهد که پدر و مادر سالخورده‌ام را ببینم و ببوسم.

Лексема «*щедрота*» представляет собой высокостилистическое образование с архаизирующим оттенком, характерное для официальной и торжественной речи XVIII века. Ее метафорическая насыщенность и стилистическая экспрессия требуют особой осторожности при передаче. Модель GPT-4o воспроизводит это значение с помощью сочетания «بخشش» и «مهربانی», что в целом сохраняет общий смысл, но нивелирует культурно-речевую специфику оригинала. В зависимости от контекста более точными аналогами могут быть «گشاده‌دستی», «سخاوت», «فضل», «بخشش» или «برکت». Наблюдается ограниченная адаптация модели к высокому регистру, что снижает стилистическую точность перевода.

Простота: *В ней это сочетается – простота и осознание своего высокого предназначения*. [Сати Спивакова. Не все (2002)]

در او این دو خصلت جمع شده‌اند: سادگی و آگاهی از شأن والای خویش.

В данном контексте «*простота*» описывает личностное качество, противопоставляемое социальному превосходству и статусности. Перевод модели GPT-4o – «سادگی» – точно передает семантическое содержание лексемы и сохраняет ее нейтральную оценочную окраску. Наличие в персидском языке устойчивого эквивалента обеспечивает высокую степень лексической и стилистической релевантности, что делает перевод модели GPT-4o адекватным в рамках исходного контекста.

Чистота: *Не будет соблюдена чистота эксперимента, заявил он*. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]

او اعلام کرد که پاکیزگی آزمایش رعایت نخواهد شد.

Лексема «*чистота*» в данном контексте употребляется в узкоспециальном значении – как характеристика методологической строгости научного эксперимента. Модель GPT-4o переводит ее как «پاکیزگی», что формально допустимо, однако отражает преимущественно физическую или санитарную чистоту. Более точным эквивалентом в научной терминологии является «خلوص آزمایش», соответствующий понятию *experimental purity*. Полисемантичность оригинальной единицы требует особой контекстуальной чувствительности, с которой модель справляется лишь частично, демонстрируя ограниченную способность к распознаванию специализированных значений. В целом, слово «*чистота*» обладает сложной семантической структурой и может передаваться на персидский язык через различные лексемы – «پاکیزگی», «تمیزی», «خلوص», «پاکی», «طهارت» – выбор которых определяется сферой употребления, что существенно затрудняет точный и адекватный перевод средствами искусственного интеллекта.

Нечистота: *На Никольской стояли пустые каменные лавки, в которых была свалена «всякая нечистота и мерзость»*. [С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству (2000)]

در خیابان نیکولسکایا، دکه‌های سنگی خالی‌ای ایستاده بودند که در آن‌ها "هرگونه ناپاکی و پلیدی" انباشته شده بود.

В представленном контексте лексема «*нечистота*» употребляется в буквальном значении – как обозначение физической грязи, мусора и отбросов. Модель GPT-4o передает ее как «ناپاکی», что в персидском языке преимущественно связано с религиозно-нравственными коннотациями и может восприниматься как маркер моральной нечистоты. Такой перевод нарушает прагматическую адекватность оригинала. Хотя «ناپاکی» может иметь и другие контекстуальные соответствия, включая «پلیدی» (мерзость), «فساد اخلاقی» (коррупция, моральное разложение) и «آلودگی» (загрязнение), их выбор должен строго зависеть от конкретной семантики высказывания. Более точным эквивалентом в данном случае является «کثیفی», отражающий конкретное материальное состояние объекта. Использование GPT-4o одного и того же варианта – «ناپاکی» – в широком спектре контекстов свидетельствует о ее ограниченной способности к семантической дифференциации при передаче лексем с двойной, буквально-моральной природой.

Проведенное исследование позволило выявить ряд принципиально важных аспектов, касающихся перевода деадъективных существительных с суффиксом -*от(а)* с русского языка на персидский в условиях применения языковой модели GPT-4o. Корпусный анализ восьми лексем с выраженной этической и абстрактной семантикой показал, что несмотря на формальную корректность большинства переводов, модель демонстрирует ограниченную способность к передаче прагматических, культурных и стилистических оттенков значений.

Наибольшие сложности возникают при интерпретации лексем с негативной или иронической окраской, высокой полисемией или жанровой спецификой. В то же время, если в персидском языке имеется устойчивый и функционально сопоставимый эквивалент, модель GPT-4o демонстрирует приемлемый уровень точности.

Полученные результаты подтверждают роль профессионального переводчика, т.е. носителя языка перевода, особенно при работе с лексикой абстрактного уровня. Как подчеркивает А. В. Морева, в таких случаях «в выигрышном положении оказывается носитель языка перевода, имеющий в своем арсенале более богатый набор языковых соответствий, безусловно, более тонко чувствующий их стилистические оттенки. Роль носителя переводящей культуры в таких случаях трудно переоценить» [9, с. 60].

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется комплексное изучение взаимодействия нейросетевых языковых моделей с синтаксически и семантически сложными единицами. Как справедливо замечают А. А. Ширяева и И. В. Новицкая: «механизм работы нейросетей совсем не идеален, он нуждается в постоянном совершенствовании, а для этого надо беспрерывно анализировать их устройство, выявлять слабые места, чтобы в будущем минимизировать возникновение ошибок» [13, с. 92].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева С. В., Шагдарова Д. Л. Морфемика и словообразование русского языка: учебно-методическое пособие / С. В. Андреева, Д. Л. Шагдарова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2014. – 66 с.

2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник / под ред. Н. С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с.

3. Ветрова Э. С. Теория перевода и сопоставительное изучение языков: учеб. пособие / Э. С. Ветрова. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 167 с.

4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. школа, 1986. – 640 с.

5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение: ок. 100 000 слов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1980. – 880 с.

6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 328 с.

7. Курилович Е. Очерки по лингвистике: Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 57-70. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/kurilovich/text.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

8. Малышева Е. Г., Рогалева О. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология [Электронный ресурс]: учебно-методический комплекс / Е. Г. Малышева, О. С. Рогалева. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2014. – 328 с. – URL: https://e.lanbook.com/book/47572 (дата обращения: 01.06.2025).

9. Морева А. В. Роль носителя исходного языка в редактировании перевода художественного текста (из опыта работы автора) / А. В. Морева // Язык и культура. – 2024. – № 67. – С. 58-75.

10. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.06.2025).

11. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.

12. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие / Л. С. Филиппова. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 248 с.

13. Ширяева А. А. Преимущества и недостатки использования нейросетей для обработки естественного языка (NLP) / А. А. Ширяева, И. В. Новицкая // Язык и культура. – 2024. – № 67. – С. 89-101.

14. Языковая модель GPT-4o [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chatgpt.com (дата обращения: 01.06.2025).

15. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск: Изд-во Томского университета, 1979. – 242 с.

ИСТОРИЯ

УДК 358.4(09) (1-924.72/76)

ЗАБЫТОЕ НАЧАЛО: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ АВИАЦИОННЫХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В КРАСНОДАРЕ

Кушнерёв Валерий Владимирович
Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры навигации и боевого применения Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени А. К. Серова
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-3203-5527

Третьяченко Дмитрий Сергеевич
Кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры навигации и боевого применения Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени А. К. Серова, г. Краснодар, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-0693-4176

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью изучения и восстановления исторической правды вопроса о состоянии и деятельности советского руководства в подготовке авиационных кадров, накануне и во время великой отечественной войны. Попытки раскрытия темы были предметом спорных обсуждений авторами в социальной сети (интернет). Авторами впервые детальное исследование построено на анализе материалов из групп источников: – 7 фондов центрального архива министерства обороны российской федерации (цамо) и российского государственного военного архива (ргва), мемуаров и воспоминаний учащихся и периодической печати. Целью исследования являлся комплексный анализ формирования авиационных учебных заведений в г. Краснодар, их становления, развития и деятельность в период с 1935 по 1960 год. Кроме того, устранение «белых пятен» в историографии военной истории, в частности, в вопросе авиационного наследия на кавказе, в том числе и кубани, а также убрать искажённую историю возникновения краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков, которую ошибочно рассматривают соцсети.

Ключевые слова: краснодар, авиационное училище, курсанты, учебный процесс, война, боевые действия, герои, югославы.

FORGOTTEN BEGINNING: TO THE QUESTION OF HISTORY OF AVIATION MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN KRASNODAR

Valery Vladimirovich Kushnerev
Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Department of Navigation and Combat Engineering, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after A. K. Serov, Krasnodar, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-3203-5527

Dmitry Tretyachenko
Candidate of Pedagogical Sciences, teacher of the Department of Navigation and Combat Use of the Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after A. K. Serov, Krasnodar, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-0693-4176

The urgency of the problem is due to the need to study and restore the historical truth of the question of the state and activity of the Soviet leadership in the training of aviation personnel, on the eve and during the Great Patriotic War. Attempts to disclose the topic were the subject of controversial discussions by the authors on the social network (Internet). The authors of the first detailed study are based on an analysis of materials from groups of sources: - 7 funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO) and the Russian State Military Archive (RGVA), memoirs and memoirs of students and periodicals. The purpose of the study was a comprehensive analysis of the formation of aviation educational institutions in Krasnodar, their formation, development and activities from 1935 to 1960. In addition, the elimination of "white spots" in the historiography of military history, in particular, on the issue of aviation heritage in the Caucasus, including the Kuban, as well as remove the distorted history of the Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots, which is mistakenly viewed by social networks.

Keywords: Krasnodar, aviation school, cadets, educational process, war, military operations, Heroes, Yugoslavs.

*****

…С летчиками слепой командующий становится зрячим.
(Н. Попов. Война и лёт воинов)

Понимая эффективность авиации, серьёзное внимание на её сохранение и развитие обратило руководство молодой Российской Социалистической Федеративной Советской Республике (7.1918 г) и в дальнейшем советское военное авиационное руководство. Так уже, к началу Великой Отечественной войны, в связи с нарастанием угрозы военного нападения на СССР, в стране увеличилось количество авиационных училищ с 11 до 83[10]. Реорганизация органов авиационного военного образования коснулась и Кавказа. Здесь кузницей подготовки летчиков стал г. Краснодар.

4 августа 1936 г. в Абинских лагерях на базе 74-ой и 22-ой стрелковых дивизий началось формирование 6-ой Военной школы летчиков-наблюдателей. Формировать её было приказано полковнику Сурханов, начальнику политотдела Кузину, начальнику штаба Санину. Всего на то время в составе находилось 11 офицеров, 8 сержантов, 9 гражданских, 270 курсантов и аж 5 автомобилей [19, Л. 1]. 13 октября составом в 254 человека школа из лагерей перебазировалась в г. Краснодар. С января 1937 г. на аэродроме было начато формирование учебной авиаэскадрильи и организована подготовка школы для летного обучения курсантов.

На 1938 г. школа не имела условного номера, но это не помешало участию ее организационного ядра в Окружной Оперативной игре с 6 по 10 апреля 1938 г.[13, Л. 16]. 11 мая школу с инспекцией посетил Начальник ВУЗ ВВС РККА комдив Левин [13, л. 22]. На то время были начальником школы майор Трушин, начальник штаба капитан Яковлев, комиссар Елисеев. 13 мая 1938 г. школа становиться Краснодарским военным авиационным училищем. 13 августа на базе созданной эскадрильи создаются 2-я и 3-я авиационные эскадрильи. Командовали 1 авиационной эскадрильей (аэ) на самолётах У-2 Сажин, 2 ой аэ – М. Я. Филитов. В состав 1-й аэ входили 10 классных отделений курсантов (с 1 по 10), во 2-ю отделения с 11 по 20. Обучали курсантов 33 лётчика-инструктора, командирами звеньев у них были Усачёв, Лукашев, Павлов, Прамошкин, Дудкин.

С февраля 1938 г. в училище стала поступать авиационная техника. Поступило 17 самолетов У-2 и 3 Р-5[12, Л. 6], и уже в марте летчики-инструктора выполнили 150 полетов с налетом 34 часа 21 минута[12, Л. 17], а в последующем приступили к обучению курсантов. На первое сентября в училище находилось самолеты: 22 У-2, 23 Р-5, 3 УТ-1, 1 ТБ-1, 1 ТБ-3, 1 СБ.

В этом году школа начинает издавать внутреннюю печатную газету «На боевом курсе» [13, Л. 39].

18 августа 1939 г. страна праздновала День авиации под лозунгом «Да здравствуют советские лётчики – гордые соколы нашей родины». В г. Краснодаре прошла «авиамассовка», где присутствовало около 40 тысяч жителей города. На празднике прошел парад курсантов летного училища и аэроклуба. К смотру были представлены пассажирские самолеты «Сталь 2», «Я6», учебные самолеты «УТ-1» и «У-2», тяжелый и легкий бомбардировщики, самолет-разведчик, модели авиационных бомб и авианавигационных приборов. Над городом был показан воздушный парад. Силами курсантов Краснодарского авиационного училища был дан концерт [4].

Анализ военно-политической обстановки, начало Второй мировой войны в 1939 г. и прогноз возможного участия в ней СССР, потребовали от командования училища произвести два набора курсантов: 927 в августе и 825 в ноябре. В ноябре был выполнен первый выпуск из училища 313 курсантов набора 1937 г. с присвоением звания «младший лейтенант» и «лейтенант». Набор в 1940 г. составил 884 курсанта [19, Л. 2], а выпуск – 547.

Для прохождения лётной практики такого большого количества курсантов 6 января 1941 г. в училище формируются еще две дополнительные авиационные эскадрильи. В этом же месяце школа выпускает 790 курсантов с присвоением воинского звания «сержант». В апреле 2337 курсантов распределяются в Челябинскую, Мелитопольскую, Ярославскую, Канскую и Олсуфьевскую авиашколы стрелков-бомбардиров [19, Л. 8].

10 января 1941 г. училище переименовано в Краснодарскую военную авиационную школу стрелков-бомбардиров, но уже 1 июня, она была расформирована и на её базе создаётся Краснодарское объединённое авиационное училище по подготовке командиров и штурманов ближнебомбардировочной авиации. Командовал школой в период со 2 января 1940 г. по 11 февраля 1941 г., участник Гражданской и Советско-Финской войн, награжденный орденом Красная Звезда, комбриг (с июня 1940 г. генерал-майор авиации) Красовский Степан Акимович, которого сменил 24.01.1941 г. полковник Ошурков Леонид Яковлевич. Временно в период с 24 июня по 15 июля 1941 г. училищем командовал генерал-майор авиации Казьмин Михаил Павлович. Обязанности начальника штаба школы (училища) исполнял Цыбин.

С началом Великой Отечественной войны училище перешло на штаты военного времени, организационно проведён большой комплекс мероприятий по охране, обороне инфраструктуры авиагородка, уточнена программа подготовки лётчиков. Командование проводит мобилизационные ротации: распределяются 240 лётчиков на самолёт СБ; 300 отличников переводятся в Полтавские высшие авиационные курсы штурманов; происходит доукомплектование переменного состава на подготовку лётчиков – 929, штурманов – 580, стрелков-бомбардиров – 429 курсантов; подготовлено 200 преподавателей для других учебных заведений [19, л. 10].

В период с 11 по 27 ноября экипажи на самолётах 3 ДБ-3, 1 СБ, 6 Р-6, 4 Р - 5 приняли участие в боевых действиях в интересах 51-ой и 56-ой Армий на Керченском и Ростовском направлениях. Целями назначались автоколонны на дорогах Мариуполь-Таганрог, Мариуполь-Успенская, скопление войск в районах населённых пунктов Будённовка, Безымяновка, Беглицкий, Ново-Николаевка, аэродром Мариуполь, склады боеприпасов и ГСМ [19, Л. 17]. В боевых вылетах участвовали полк под командованием Сажина (8 вылетов Р-5, 5 вылетов Р-6, 15 вылетов ДБ-3) и полк под командованием Смагина (7 вылетов Р-5, 3 вылетов ДБ-3). Известны некоторые фамилии лётчиков участников тех событий: Киреев, Ильин, Кружнин, Шитов,

Хорицкий, Митарев, Зошкевич, Зибирев, Кузьмин, Жмулин, Воронин, Митенко [19, Л. 215]. Всего выполнено 38 боевых вылетов, сброшено 325 бомб, применено 7857 пуль. Потери составили три самолёта ДБ-3, два Р-6, погибло шесть членов лётных экипажей и шесть пропало без вести [19, Л. 214]. 8 декабря подвергся бомбардировке авиагородок училища. Люфтваффе сбросило на него 21 бомбу, погибло 10 человек и 20 получили ранения [19, Л. 10].

Первого марта 1942 г. начальника училища сменил полковник Мельников Иван Захарович. В апреле училище доукомплектовывается 42 самолётами СБ и УСБ. На эти самолеты формируется строевой бомбардировочный полк [20, Л. 22-25]. Параллельно с обучением курсантов и формированием боевого полка идет подготовка к эвакуированию в Закавказье. С 10 по 25 мая 1942 г. училище перебазируется через аэродром г. Махачкала в г. Агдам Азербайджанской ССР [20, Л. 29].

Организацией перебазирования и восстановлением процесса функционирования училища руководил начальник училища полковник Анашкевич Иван Тимофеевич, а с 15 августа полковник Кремезович Павел Павлович. На новом месте училище за 1942 г. подготовили 129 летчиков и 70 штурманов на самолёт СБ, 23 летчика и 17 штурманов на самолет «Boston» Б-3.

Параллельно с учебной подготовкой училища направляло призывников в 1-ю запасную авиационную базу и 1-й учебно-тренировочный полк, в 17 школу первоначального обучения пилотов, в 43-ий и 51-ый стрелковые бригады при обороне Кавказа. С 28 августа по 17 сентября школа составом 11 самолётами СБ участвовали в боях на подходах к Кавказскому хребту, выполнив при этом 109 боевых вылетов с налетом 312 часов [19, Л. 5].

В декабре училище поступает новая авиационная техника – «Boston» Б-3 и Ил-2. Курсанты приступили к освоению самолётов Пе-2 в 1-ой аэ, «Boston» Б-3 во 2-ой и 3-ей аэ, Ил-2 в 4-6 эскадрильях.

20 апреля этого года начальником училища становиться полковник Пристром Евгений Степанович, который перебазирует учебное заведение составом в 2365 человек и 140 самолётов на новое место. В приказе был указан г. Армавир [11, Л. 207-210.], но из-за возникших проблем с 26 июня училище расположилось на аэродромах в районах г. Грозного, г. Гудермеса, ст. Нестеровской, ст. Слепцовской Чечено-Ингушской АССР. В июле личный состав училища, участвовавший в обороне Севастополя и Сталинграда, был награжден соответствующими медалями [23, Л. 43-48], а в августе, за успешную организацию и руководство училищем, полковник Е. Пристром награждён орденом Красная Звезда [24].

На новом месте, в ноябре 1944 г. училище дополнительно приступает к обучению иностранных курсантов из Югославии, и уже из выпускников в марте 1945 г. формируется 2-ой Югославский штурмовой авиационный полк под командованием майора Мирко Штепановича [21, Л. 263-270].

Всего Краснодарское объединённое авиационное училище подготовило 1597 летного состава (54% от плана).

24 марта 1945 г. Краснодарское объединённое авиационное училище переименовывается в Грозненское военное авиационное училище [22, Л. 38] и в августе переподчиняется Ставропольскому военному округу. Уже здесь, 1 мая 1945 г. личный состав училища, а 18 августа - сводной авиаэскадрильи Черноморской оперативной группы награждаются медалью «За оборону Кавказа».[2].

В соответствии с приказом НКО СССР от 6 ноября 1940 г. 20 декабря в Краснодаре начинается формирование Краснодарской военной авиационной школы пилотов (КВАШП), войсковая часть 21960 [25, Л. 183-191]. Начальником школы был назначен полковник Душутин Николай Иванович, заместителем начальника школы по политической части был назначен батальонный комиссар М. А. Забрусский, начальником штаба – майор В. У. Петухов.

В школе формируются пять истребительных авиационных эскадрилий, базировавшиеся в г. Краснодаре и его окрестностях. Слух о начале формирования школы распространился в аэроклубах, откуда после их окончания стали поступать

абитуриенты [5, С. 3]. Набор курсантов школы приема 1941 г. составил 296 человек [25, Л. 183-191]. После программы теоретической подготовки и двадцатичасовой программы полётов на учебном самолёте УТ-1, УТ-2 курсанты приступали к освоению УТИ-4 и И-16 тип 5, стоявших на вооружении эскадрилий школы располагавшихся разных станицах Кубани.

Так, известие о начале войны на один из аэродромов близ станицы Кореновской, 22 июня довел прилетевший из г. Краснодара начальник летной подготовки школы майор А. Г. Арандт. По приказу все учебные эскадрильи перебазировались на гражданский аэродром в г. Краснодаре и возобновили учебный процесс. Сюда же перебазировалась 653-я истребительная авиационная часть на И-15бис из г. Армавир, самолеты которой периодически бомбили фашисты [8, С. 25-26].

С началом войны курсанты и руководство школы обратились к И. И. Сталину, что собрали 400000 руб. и облигаций займа на сумму 685 тысяч рублей, для оказания помощи в постройке звена истребителей для фронта, на что получили одобрительное поощрение от главнокомандующего.

22 июня 1942 г. школе истребителей была поставлена задача из состава лётчиков-инструкторов, нести боевое дежурство и участие в боевой работе (Директива Генерального Штаба от 02.04.1998 г. №8) [6, С. 527]. В период с сентября 1941 г. по май 1942 г. лётчики прикрывали и обороняли аэроузел г. Краснодар, сопровождали железнодорожные составы. За это время летчики-инструктора училища выполнили 950 вылетов на патрулирование и 83 полётов с воздушными боями. 10 ноября 1941 г. из числа личного состава школы был сформирован истребительный полк на 20 самолётах И-16 и направлен на фронт в район г. Керчь.

С началом войны изменился учебный процесс обучения. Полёты одной из эскадрилий КВАШП на аэродроме близ станицы (ст.) Кореновской продолжались. Здесь осенью был получен один самолет Як-1, который начали изучать инструкторы и руководящий состав. Выпавший в ноябре обильный снег прекратил полёты, и курсанты занимались очисткой лётного поля для самолетов ДБ-3, перелетевшей сюда в начале декабря 1941 г. 6-й дальнебомбардировочный авиационный полк. В марте 1942 г. учебный процесс на И-16 возобновился, и уже в мае при налёте 48 часов прошёл выпускной экзамен. Курсанты, получив звание «сержант» были распределены по местам службы. Выпускников КВАШП направляли в 27, 26,19, 13 запасные авиаполки и 10-ый учебно-тренировочный авиаполк [9, С. 23].

В связи с сложившейся военной обстановкой в стране, с 27 мая 1942 г. школа эвакуируется в г. Пугачёв, Саратовской области. Инструктора перегнали самолёты своим ходом, а курсантов перевезли железнодорожным транспортом. На новое место базирования добирались больше месяца. Начальнику училища за организованный процесс перебазирования без происшествий была объявлена благодарность. Здесь на аэродроме в г. Пугачёве КВАШП приступила к своей основной задаче – подготовке летчиков, где только за 1942 г. было подготовлено 785 истребителей на самолётах И-16 и Як-1. В феврале 1943 г., за успехи в подготовке пилотов, начальник школы Н. И. Душутин был награждён вторым орденом Красная Звезда.

После освобождения г. Краснодар школа, составом 2178 военнообязанных с 248 самолётами, с 1349 курсантами, возвращается в феврале 1944 г на прежнее место и продолжает работу до 20 октября 1945 г. Штаб школы располагался на ул. Тельмана № 4, ремонтные авиамастерские на ул. Кузнечная № 15 и ул. Леваневского № 2. Процесс подготовки летчиков-истребителей проходил на аэродромах в ст. Васюринской (колхоз "Ивко"), ст. Пашковской, ст. Пластуновской (военный городок № 1), ст. Козырьковской, ст. Кореновской (штаб и жилая зона на ул. Красная № 66, курсантские казармы располагались на ул. Красная № 53)

Учебный процесс по подготовке авиационных кадров организовали и проводили: начальник – полковник Н. И. Душутин; начальник штаба – подполковник Тер-Степанов; заместитель по политической части – подполковник Алексеев; помощники по летной подготовке – майор Мягков, майор Гайдамака; начальник

ОУЛП – майор Зайцев; старший штурман – майор Малько; начальник цикла воздушной стрельбы – майор Акульшин; командиры авиационных эскадрилий: 1-ой – капитан Ковалев, 2-ой – капитан Фатеев, 3-ей – капитан Ситник, 4-ой – капитан Артамонов, 5-ой – ?

Оборонная промышленность страны работала на фронт, но и в училище 1944 г. после ремонта поступали самолеты для обучения курсантов, техника была изношенная и аварийная, что приводило к гибели лётчиков. Так, в авиационной катастрофе 25 августа 1944 г. погиб курсант Неляпин Василий Тимофеевич на самолёте УТИ-4, а 30 апреля 1945 г. – инструктор Балакин Александр Петрович [3].

Осенью 1944 г. часть лётного состава прошла переучивание на самолёты Як-7б и Як-9тд.

Осенью 1944 г. Краснодарская военная авиационная школа пилотов приступила к обучению югославских военнослужащих. По договору должно было обучаться 191 человек, но фактически прибыло 156, из них 49 офицеров и 107 сержантов. Сформированный 14 октября в г. Снодар (Югославия) 1 югославский Полк Борца, структурно состоящий из штаба (5 чиновников) и трёх авиационных подразделений (37 пилотов и технический состав) стал обучаться на самолёт Як-3. Процесс обучения был закончен 1 мая 1945 г. Полк под командованием югослава Petara Radevića с 7 по 14 сентября перелетел в Югославию на аэродром Zemun, где был переименован в 254-й Полк Авиации Борца [31].

На 1 января 1945 г. в школе обучалось 862 курсанта, из них: – 662 в учебных авиаэскадрильях и 200 в запасном учебном батальоне. В апреле, с 7 по 12, школа подверглась инспекторской проверки командования Военно-воздушных сил Рабоче-крестьянской Красной армии (ВВС РККА), по результатам которой в акте было указано в некомплекте 61 офицерского состава, из них 39 лётчиков-инструкторов. За время функционирования школы на фронте прошли боевую стажировку начальник школы, 6 преподавателей, 15 лётчиков-инструкторов и 2 военнослужащих техников [17, Л. 395].

В истории военной авиации пока известно 22 выпускника ВАШП, удостоенных звания Героя Советского Союза, 102 военнослужащих награждены орденами и медалями.

За историю Великой Отечественной войны известно около 15 случаев побега из немецкого плена лётчиков на самолётах. Кубанец выпускник Краснодарской ВАШП гвардии младший лейтенант Николай Кузьмич Лошаков первый документально совершил этот подвиг 11 августа 1942 г. Взлетев с полевого аэродрома у г. Остров на Псковщине на самолёте Физелер Fi 156 - «Storch» вместе с Иваном Александровичем Денисюк и пролетев 400 км, приземлились в Новгородской области у деревни Бритино. Бежавшие из плена были осуждены 4 декабря 1943 г, Николай Кузьмич получил три года в ИТЛ г. Воркуты. В 1958 году Н. К. Лошаков реабилитирован, 6 мая 1965 г. награжден орденом «Красной Звезды», незадолго до смерти вернулся в г. Краснодар и умер 14 февраля 1984 г. В 1961 году по истории этого побега вышел художественный фильм «Чистое небо» [14, С. 440-441].

За период функционирования школы с 20.12.1940 г. по 29.09.1945 г. было обучено на самолёте И-16 – 1757, на самолёте Як-1 – 870 курсантов, обучен и сформирован на самолётах Як-3 1-ый Югославский истребительный полк.

На основании Директивы Генерального штаба от 1945 г. школа расформировывается и личный состав перераспределён в Одесскую (в г. Фрунзе, 300 курсантов), Козырьковскую и Черниговскую авиационные школы пилотов [19, Л. 267-267об].

Книги учёта личного состава школы были сданы в ВВС Кубанского Военного Округа, остальные дела и документы сданы в архив НКО г. Бузулук, а 28 сентября1945 г. Боевое знамя, Грамоту Президиума ВС СССР и Историческую справку в Исторический Музей Красной Армии [1].

30 июля 1941 г. на аэродром г. Краснодар из Полтавы (Украина) эвакуируется **Полтавские высшие авиационные курсы штурманов** [30, Л. 11-12]. Командовал воинской частью участник боевых действий в Испании Герой Советского Союза

полковник Прокофьев Гавриил Михайлович [15, С. 102-103]. Здесь в г. Краснодаре из состава инструкторов и слушателей формируется авиационный полк скоростных бомбардировщиков (сбап) на самолётах СБ. 1 сентября 1941 г. полк составом трёх эскадрилий на 27 самолётах [28, Л. 12] убыл в Крым в распоряжение командующего 51 Отдельной армии. Дислоцировалась данная авиация на аэродромах у станции Граматиково [16, Л. 612] (Краснофлотская), савхоза Китай и Сарабуз откуда вела боевые действия по переправам через реку Днепр и в районе г. Бориславль-Каховка. 5 сентября из состава школы, на пополнение формируемых авиационных частей под командованием капитана Гурьева убывают 4 ДБ-3 и 6 экипажей в распоряжение командира 2-го авиационного корпуса и 4 октября 2 ДБ-3 в 4 воздушно-десантный корпус в г. Энгельс [28, Л. 3-3об]. 12 сентября с фронта возвращается полк в г. Краснодар. За этот период лётчики полка выполнили 133 боевых вылета с налётом 252 часа 30 минут, применено бомб: 185 ФАБ-100, 600 ФАБ-50, 8 ЗАБ-50, 2124 ЗАБ-, 8584 АО-2,5. Потери составили 6 экипажей: 2 ДБ-3, 4 СБ, 16 человек лётного состава.

12 сентября из г. Краснодара авиационная часть эвакуируется в Ворошиловск (Ставрополь)[29, Л. 4]. На основании Постановления ГОКО от 23.10.1943 г. № 4404 Полтавские курсы со 2-го февраля по 9-е мая 1944 г. возвращались в г. Краснодар. Сюда прибыло: 2 генерала, 268 офицеров, 348 сержантов, 194 рядовых.

Для 480 (240 – из истребительной, 120 – из штурмовой и 120 – из бомбардировочных авиаций) слушателей-штурманов, были сформированы 5 авиационных эскадрилий: 1-я аэ, на 12 самолётах Ла-5, под командованием старшего лейтенанта Изотова; 2-я аэ, на 12 самолётах Як-1, под командованием капитана Сапельникова; 3-я аэ, на 10 самолетах Ил-2, под командованием майора Ключарёва; 4-я аэ, на 12 самолетах Бостон, под командованием капитана Баражнова; 5-я аэ, на 12 самолетах По-2, под командованием майора Тимофеева. Во время этого переселения курсы переименовали в Полтавскую высшую офицерскую школу штурманов ВВС РККА. После окончания перебазирования школу посетил с проверкой и допуском к обучению заместитель командующего ВВС Северо-Кавказского Военного Округа полковник Малышкин [27, Л. 8 об]. Школа продолжила учебный процесс с большими трудностями для того времени, основными из которых были отсутствие бензина, авиационного масла, запасных частей для авиатехники и плохая погода для полётов. На 1944 г. в офицерской школе проходили службу 443 члена КПСС, 120 кандидатов в члены КПСС, 152 члена ВЛКСМ [27, Л. 10 об]. Третьего декабря 1944 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР начальник Полтавской высшей офицерской школы штурманов ВВС КА генерал-майор авиации Г. М. Прокофьев наградил 128 военнослужащих государственными наградами: орденом «Красная Звезда» - генерала и 35 офицеров, орденом «Красное Знамя» - 15 офицеров, медалью «За боевые заслуги» - 60 офицеров и 17 сержантов. [27, Л. 14 об].

6 мая 1945 г. Полтавская высшая офицерская школа штурманов ВВС РККА была передана в подчинение Кубанского военного округа. На это время в школе числилось 427 офицеров (173 из них - слушатели), 308 сержантов, 264 рядовых [27, Л. 44] и 102 самолёта разных модификаций [Як-1(10), Як-3(3), Як-7(2), Ла-6(8), УЛа-5(4), П-2(12), Ла-2(2), По-2(6), Р-39(12), Б-3(5), УПе-2(1), СБ(4), УСБ(2), ТБ-3(1), Ил-2(6)] [26, л. 6об,7].

В 1946 г. Полтавская высшая офицерская школа штурманов ВВС РККА была переименована в Краснодарскую высшую офицерскую школу штурманов (КВОШШ). Только с 1944 г. по 1952 г. в КВОШШ обучились 1323 выпускника-фронтовика, из них дважды Герой Советского Союза гв. капитан И. Г. Столяров и 71 Героя Советского Союза [7, Л. 18].

Краснодарская высшая офицерская школа штурманов прекратила своё существование в 1959 г. и уже в 1960 г. на её базе и перебазированного Батайского военного авиационного училища летчиков было сформировано Краснодарское объединенное военное летно-техническое училище, впоследствии Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков.

Результаты исследования показали сущностные причины военно-стратегической необходимости образовательной системы подготовки кадров лётного состава Вооружённых Сил страны в анализируемый период. Выявлены и проанализированы онтологические аспекты процесса становления, динамически и трансформация содержания учебного процесса военно-авиационных училищ, расположенных в г. Краснодар. Раскрыта определённая роль субъективного фактора в зарождения и совершенствовании учебного процесса этих вузов в лице ряда лиц административных, командно-политических и обеспечивающего состава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессмертный полк. Балакин Александр Петрович. URL: https://www.moypolk.ru/soldier/balakin-aleksandr-petrovich-1(дата обращения: 21.04.2025).
2. День Воздушного Флота в Краснодаре // Большевик. Краснодар. 1939. 20 авг.
3. Из истории Краснодарской высшей офицерской школы штурманов 1945-1951 гг. Альбом: Краснодар. Музей Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова.
4. Мартианов В. Имена авиации. Дмитрий Андреевич Калинин // Мир Авиации. Авиационно-исторический журнал. 2002. №2. 34 с.
5. Мартианов В. Штурмовик с Дальнего Востока // Мир авиации. Авиационно-исторический журнал. 2000. №2. 28 с.
6. Носков Е.А. Развитие системы подготовки летных кадров в России (СССР) в 1910-2000 гг. М.: ВВА. 2004. 172 с.
7. Под крылом Россия: // Ставропольская правда. 1975. 27 февр.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.644. Оп.1. Д.166.
9. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.36060. Оп.1. Д.4.
10. РГВА. Ф.36060. Оп.1. Д.5.
11. Советская авиация. 1968 г. 25 дек.; СССР в Великой Отечественной войне, 1941-1945: Краткая хроника. Изд. 2-е. М: Воениздат, 1970.; Чистое небо Николая Лошакова. О судьбе лётчика, бежавшего из немецкого лагеря. // Молодёжь Севера: газета. 2002. № 1-2.
12. Справочник по приказам и директивам Министерства обороны Российской Федерации. М.: 2017. 630 с.
13. Сухачев М. П. Штурман воздушных трасс. М.: Московский рабочий, 1981. 128 с.
14. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. СКВО. Оп. 13212. Д. 104.
15. ЦА МО РФ. Ф. 144. Оп. 13212. Д. 8.
16. ЦА МО РФ. Ф. 60353. Оп. 35767. Д. 1.
17. ЦА МО РФ. Ф. 60353. Оп. 35767. Д. 13.
18. ЦА МО РФ. Ф. 60353. Оп. 35767. Д. 39.
19. ЦА МО РФ. Ф. 60353. Оп. 35767. Д. 63.
20. ЦА МО РФ. Ф. 60353. Оп. 35768. Д. 36.
21. ЦА МО РФ. Ф.33. Оп. 686043. № записи 49497799.
22. ЦА МО РФ. Ф. 60356. Оп. 35778. Д. 75.
23. ЦА МО РФ. Ф. 60679. Оп. 1. Д. 1.
24. ЦА МО РФ. Ф. 60679. Оп.44. Д. 1.
25. ЦА МО РФ. Ф. 60679. Оп. 35825. Д. 1.
26. ЦА МО РФ. Ф. 60679. Оп. 35825. Д. 11.
27. ЦА МО РФ. Ф. 60679. Оп. 35825. Д. 16.
28. 83-й истребительный авиационный полк https://ru.knowledgr.com/10450511/83%D0%B9%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%90

%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%D0%91%D0%BE%D1%80%D1%86%D0%B0?ysclid=lrni14x11k981703588(дата обращения: 21.04.2025).

29. Тронько П.Т. Історія місті сіл Української РСР. Том 26, Кримська область. Киев: Главная редакция УСЭ, 1974. 835 с.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблицы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
Зарегистрировано: ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (РОСКОМНАДЗОР)
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Выход в свет 20.07. 2025г., объем 8,20 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 018-20/07.
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >